

Карина Шаинян

Игра

Книга первая
ЗМЕИНЫЙ ОСТРОВ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательство «Этногенез»
Москва, 2013

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

*Книга издана при поддержке
деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU*

Шаинян, К.

Ш81 Игра. Книга первая: Змеиный остров / Карина Шаинян — М.: Издательство «Этногенез», 2013. — 256 с.

Камбоджа, 2007 год. Русский бизнесмен Пленский приглашает группу студентов на игру, победитель которой получит возможности, о которых и не мечтал. Надо всего лишь продержаться дольше других на необитаемом острове — и фантастическая карьера в корпорации Пленского обеспечена.

Казалось бы, задача проста и понятна, а выиграть должен самый сильный, хитрый и терпеливый. Но Кох-Наг, Змеиный остров, на который забрасывают студентов, не так уж прост и безобиден. Выживать в тропиках оказывается труднее, чем надеются студенты. А тем временем в руки одного из игроков, программиста Дмитрия попадает загадочный артефакт, и планы Пленского рушатся. Маленькая фигурка кальмара позволяет Диме управлять людьми. Справится ли он с внезапно свалившейся на него властью? Сумеют ли игроки остаться людьми, или страх и жажда победы заставят их потерять человеческий облик? Об этом знают только злые духи Кох-Нага...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

ISBN 978-5-906338-09-9

© Рыков К., 2013
© Шаинян К., 2013
© Издательство «Этногенез», 2013

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, магия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к достижению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие человечества, какие средства используются?

Как удастся простому кочевнику покорить полмира, а никому неизвестному лейтенанту-артиллеристу стать императором и кумиром миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг открывает в себе дар убеждения необычайной силы и взмывает к вершинам власти. Но этот дар направлен во зло, и что сумеют противопоставить ему те, кого новый вершитель судеб обрекает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, политики, ученые, художники, писатели, которым суждено не просто оставить след в истории, а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, безудержные авантюристы, фанатичные террористы и гениальные философы — чем отличаются они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспособностей» — феноменальную память, необычайную выносливость, выдающуюся силу, а порой и просто откровенно мистические свойства?

Выдающийся историк-этнограф Лев Гумилев в поисках ответов на эти вопросы разработал теорию пассионарности, основу которой составляет идея об избыточной биохимической энергетике тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Легенда гласит, что развитие человеческой расы направляет и ускоряет некая «пассионарная» энергия, существующая в виде магических артефактов — тотемных фигурок из неизвестного металла. Известно, что эти фигурки становились бесценными амулетами, попадали на гербы, делаясь родовыми знаками, и за ними велась напряженная, ни на миг не прекращающаяся охота, в которой все средства хороши.

Люди — случайные или избранные — завладев одной либо несколькими подобными фигурками, получают возможность влиять на течение собственной жизни, воздействовать на окружающих и даже на ход исторических процессов.

Человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее... Перед ним раскрываются захватывающие дух возможности, которые он волен использовать по своему усмотрению.

Тайна фигурок строго хранится. Но существуют «намёки», сообщающие о том, что перед нами владелец предмета. Отличительный признак — разноцветные глаза (зеленый и голубой).

Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга. Однако не все этому рады. В ход идут всевозможные ухищрения — темные очки, контактные линзы и даже «пиратские» повязки на глаз...

Артефакт действует только при соприкосновении с телом человека. Например, если зажат в руке или висит в виде амулета под одеждой. Нелегкая судьба заставляла некоторых владельцев прятать фигурки и под кожей, и внутри тела. На любые жертвы готов порой пойти владелец, лишь бы сохранить у себя предмет, дающий преимущество над «простыми смертными».

Для беспокойства владельцев есть много причин. Одна из главных — целые сообщества людей, чья цель — сбор предметов и контроль над ними. Это так называемые Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием. Изначально благородные цели Хранителей — собирать предметы, чтобы оградить мир от потрясений, случись магическим фигуркам попасть в дурные руки — потерпели крах. Ничто человеческое оказалось не чуждо им тоже.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты. Гениальные сыщики и отъявленные головорезы порой действуют бок о бок, выполняя задания Хранителей. Но не каждому из них, раздобыв заказанный предмет, удастся избежать искушения сделаться новым владельцем.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Скитания пещерных людей, величайшие битвы античного мира, расцветы и падения империй. Пиратские приключения в карибских водах, сражения

могущественных армий, кровавые революции. Компьютерные вирусы, мировые катаклизмы, освоение глубин земли и далекого космоса — везде, где есть человек, творится История.

Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения пока неизвестны. Линзы, как правило, охраняют таинственные существа — «хихикающие демоны».

Обычный человек, попадая в линзу, не знает, где и когда он выйдет из нее. «Управлять» линзами способны лишь Странники — люди, путешествующие во времени и пространстве с определенными целями.

Помимо людей на Земле существует раса так называемых Прозрачных — инопланетная цивилизация с собственными интересами и задачами. Как правило, они стараются находиться рядом с магическими артефактами.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

ПРОЛОГ

Когда солнце коснулось поверхности Сиамского залива, работа была уже сделана, и сделана хорошо. Дима отряхнул с ладоней песок, полюбовался результатом — пожалуй, лучше с его нынешними возможностями не получится. Аккуратно. Даже изящно. Не без остроумия. Прекрасно сделано. Дима довольно улыбнулся сам себе. Теперь оставалось только ждать.

Тропический закат прогорал быстро, как сухой плавник, и поверхность крошечной, окруженной манграми бухточки уже подернулась тревожными серыми тенями. Был прилив; волны несли с собой мелкий ракушечный песок. Дима сполоснул руки в прозрачной парной воде, поплескал на испачканные колени, стараясь не взбаламутить обманчиво прикрытый тонким песчаным слоем ил. Облизнул губы — язык был как наждачная бумага, пересохший и какой-то толстый.

В глубине острова крикнула птица. Дима несколько секунд прислушивался, сам не зная зачем. Как он ни старался успокоиться, стремительное приближение темноты пугало его. Ночь была полна теней и шорохов, и иногда Диме казалось, что этот необитаемый остров — не такой уж необитаемый. В воде что-то плеснуло — то ли лягушка, то ли илистый прыгун... Дима включил фонарик и тщательно обшарил лучом палую листву вокруг старого, просоленного бревна, выброшенного на берег давним штормом. Что-то длинное блеснуло у самой босой ступни — сердце пропустило удар. Стараясь не дышать, Дима мучительно

медленно шагнул назад, надеясь, что там, куда он ставит ногу, нет ничего, кроме песка. Направил луч фонарика в точку, где только что стоял, и с шумом выпустил воздух. Всего лишь ветка. Длинная, с гладкой, блестящей корой ветка.

Он присел на бревно, подпер голову руками. Надо ждать. Эту ночь и, может быть, следующую. Как же хочется пить... Тело зудит от морской воды, и глаза сухие настолько, что даже моргать неприятно — каждый раз кажется, что кристаллики соли со скрежетом царапают роговицу.

Дима смотрел, как у горизонта догорают последние отблески солнца. Небо наливалось темнотой; еще немного — и на горизонте встанет призрачное электрическое зарево Сиануквилля, а чуть левее и ближе — отдельный тусклый костерок огней Кох-де-Коля. Ближе к полуночи море покроется зелеными и белыми фонарями рыбацких лодок, вышедших на морской лов. Жаль, что они никогда не заходят на Кох-Наг.

С моря дул легкий бриз, и Дима с наслаждением подставил ему обожженное солнцем лицо. Глубоко вдохнул солоноватую свежесть — все будет хорошо... Внезапно ветер поменял направление, налетел чуть сбоку, дыхнул горячим воздухом, пропитанным вошью гниющих растений и разлагающейся органики. На источник этих запахов, заболоченную бухточку слева от себя, Дима старался не смотреть. Черт знает, что еще кроется в вязкой толще ее дна. Корни мангровых деревьев похожи на скользкие черные пальцы, впившиеся в ил. Напоминают о чем-то, что Дима хотел бы забыть. Будят мысли о том, так ли необитаемы необитаемые острова...

Снова дохнуло соленым болотом. Дима поймал себя на том, что помимо воли прислушивается изо всех сил. Шепот мелких волн, накатывающих на пляж. Журчание прилива, заполняющего крабы норы под корнями. Тихий перестук в джунглях позади, — раки-отшельники вылезли из дневных укрытий. Как будто бьются друг об друга леденцы... или зубы.

Под манграми снова плеснуло, громче, чем раньше, как будто уже не илистый прыгун, а намного более крупное животное плюхнулось в воду. Отвратительно чавкнула густая грязь. Вздвогнув, Дима обернулся на звук. Ногти вжались в ладони, оставляя кровавые лунки в пересохшей коже.

Он не увидел ничего, кроме черной массы кустарника. Пере-напряженные мышцы расслабились, и Дима шумно выдохнул. Почудилось...

От общей мешанины отделилась темная фигура, четко видимая на сером фоне воды. Дима почувствовал нервное, почти истерическое облегчение — он давно знал, что случится нечто подобное, и теперь тугое, как пружина, ожидание наконец можно было превратить хоть в какое-то действие. Дима привстал, готовый ко всему.

Человек медленно шел прямо на него, пересекая залив наискосок, — каждый шаг его сопровождался чавканьем и бульканьем, но ноги уходили в грязь лишь по щиколотку — там, где Дима проваливался по пояс. Запах болотных испарений и гнилых водорослей усилился. Дима почти задышался; к вони мангрового болота примешивался другой, сладковатый, знакомый душок, от которого желудок стиснула ледяная великанья рука. Дима попытался сказать что-то — но разбухший язык не слушался.

Человек подошел ближе. Теперь Дима понимал, что это женщина; грязные волосы падали на глаза. Дима видел только щеку — неровную, будто изъеденную то ли ожогом, то ли болезнью... то ли раками-отшельниками, которые все постукивали и поскрипывали в сухих листьях. Он уже все понимал, но еще не верил; бревно за спиной не давало отступить. Не сводя глаз с женщины, Дима двинулся вдоль, и та сразу изменила направление, по-прежнему двигаясь на него по кратчайшей прямой. Остатки мертвенно-серого света, отразившись от моря, упали на изуродованное лицо — и тут Дима узнал ее.

— Ты умерла, — прошептал он. — Ты же умерла!

От крика пересохшее, будто потрескавшееся изнутри горло пронзила боль, и Дима натужно раскашлялся, упав на колени. С дерева шумно сорвалась испуганная птица, и несколько листьев плавно опустились перед ним на светлый песок — листьев темно-красных, как свернувшаяся кровь. Ил чавкнул в последний раз, и женщина вышла на пляж.

— Ты умерла, — безнадежно повторил Дима.

Бежать было некуда.

ГЛАВА 1

ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ

Пномпень ошарашивал, бил по голове, как тяжелый мешок, набитый чем-то горячим, мягким и влажным. Только что был март, обледенелые тротуары, мрачноватые коридоры общаги — и вот все изменилось. Воздух насыщен незнакомыми, острыми запахами и дымом благовоний. На фоне мутного неба чернеют змеиные клубки проводов. Гомон тысяч смуглых, шумных людей, визг клаксонов, пахнущий перцем и карри пар, поднимающийся от тележек с едой...

Дима ошалело проводил взглядом семью на мопеде — папа за рулем, мама за ним, двое детей чудом пристроились по бокам. Мопед медленно проехал мимо; привязанная к нему сзади черная свинья, невозмутимая, как Будда, вызываяще уставилась на Диму. Он моргнул, потряс головой и снова принялся соображать, как бы ему перейти запруженную транспортом дорогу. Светофоров здесь не было. Правил дорожного движения, кажется, тоже.

Запахи стали насыщенней, воздух — влажнее; еще немного — и он хлынет в легкие, как горячий густой суп. Оглядевшись, Дима понял, что забрел на рынок. Чадающие жаровни, жестяные противни с мелкими ракушками, обсыпанными красным перцем, — Дима постоял перед одним, улыбнулся в ответ на кривоzubую ухмылку продавца, усатого и красноглазого, но так и не

решился попробовать. Дальше под навесами продавали одежду. Дима купил два кхмерских платка в мелкую розовую клетку — сестре и маме — и стакан тростникового сока. Надо выбирать, пока совсем не одурел от жары. Глупо будет опоздать на место встречи и пропустить самолет в Сиануквилль. Помнится, Дима расстроился, когда услышал, что у них останется всего несколько часов между самолетами на то, чтобы посмотреть столицу Камбоджи. Однако сейчас, через два часа блужданий, он уже был сыт Пномпенем по горло.

Ноги сами вынесли его на набережную Тонлесап. Над бурой гладью воды, тяжело покачивающейся в низких берегах, воздух был посвежее; если постараться, можно даже уловить легкий ветерок. Дима присел на парапет в прозрачной тени жакаранды. Над рекой клубился розоватый дым, и воду постепенно заливал медный свет. Набережная наполнялась людьми — видно, жители Пномпеня тоже стремились к прохладе. Европейцев среди них почти не было. Туристы стягивались к реке раньше, чтобы успеть сесть на один из прогулочных корабликов, почти кубических деревянных посудин, щедро украшенных резьбой и цветными лентами.

Каждый вечер маленькая флотилия отправлялась вниз по течению к месту, где Тонлесап вливается в великий Меконг. Наверное, Дима был не прав, когда отказался от главного аттракциона, который Пномпень предлагал туристам. Не захотел тусоваться толпой, да и город посмотреть было любопытно. Остальные сейчас веселятся. Сидят за столиками на верхней палубе, любуются закатом над Меконгом. Пьют холодное пиво из запотевших стаканов. Дима отхлебнул тростникового сока. Он был слишком сладким, но все-таки прохладным — торговка не пожалела льда.

По набережной шла светлая, чуть пухловатая девушка, довольно высокая по сравнению с низкорослыми кхмерами. Дима

прищурился — он был слегка близорук, но завести линзы так и не собрался. Рыжеватые волосы, круглое лицо... точно, Оля. Одна из четырех девушек, отобранных Пленским на игру.

Оля тоже узнала его и замедлила шаг. Остановилась, убрала влажную прядь со лба. Ее лицо было ярко-розовым, и над губой выступили крошечные бисеринки пота — видно, прогулка по Пномпеню и ей далась нелегко.

— Духотища, да? — улыбнулась она. — Надеюсь, на море будет лучше.

Дима кивнул.

— Что не с нашими? — спросил он.

— «Нашими»? — Оля иронично подняла бровь.

— Да ладно, тоже мне, конкуренты, — улыбнулся Дима. — Еще до места не доехали...

Оля пожала плечами, присела рядом на отполированный, теплый гранит.

— Меня не дождались.

— Это как? — опешил Дима.

— Ну как — я остановилась воды купить, крикнула, чтоб подождали. Продавщица на английском не говорит, еле объяснились, оглядываюсь — а никого уже нет...

— Свинство какое-то, — нахмурился Дима.

— Да нет, все нормально. Они же не должны... Хорошо, что я тебя встретила, а то я даже не знаю, как до места сбора добраться. Если ты, конечно, не против, — спохватилась вдруг она. Скользнула настороженным взглядом по Диминому лицу — и, видимо, слегка успокоилась.

Дима знал, что она увидела. Тощий, сутулый, с умным, но замкнутым лицом — типичный ботаник, только очков не хватает. Надежный и безопасный. Идеальный друг — и винду поставить, и сопли вытереть, и в безумном азиатском городе не дать пропасть. Черт бы побрал эту дружбу.

Оля смотрела на реку, вытянув губы трубочкой, смешно и как-то удивительно мило. Молчание становилось неловким, и наконец Дима решился его нарушить.

— А где ты учишься? — спросил он.

— В МГУ. На экономическом.

— Так мы соседи, — обрадовался Дима. — Я с ВМиК.

— Программист? — удивилась Оля.

— Самому странно, — ответил Дима. — Пленский ведь набирает менеджеров, управленцев... Когда я понял, что мне предлагают, поначалу решил, что они номером ошиблись, ну или что у меня однофамилец на другом факультете. Наверное, дело в модели...

Со своей моделью макроэкономических изменений Дима вошел со второго курса. К пятому он получил результат, которым можно — ну, не гордиться, конечно, но и не стыдиться показывать. Большую часть времени Дима предпочитал витать в облаках, но в этих облаках водились отличные идеи, благодаря которым он добился многого, несмотря на недостаток прилежания. Хотя... если уж Дима брался за что-то — то делал тщательно на грани занудства. Но главными все-таки были — идеи, ум и удача. Та конференция подвернулась удивительно вовремя; наверное, тогда его и заметили люди Пленского. «Мы отбираем лучших студентов лучших факультетов», — сказали ему на собеседовании. Дима не был уверен, что он и правда лучше всех, — но работа хороша, тут не поспоришь. Он и не стал. Какой дурак откажется от бесплатной поездки в Камбоджу и перспективы карьеры, до которой вчерашнему выпускнику обычно приходится пахать лет десять?

— Что за модель? — спросила Оля.

— Математическая модель... Тебе правда интересно?

— Не очень, — улыбнулась Оля. — Не сейчас.

— Волнуешься?

— Слегка. А ты?

Дима покачал головой.

— Да знаю я эти корпоративные тренинги. Сначала все хором орут «Мы — команда!», а потом, как идиоты, ползают по веревкам и падают друг другу на руки.

Оля с сомнением покусала губу.

— Как ты думаешь, Пленский всех возьмет?

Дима дернул плечом. Собеседование было довольно невнятным. Казалось, менеджер по персоналу и сам толком не знает, как именно будет происходить отбор на тренинге. Но он совершенно точно был возмущен — какой-то студентка, вместо того чтобы с восторгом согласиться на предложение, задает вопросы...

— Если вы проявите необходимые психологические качества... — нудил менеджер, с отвращением глядя на унылого ботана.

— Какие, например?

— Обычные. Стрессоустойчивость, инициативность...

Выходя из офиса, Дима все еще колебался — от предложения слишком уж пахло бесплатным сыром. Он думал в метро, думал, ежась на холодном ветру по дороге к главному зданию МГУ. Думал в неторопливом лифте, вдыхая ни с чем не сравнимый запах старого, чуть созревшего дерева, пропитавшего всю общагу. Думал в узком темноватом коридоре, вытаскивая на ходу из кармана ключи.

Они не понадобились. Стоило подойти поближе к комнате, и на Диму обрушился металлический вой и грохот — будто стадо взбесившихся строительных кранов прыгало по гигантскому листу жести. Сосед был дома.

«Тебя-то я и не учел», — пробормотал Дима, чувствуя, как сомнения тают и превращаются в уверенность. Он пятый год живет в общаге. Сосед — фанат «Анштурцен нойбаттен», неделями киснувшие в тазике носки, дикие панковские пьянки, на которых Дима успевал подготовиться к парам. Скататься в Камбоджу и получить работу мечты... Стрессоустойчивость? Не смешите.

Сосед на появление Димы не отреагировал — не услышал, конечно. Уткнулся в монитор со строчками кода и трясет головой под душераздирающий скрежет из колонок. Надо же, еще различает какой-то ритм. Дима постучал пальцем по плечу. Сосед оглянулся с заранее недовольным лицом, потянулся к колонкам.

— Да уже, уже... — проворчал он, убавляя звук.

— Да я не про то, — махнул рукой Дима. — Мне тут, может, съездить кое-куда надо будет. Закинь мне на флешку пару альбомчиков?

— Наконец-то проникся! — расцвел сосед. — Говорю тебе — они гениальные, они...

Самое то, чтобы погромче включать при «лучших из лучших».

— Я думаю, ты зря переживаешь. — Дима хотел прикоснуться к Олиной ладони, но в последний момент опустил руку. — Зачем нас тащить в такую даль, оплачивать билеты, — чтобы потом не взять? Глупо.

Оля цепко взглянула на него, нахмурилась:

— Но ты сомневаешься.

— Ну да. Как-то все слишком хорошо.

— Но это же справедливо, — горячо возразила Оля. — Мы работали... я, по крайней мере, работала, как проклятая, чтобы это заслужить!

— Вот именно — справедливо. Слишком справедливо. Точно как нам и твердили, да? Будь умным, активным, трудись, делай все правильно — и получишь награду...

— Но ведь так и должно быть.

— Много в твоей жизни идет так, как должно? — Он помолчал, покачивая ногой. Оля смотрела на воду, снова вытянув губы — теперь она выглядела обиженным ребенком. «Зря я так», — подумал Дима.

— А как на самом деле, по-твоему? — спросила наконец Оля. Дима вздохнул.

— На самом деле... моя младшая сестра тоже хотела поступить в МГУ. Она очень умная, но на одни мозги не надеялась, вкалывала все старшие классы, зубрила, не то что я. А накануне вступительных она подцепила тяжелый грипп, но не сдалась, наплевала на температуру и пошла на экзамен. И не смогла решить ни одной задачи. Провалилась, конечно.

— Не повезло...

— Вот именно. А нам — повезло. Просто повезло. А удача — штука скользкая...

— Удача... — тоскливо протянула Оля. — Мне нельзя надеяться на удачу. Мне родители голову отъедят, если я не сделаю карьеру. Я же лучшая. Золотая медаль, красный диплом... Однажды я заняла второе место на олимпиаде по обществоведению. И знаешь, что мне сказали дома?

— Что?

— Спросили, почему не первое...

Дима хмыкнул.

— Здесь все такие. Вот те, — Оля махнула головой в сторону Меконга. — Лучшие. Отборные.

— Я не такой, — возразил Дима.

— А как ты тогда здесь оказался?

— Ну... я просто умный.

— Они железные, — проговорила Оля, не слушая его. — Будь первым или сдохни, вот так. Их жрали — теперь они сами жрать научились... А я слабая. Тряпка.

— Слушай, ну не корову же проигрываешь. Не единственная работа на свете.

— Ты не понимаешь! Если я не пройду... как мне возвращаться домой? — Оля едва заметно вздохнула. — А что с сестрой-то?

— Да ничего. Поревела и поступила на следующий год. Оль, ты сама себя накручиваешь. Это просто очень хорошая работа. Есть и другая.

Оля мотнула головой.

— Хорошо тебе.

Дима рассмеялся.

— Я живу в общежитии с соседом-психопатом, который сутками слушает индастриал, а после диплома буду отдавать за съемную квартиру большую часть заработанного. Если меня не возьмут. Так что... И не переживай так — я тебе помогу, если что.

Оля слегка отодвинулась, и в ее глазах появился холодок.

— Я и сама могу справиться.

— Да я не... — Дима смущенно замолк, глядя в потемневшую медленную воду. — Знаешь, я читал, что Тонлесап течет в разные стороны. Полгода — туда, полгода — обратно.

Он покосился на девушку, но ее губы по-прежнему были плотно сжаты.

— Подготовился, значит, — сердито проговорила она. — Информации понабрал. Умный.

Дима пожал плечами.

— Да, умный, — спокойно ответил он.

Разговор больше не клеился. Стемнело; ниже по течению реки появились светящиеся точки — возвращались прогулочные лодки. Первый кораблик мягко ударился об обвешанный автомобильными камерами причал, и по трапу весело повалили Димины — конкуренты? Будущие коллеги? Соперники? Дима не знал. Разговор с Олей немного беспокоил его, и он наконец взглянул на группу студентов повнимательней. Лучшие из лучших. Экономисты, юристы, социологи. МГУ, МГИМО, Плехановский... Восемь человек, совершенно разных и в то же время схожих. Уверенность. Интеллект. Целеустремленность. Как будто их всех покрывает легкий глянцевый налет — не люди,

а ожившие фотографии из объемной версии «Форбс». Дима остро чувствовал, что отличается от них, и, пожалуй, не в лучшую сторону. Но, возможно, именно эта разница и даст ему преимущество. Тут есть о чем подумать...

Кирилл на общем фоне выглядит чуть простовато — здоровяк, кровь с молоком. Уже наметившееся брюшко обтягивает футболка с надписью «Я выжил в Камбодже» — и когда только успел переодеться? Огромная камера-зеркалка — Кирилл не выпускает ее из рук, снимает все подряд, будто ребенок, дорвавшийся до новой игрушки. Такие с первого класса берут терпением и трудом, только вот обычно добиваются не многого. Так ли он прост, как выглядит? Черт его знает...

А вот Антон совсем не прост. Невысокий, жилистый, темно-волосый. Лицо непроницаемо — голливудская улыбка, которую он включает по необходимости, ничего не говорит, это всего лишь маска, формула вежливости. Он первым заметил сидящих на парапете. Скользнул глазами, оценил, запомнил, сделал выводы. Дима невольно отодвинулся от девушки — но поздно, информация уже в копилке и наверняка будет использована, если понадобится. Нехорошо получилось.

Ира ничего не скрывает — она звезда, ей все позволено. Невеста как попавший в группу ботаник для нее вообще никто, а вот статус Оли только что понизился — нашла с кем проводить время. Взгляд Иры был так откровенен, что Оля покраснела. Соскочила с парапета, не глядя больше на своего недавнего собеседника, радостно замахала рукой.

— Ну как? — крикнула она.

— Стоило куда-то плыть, чтобы тупо сидеть за столиком и жрать, — протянула Лера.

Уж ей-то точно не стоило — судя по внешности девушки, она вообще никогда не ест. Дима в жизни не видел таких костлявых людей. Вид у Леры слабый, почти болезненный — но в глазах

сталь. Такая ничего не простит ни другим, ни себе, не спустит даже крошечную ошибку, даже самое малое несовершенство.

Кирилл нацелился на Леру объективом, и та торопливо прикрыла лицо ладонью.

— Хватит уже, я сказала, — сердито бросила она.

— У тебя что, комплексы, что ли? — заржал Кирилл и переключился на четвертую девушку, Наташу. Та с готовностью вскинула подбородок и улыбнулась. Улыбка вышла напряженная — девушка старалась изо всех сил. На дне зеленоватых глаз плескался испуг — правильно ли? Хорошо ли выйдет?

— Пойдемте уже, на самолет опоздаем, — буркнул Вова.

Он был старше остальных, года двадцать три — двадцать четыре, — и, пожалуй, сильнее физически. По услышанному в аэропорту обрывку разговора Дима знал, что до поступления в Плехановку Вова успел отслужить в армии. Плохо дело. Будем надеяться, что Пленский отбирает сотрудников не по уровню спортивной подготовки. Если так — то Диме проще вовсе не влезать в игру, а развернуться и хорошенько исследовать Пном-пень перед отъездом домой.

Но зато он не глупее прочих. Даже, пожалуй, умнее. А еще — у него есть капля пофигизма, которой нет у остальных. Жаль, с Олей он не смог поделиться. Мотивация, конечно, вещь великая, но не тогда, когда она задрана до небес. Помни, сказал себе Дима, не корову проигрываешь. Есть и другая работа. Помни — и будешь чуть расслабленнее, чуть спокойнее прочих. Будешь внимательнее смотреть по сторонам и реже ошибаться. Главное — не ухнуть в эту игру с головой.

Сиануквилль они не увидели. Короткий перелет — и вот микроавтобус несется между двумя пластами темноты, лежащей над невидимыми рисовыми полями. Вспышка городских огней. Широкий пляж; издалека доносится приглушенная музыка,

горят цветные фонарики над ночным баром. Силуэты высоких деревьев с длинной и тонкой, светлой хвоей, похожей на рыбацкие сети («казуарины» — всплыло название, вычитанное в какой-то детской приключенческой книжке). Длинный причал, тихий шепот Сиамского залива.

Переход к резиденции Пленского показался почти мгновенным — только что катер отвалил от материка, и вот уже на фоне ночного неба встает черный мохнатый конус Кох-де-Коля, Острова-Гвоздя, торчащего из воды нелепой высокой шляпкой. Кое-где природный хаос рассечен прямыми линиями двух зданий: Пленский строит на острове отель класса люкс. Еще полгода — и поездка на Гвоздь будет по карману очень немногим. Например, тем, кто получит обещанную работу...

Катер мягко причалил к ярко освещенному пирсу. От причала навверх, к скрытым в густой зелени зданиям, вела деревянная дорожка, то и дело перемежающаяся короткими крутыми лестницами.

Их ждали. На пирсе, сунув руки в карманы и слегка улыбаясь, стоял высокий мужчина лет сорока. Белая льняная рубашка без воротника свободно болталась на его костлявых плечах. Пшеничные волосы, кирпичный загар, как у всех блондинов, подолгу живущих в тропиках. В его твердых чертах было что-то неуловимо знакомое и в то же время странное. Современные люди так не выглядят. Это было лицо из старого, еще черно-белого советского фильма — лицо инженера с БАМа или отважного исследователя. Перебросившись парой фраз с матросами — видимо, кхмерский он знал в совершенстве, — мужчина негромко заговорил по-русски:

— Виктор Михайлович попросил меня встретить вас и рассказать, что к чему. Меня зовут Николай, я... ну, скажем, партнер Пленского.

По лицу встречающего пробежала легкая тень, будто это партнерство не очень-то его радовало. Дима услышал, как тихо присвистнул Антон — видимо, парень что-то знал об этом человеке. И, похоже, не только он: Вова тоже внезапно собрался и протиснулся вперед. Дима почувствовал острый укол досады — он столько рылся в сети, стараясь подготовиться к поездке в Камбоджу, но ему и в голову не пришло узнать что-нибудь о людях — например, тех, кто работает здесь бок о бок с Пленским. А вот им пришлось.

Откуда-то сверху донеслись длинные, протяжные звуки — то ли свист, то ли пение, полное странной красоты. Постепенно звуки становились все короче; вот они перешли в пронзительное стаккато и стихли.

— Это Джок, гиббон, — улыбнулся Николай. — Он людей недолюбливает, а вот девочки, может быть, утром забегут познакомиться. Пойдемте... осторожней, здесь еще не сделали перила.

Дима закинул на плечи потертый рюкзак. Впереди уже образовался затор: Оля отчаянно пыталась втащить свой чемоданчик на лестницу, но ничего не выходило — видно, колесико застряло в неровном настиле.

— Давай, — шепнул Дима, протягивая руку. Оля бросила на него сердитый взгляд и изо всех сил дернула сумку. Отлетевшее колесико описало дугу и звонко цокнуло о камни у берега. Девушка подхватила освобожденный чемодан и затопала по деревянным ступеням — Диме оставалось только тихо вздохнуть.

Ночная прохлада оказалась обманчивой — пока добрались до здания, успели взмокнуть. От красных стен шло тепло, но внутри гулял блаженный сквозняк — отель все еще оставался бетонной коробкой, лишенной дверей и стекол, и бриз спокойно проникал в широкие оконные проемы. Неровные стены покрывал влажноватый цемент, из дыр у такого же цементного пола торчали пучки проводов. Откуда-то сверху доносился запах карри. Шипело кипящее масло, тихо позвякивала посуда: двое

матросов с катера переквалифицировались в поваров и теперь готовили ужин. Дима почувствовал, как сводит голодный желудок.

Коридор был заставлен какими-то свертками и пакетами высотой по пояс. Прямо перед Димой стоял то ли низкий стол, то ли высокая скамья. Темное, почти черное дерево, очень старое на вид, небрежно прикрывал кусок полиэтилена. Сквозь упаковку виднелась замысловатая резьба, поблескивала перламутром инкрустация. Рядом стоял бочонкообразный предмет, небрежно обмотанный в грубую желтую бумагу. Сверху бумага разошлась, и Дима, не удержавшись, отвел в сторону торчащий обрывок. Из упаковки показалось высеченное из камня лицо, полустертое от старости, — прикрытые глаза с тяжелыми веками, легкая улыбка на пухлых губах... Кто-то шумно задышал за спиной, и Дима смущенно оглянулся. Вова, опустив сумку на пол, замороженно смотрел на серое лицо Будды.

— Антиквариат, похоже, не новодел, — негромко сказал Вова. — У меня отец этим занимается, я ему помогал, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Димы. Провел ладонью по столику, прижимая к поверхности мутноватый полиэтилен. — И это вроде бы тоже. Круто они здесь...

Он огляделся.

— Интересно, что в остальных, — сказал Дима.

Вова поморщился.

— Поверь, если это, — он кивнул на статую, — то, о чем я думаю, то лучше и не знать. Пойду я отсюда. И тебе советую.

Дима еще немного полюбовался на Будду и тоже двинулся на голоса, гулко отдающиеся в голых стенах.

Номер был огромный. Роскошный номер — со светлыми, какими-то шелковистыми стенами, темным дощатым полом, панорамным окном и широкой верандой, за которой угадывалось безбрежное море и полное звезд небо. Мебели в номере не было, зато на полу лежали восемь туристических ковриков. На

каждом — аккуратно разложенный спальник. Дима даже рас- смеялся от неожиданности.

— Рабочий душ там, — махнул Николай куда-то в коридор, — через полчаса жду вас на крыше, поужинаем и поговорим.

Он вышел, оставив ошарашенных студентов одних.

— Издеваются, что ли? — протянула Ира и ткнула носком ближайший спальник. — Они бы нас еще в конюшне размести- ли... Здесь краской воняет!

— Не так уж и воняет, — возразил Кирилл. — А ты думала, тебя в пяти звездах поселят?

— Могли хотя бы кровати дать.

— Тем более что у него, — Вова мотнул головой на дверь, — свой отель есть, вполне достроенный.

— Кто это такой вообще? — спросила Ира, заламывая бровь.

Антон отвернулся. Вова заколебался — видно, не мог ре- шить, стоит ли делиться информацией. Ира отвернулась, по- правляя прядь.

— Не знаешь, да? — она посмотрела на Вову через плечо, и бретелька майки слегка соскользнула.

— Вообще-то я погуглил, — сдался Вова. — Он... странный, но крутой. Со змеями возится уже больше двадцати лет, герпетолог по профессии. Почти пятнадцать лет здесь живет. — Ира продол- жала смотреть, и Вова зачастил, торопливо выкладывая все, вычи- танное в Интернете: — Приехал сюда змей изучать... Все джунгли облазил, занимался всяким... экология, зоопарк, местным помога- ет, они к нему бегут, если змея укусит, он бесплатно лечит.

Лера тихо фыркнула.

— У него сейчас бизнес, — сменил линию Вова. — Отель свой. И гражданство — а здесь гражданство, считай, никому не дают. Он чуть ли не с королем местным...

— Да змеелов он, змеелов, — перебил Антон. — Пленскому вон помогает с кхмерами управляться.

Вова резко замолчал. Дима устало присел на коврик, сложил ноги по-турецки. Муть какая-то. Антон явно не хочет делиться информацией — почему, на всякий случай? Собирается как-то использовать? Но как? Дима с силой потер лоб. Его охватило с детства знакомое дурацкое ощущение: все вокруг что-то знают, и только он один не понимает, о чем идет речь, — хотя по идее должен знать ровно столько же, сколько и остальные. Снова всплыл в памяти позорный день, когда двенадцатилетний Дима единственным явился на урок, — оказалось, что все решили прогулять. Его побили тогда, так и не поверив, что он ничего не знал. Все ведь знали!

Иногда Диме начинало казаться, что люди давно овладели телепатией и научились впитывать информацию из воздуха. Управляют друг другом, дергая за невидимые для Димы, но очевидные другим ниточки. А от него эту способность скрывают то ли из вредности, то ли из вежливости — не говорить же со слепым о красках. До сих пор ему этот недостаток не особо мешал, но сейчас мог сыграть решающую роль. Одна надежда: любой навык можно прокачать. Просто надо быть внимательнее — пусть придется додумываться до того, что другие ловят на лету, но уж думать-то Дима умеет. Справится.

Дима поднялся с коврика и огляделся. Парни ушли; Оля с влажными после душа волосами старательно подкрашивала светлые ресницы: рот напряженно приоткрыт, крошечное зеркальце чуть подрагивает в руке. «Говорят, он женат», — небрежно бросила Наташа. Оля раздраженно покосилась на нее и продолжила возиться с тушью. Вот как, черт возьми?! Они же обе были в душе, пока Вова распинался!

Дима мысленно застонал и вытащил из рюкзака полотенце.

ГЛАВА 2

НЕМНОГО О ЗМЕЯХ

От курицы в карри остались только кости, объемистая рисоварка изрядно опустела. Один за другим будущие сотрудники Пленского довольно откидывались на спинки пластиковых стульев, блуждали взглядом по черному, полному мохнатых звезд небу над головой. Снизу доносился рокот прибой. Снова запел гиббон; самки ответили ему пронзительной дробью на два голоса — да так выразительно, что несколько человек не выдержали и рассмеялись. Завтра начнется игра, и им всем, наверное, придется трудно, но сейчас жизнь была почти прекрасна.

Но полностью расслабиться не мог никто. Смущало присутствие Николая, а еще больше тревожила полная неизвестность. Дима почти слышал, как мозги окружающих его людей поскрипывают на манер винчестеров, безуспешно пытаясь определить роль Николая в игре, вычислить его статус, приклеить хоть какой-нибудь ярлык, понять, какое впечатление нужно произвести. К роли внимательных слушателей, впрочем, приготовились все. Лера отодвинула почти полную тарелку, выложила на стол блокнот в кожаной обложке, нацелилась ручкой на чистую страницу. Антон, сверкнув улыбкой, подsunул под нос герпетологу включенный диктофон — Николай еле заметно хмыкнул, но возражать не стал. Кирилл пару раз щелкнул фотоаппаратом

и замер, преданно глядя на Николая, как на преподавателя накануне экзамена.

— С утра вас забросят на остров примерно в двух часах хода от побережья, — сухо заговорил Николай. — Остров необитаемый.

Над столом прокатился вздох облегчения. Высадка на остров ни для кого не стала новостью — все знали, что Пленский уже проводил подобные тренинги. Только вот информацию о том, что именно происходило на выезде, найти было невозможно — сплошные общие фразы о командной работе и позитивном духе.

— Вещей много не берите, — продолжал Николай. — Все необходимое вам дадут. Правда, Пленский распорядился спрятать снаряжение — так что, видимо, вашей первой задачей будет найти его.

— Что за снаряжение? — спросил Вова.

— Гамаки, ножи, спички... Пресная вода и пища — само собой. Рация с зарядкой от солнечных батарей — не забудьте сразу их выложить, чтобы потом не оказалось, что аккумуляторы сели. Рацию заранее настроят на волну Кох-де-Коля, здесь будут дежурить — так что если что-то пойдет не так, вы сможете связаться с людьми Пленского немедленно.

— А дальше что? — спросила Ира. — Вот нашли мы снаряжение...

Николай пожал плечами.

— Что дальше — Пленский вам завтра расскажет сам, я понятия не имею, что он придумал. По мне так... — Николай оборвал сам себя и махнул рукой. — Пленский отбирает сотрудников, как считает нужным. Я не вникал, как именно.

— Но хоть что-нибудь вы рассказать можете? — спросила Оля. — Пожалуйста...

Дима подобрался: вот оно. Он поверил, что Николай ничего не знает об игре, а вот Оля — не поверила, да и остальные,

похоже, тоже. Дима бы сейчас погрузился в технические подробности — и, наверное, упустил бы что-нибудь существенное. Он едва заметно улыбнулся сам себе: приятно отловить ошибку до того, как она на что-то повлияет.

Николай сухо рассмеялся.

— Поверьте, я не обсуждал с Пленским его планы, — сказал он. — Я не имею никакого отношения к его корпорации.

— А что было на предыдущем тренинге?

— Я его организацией не занимался, — хмуро отрезал Николай, — и вообще в тот момент был в Пномпене...

Дима огляделся. На лицах студентов застыло недоверие пополам с разочарованием. Особенно раздосадованным выглядел Антон. Интересно, на что он все-таки рассчитывал? Найти подход к герпетологу и тайно выведать у него секрет победы? Чепуха какая-то. Не похож Николай на человека, склонного к интригам. Не ясно только — то ли Дима все-таки ошибается, веря ему, то ли большинство игроков слишком привыкли везде искать двойное дно.

Разбираться в извилах чужих мыслей не хотелось, хотелось спать. Невозможно все время тревожиться о том, что думают другие, так и крышей съехать недолго. Где-то вдалеке трещал, приближаясь, лодочный мотор. Ветер убаюкивающе шелестел листьями. Дима потянулся через стол и вытащил из пластиковой бадьи бутылку кока-колы. Лед в бадье давно растаял, но кола еще не успела нагреться. Дима с наслаждением прижал холодное мокрое стекло ко лбу, подержал несколько секунд и взялся за открывалку. Громко пшикнула, выпуская газ, крышка, и Лера бросила на Диму возмущенно-презрительный взгляд.

— А что за остров? — угрюмо спросил Кирилл.

— Очень красивое и интересное место, — ответил Николай. — Кох-Наг, Змеиный остров. Тут есть нюанс: «наг» кмеры называют змей-оборотней, змееобразных духов. Это благожелательные божества, их любят и почитают...

Голос герпетолога ожил, из него исчезли сухие, резкие интонации. Кох-Наг и кхмерские сказки о змеях явно увлекали его намного больше, чем затеи Пленского.

— Довольно долго там была база малайских пиратов. На остров приводили захваченные торговые корабли, там же их топили после разграбления. Рядом с берегом до сих пор можно найти обломки шпангоутов. Потом остров забросили. Существует легенда... впрочем, вам это, наверное, не очень интересно, — оборвал он сам себя.

Ему ответил протестующий хор. Николай слегка удивился, но продолжил:

— Один из пиратов встретил на берегу красивую девушку, похитил ее и привез на остров...

Его слушали в полной тишине. Дима с удивлением заметил, что Лера уже сделала в блокноте несколько пометок — записывает легенду? Не может запомнить название острова?

— Девушка была, конечно, не простая, а наг, дочь великого морского змея, возможно, того самого, который проложил русло Меконга. Однажды пират увидел, как она обращается в кобру. Он испугался, на всякий случай вырвал ей зубы и бросил их в море — ну, простые люди, простые нравы. Так морской змей узнал, куда исчезла его дочь. Он разгневался, наслал на всех пиратов безумие, и они перебили друг друга. Остров достался наг и ее детям... В общем, пираты действительно перестали пользоваться островом еще до того, как их всех накрыли, — закрутился он. — По одной версии, потому что пересохли источники пресной воды, по другой — из-за проклятия.

— Ну конечно, как необитаемый остров и пираты, так сразу проклятие, — буркнул Вова. — Сценаристы совсем обленились.

— Это ведь вводная? Ключ к поискам? — осторожно уточнил Кирилл.

— Каким поискам?! — слегка опешил Николай.

— Ну... снаряжения... Это же подсказка, да?

— Это просто легенда об острове, — растерялся Николай. — Не уверен даже, что Пленский ее знает, он такими вещами не интересуется. Он считает, что важна только реальность. А это — просто кхмерская сказка.

Лера демонстративно отложила блокнот; кто-то сдавленно, с поскуливанием зевнул. Николай слегка пожал плечами.

— То есть к тренингу это отношения не имеет? — не успокаивался Кирилл.

Николай раздраженно дернул головой и промолчал.

— Ты какой-то зацикленный, — томно проговорила Ира, обернувшись к Кириллу. — Это же так интересно — проклятый остров! А это проклятие, оно до сих пор действует? — Она чуть испуганно улыбнулась Николаю.

— Конечно, — усмехнулся Николай. — Спросите любого местного — они в этом уверены. Кхмеры считают, что люди, умершие насильственной смертью, превращаются в злых духов. Так что местные Кох-Нага избегают.

— А кто тогда нас отвезет? — робко спросила Наташа.

— Да уж не Пленский, — рассмеялся Николай. — Избегают — не значит «панически бояться». Для них это проявление банального здравого смысла. Как для вас — не ходить ночью по спальному району.

Наташа нервно поежилась — видимо, сравнение попало в цель.

— В общем, история с проклятием, конечно, сомнительна, но название острову дано не зря. Змеи на Кох-Наге есть, не сомневайтесь. Я понимаю, что вы все устали, — Николай насмешливо взглянул на Леру, скучаяще глядящую в потолок, — и больше всего озабочены правилами игры. Но есть вещи, которые вы должны знать. Пленский вам о них не расскажет, потому что считает несущественными. Так вот, змей на Кох-Наге много. Самые

опасные — королевские кобры и крайты. Яд кобры не самый токсичный, но дозу она впрыскивает огромную, а укус крайта вызывает паралич сердечной мышцы... По этим двум даже не существует медицинской статистики — потому что медицинскую помощь после их укуса обычно оказывать уже некому.

Шум лодочного мотора достиг пика и смолк. Снизу донеслись веселые голоса. Николай секунду прислушивался, склонив голову набок.

— Это Виктор Михайлович? — с надеждой спросила Лера. Кирилл приподнялся, будто собираясь бежать навстречу потенциальному боссу, но тут же смущенно опустил на стул.

— Нет, он завтра собирался подъехать, — с сомнением ответил Николай, все еще прислушиваясь.

— Так что насчет змей? — спросил Антон с едва заметной снисходительностью. Ему все было ясно: просто запугивают и накручивают, чтобы проверить реакцию на стресс.

— Не суйтесь куда попало, не зевайте — и все будет нормально. Вообще вглубь острова лучше не лезть. Но если уж понадобится в джунгли — не ходите тихо. Топайте, шумите, шаркайте ногами. Ни одна змея не хочет с вами связываться. Дайте понять, что вы близко, — и она сама уберется подальше. Не перешагивайте через бревна, змеи часто лежат под ними. Обязательно поставьте ногу сверху, топните погромче — а потом уже наступайте с другой стороны. Внимательно смотрите под ноги и избегайте подходить к кустарнику. Ну и, конечно, если вдруг нарветесь на кобру в боевой стойке — не спорьте, свалите с ее территории. И естественно, ни при каких обстоятельствах не берите змею в руки, даже если вы уверены, что...

Внезапно Николай прервался и что-то сердито спросил на кхмерском, глядя за спины студентов. Дима обернулся и слегка вздрогнул, увидев полицейского. Тот был невысокий, узкокостный, но весь какой-то округлый, будто отлитый из резины.

Усики ниточкой придавали ему хитрый вид. Ладная светлая форма чуть ли не хрустела от свежести — и это в климате, где, кажется, любая одежда мгновенно превращается во влажные пропотевшие тряпки. В ответ на встревоженные взгляды полицейский замахал руками — мол, не обращайтесь на меня внимания — и скромно присел на свободный стул в конце стола, поглядывая на студентов с благожелательной улыбкой. Удивительное дело, подумал Дима, оглядываясь, — вроде мы все здесь законопослушные, приличные люди, даже зайцем, наверное, никто не ездит, а увидели человека в форме — и сразу откуда-то взялись беспокойство и готовность оправдываться.

Однако сейчас оправдывался сам полицейский. В его ответах Николаю сквозили заискивающие, извиняющиеся нотки. Наконец Николай сдался. Он отвернулся и закатил глаза, раздраженно и в то же время как-то весело — похоже, полицейский был несерьезным, но неизбежным злом.

— Что-то случилось? — настороженно спросил Антон.

— Не обращайтесь внимания, человек подрабатывает, как умеет, — с досадой ответил Николай.

— Он что, денег хочет? За что?! — возмутился Вова. — За регистрацию какую-нибудь?

— Почему нас не предупредили? — испуганно подхватила Наташа.

— Не обращайтесь внимания, — с нажимом повторил Николай. — Он не за взятками приехал.

Никто ему не поверил. На полицейского посматривали настороженно, почти враждебно. Все думали об одном: может ли полиция помешать предстоящей игре? Мало ли, какие у них правила насчет посещения необитаемых островов...

И только Оля не могла забыть о змеях.

— А если все-таки укусит? — ее голос чуть дрогнул, и она смущенно откашлялась.

Бедная, как же ей страшно. «Не позволю никому тебя уку-
сить», — хотел сказать ей Дима, но говорить этого вслух, конечно,
не стоило. Презрительное фырканье и понимающе-насмеш-
ливые взгляды — вот и все, чего он добьется.

— Если все-таки укусит, то единственное, что вы можете сде-
лать, — это помочь дотянуть до больницы, — ответил Николай. —
Ну, или до меня. Местные часто обращаются ко мне за помощью,
поэтому я всегда держу сыворотки при себе. Так что если кого-
нибудь все-таки укусят — первым делом немедленно вызывайте
помощь. Пока ждете — обездвигайте укушенное место и вообще
поменьше шевелитесь. Отсасывайте яд. Не бойтесь, если у вас во
рту нет ран — он безвреден, опасно только попадание в кровь.
Продезинфицируйте рану и наложите тугую повязку — но ниче-
го не перетягивайте, никаких жгутов! Если будет отек и повязка
начнет слишком давить — ослабьте. Побольше пить. Если есть
анальгетики и антигистаминное, супрастин какой-нибудь — хо-
рошо, примите по таблетке. Никаких надрезов и прижиганий —
это не поможет, только затащите лишнюю инфекцию.

— А алкоголь помогает? — спросил Антон.

— Быстрее отправиться на тот свет — да.

— А вас самого кусали? — насуплено спросил Вова. Николай
усмехнулся.

— В прошлом году первый раз цапнули. Зевнул...

— За двадцать лет?! — не выдержал Антон.

— Я им нравлюсь, — рассмеялся Николай. — Да просто осто-
рожней надо быть и голову не забывать включать. О чем еще
я не рассказал?

— А еще что-нибудь там водится такое... кусачее? — робко
спросила Наташа.

— Всякие осы и шершни... опять же — не лезьте в джун-
гли и не шарьтесь по кустам. Анальгин, супрастин, холод...
это не страшно. Ну и когда будете купаться — смотрите, куда

наступаете, и не хватайте руками все подряд. Среди моллюсков встречаются ядовитые, да и кораллы могут обжечь.

Оля и Наташа нервно ежились, Кирилл тоже задумчиво притих. Зато Антон, кажется, был в восторге — подался вперед, улыбка похожа на волчий оскал. А Леру явно тошнит — ничего, кроме брезгливости, этот разговор у нее не вызывает.

— А как насчет всякого съедобного? — спросил Вова, и Лера утомленно закатила глаза.

— С моллюсками я бы не рисковал, — ответил Николай, — многие съедобны, но частично, без опыта не разберетесь, что варить, а что выкидывать. Если сумеете поймать рыбу — смотрите на внешний вид, слишком яркую или причудливую лучше выкинуть, колючую тоже. Растения... В джунглях есть закономерность: то, что выделяет млечный сок, обычно ядовито. Все, у чего сок прозрачный, можно есть. Но о вкусе и калорийности речи не идет, конечно. Что еще?

— А что мы все-таки должны будем там делать? — спросила Наташа.

Николай коротко хохотнул, покачал головой.

— Вы упорная девушка. Но я действительно не интересовался, что там задумал Пленский. — Герпетолог посмотрел на часы. — Ладно, главное я вам рассказал...

Сидящий с краю Кирилл уже о чем-то перешептывался с полицейским. Внезапно он глупо ухмыльнулся, смущенно, но решительно замотал головой. Полицейский скорчил недовольную гримасу, поднялся со стула и склонился над плечом Антона. Николай сердито покосился на них, но ничего не сказал.

Антон слушал дольше и внимательней, тихо уточнял что-то на английском. В конце концов он хмыкнул и вышел из-за стола. Полицейский с довольным видом двинулся следом, и оба они скрылись на лестнице, ведущей с крыши внутрь отеля.

— Бизнесмен, — иронично проворчал Николай.

Матросы собрали грязную посуду и исчезли где-то в недрах отеля — о них напоминал только шум воды и звяканье кастрюль. За столом остались только трое. Дима страшно хотел спать, но Оля сидела, стиснув побелевшие на костяшках пальцы; глаза ее неподвижно смотрели в одну точку. Дима просто не мог оставить ее одну. Но подходящих слов тоже не находилось. Дима с надеждой посмотрел на Николая, незаметно кивнул на девушку.

— Я понимаю, это распространенный страх, — герпетолог легко коснулся ее локтя. — Но, скорее всего, ни одной змеи ты не увидишь, они сами нас боятся и прячутся.

Оля вздрогнула и глубоко вздохнула, выходя из транса.

— А вы сами верите во все это? — спросила она.

— Во что? В то, что змеи боятся людей? Я не верю, я это знаю совершенно точно. Тебе не о чем волноваться.

— Да нет. В мистику всякую... — совсем тихо проговорила Оля.

— Я все-таки ученый, — улыбнулся Николай. — Другое дело — легенды. Они на ровном месте не появляются, в основе всегда реальная история... искаженная и пересказанная на свой лад, но реальная. У меня был случай: в одной деревне мне поведали сказку о королеве всех кобр, главной Наг, и даже показали, где она живет. Более того, один из местных парней взялся подвезти меня на тракторе прямо к краю рисового поля, туда, где начиналась ее территория...

Николай замолчал и улыбнулся мечтательно, почти нежно.

— Эта зверюга оказалась больше шести метров в длину... на глаз, конечно, отловить и измерить я ее, к сожалению, не смог. Гнала нас через все поле, чуть ли не километр...

— А трактор на что? — хмыкнул Дима.

— Так она трактор и гнала, я на него запрыгнуть успел.

Представив эту безумную гонку через рисовое поле, Дима недоверчиво рассмеялся. Но Олю история не развеселила — глаза у нее были на мокром месте.

— Не переживай так. Люди не знают и не понимают змей, потому и боятся. А на самом деле это очень мирные животные и потрясающе интересные.

— Расскажите, — попросила Оля.

— Например, кобры... чудесные змеи, очень благородные, даже интеллигентные, — в глазах Николая зажегся огонек. — Обычно предупреждают перед нападением, у вас всегда есть шанс убраться. Но если уж влезли на ее территорию... — Николай развел руками. — Кроме кобр, на Кох-Наге встречаются крайты... Красивые, яркие змеи в черную и желтую полосу, мускулистые, очень сильные. Днем практически безопасны, да и не увидите вы их днем — они прячутся, а на охоту выходят ночью. Питаются змеями, в основном — кобрами. Вы вряд ли их встретите, у вас же хватит мозгов не ходить ночью в джунгли без фонаря?

— А если надо в кусты? — не выдержал Дима.

— Рекомендую уходить в сторону по пляжу, — сухо ответил Николай. — Не хотелось бы посреди ночи тащиться на ваш вызов. Дальше... Куфии. Их укус не смертелен, если не пришелся в голову. Небольшие ярко-зеленые змейки, красивые и спокойные, очень милые животные.

Оля непроизвольно улыбнулась, и Николай пожал плечами: мол, да, признаю, увлекся.

— Живут в кустарнике, на фоне веток практически незаметны, идеальная маскировка.

— В кустарнике — это как раз на высоте человеческого роста? — уточнила Оля. Глаза у него как-то нехорошо блестели.

— Ну да. Так что не лезьте под нависающие ветви и не хватайте их руками. Еще щитомордники. Тоже не смертельно, но

очень скверно, без полученной вовремя сыворотки может дойти до ампутации. Но чтобы щитомордник укусил — надо практически наступить на него. Просто смотрите под ноги. Щитомордник пассивно лежит на звериной тропе и ждет. Неприятный тип. Мышцы у него слабые, зато маскировка прекрасная, он идеально раскрашен под опавшие листья. Если жертва проходит слишком близко — щитомордник делает бросок, а потом неторопливо ползет следом, пока животное переваривается...

Оля с безгливостью откинулась назад.

— Да, змеиный яд функционально близок к слюне, это часть пищеварительной системы. У них все очень необычно устроено...

Их отвлек донесшийся от причала взрыв смеха и шум отчаливающей лодки. «Ба-а-ай!» — пропел девичий голос. «Си ю!» — откликнулся издали мужской.

— Зачем он приезжал, этот коп? — спросил Дима. — Какая-то проверка?

— Да травкой он торгует! — раздраженно ответил Николай. — Отдежурит смену — и на пляж, туристов осчастливливать. Услышал, что сюда группа русских студентов приехала, — и рванул, такие клиенты!

— Он же полицейский! — удивилась Оля.

— Ну и что? Это и в других странах случается, а в Камбодже трава легальна. Вот и зарабатывает, как умеет. По местным меркам это не преступление. Зато взятки не берет...

Дима вспомнил приветливого до приторности полицейского. Видимо, недоверие отразилось на его лице — Николай понимающе кивнул:

— В это мало кто из русских туристов верит. Думают, раз страна нищая, значит, бабло все решает. Натворят что-нибудь, а потом пытаются откупиться — да еще так... по-барски.

— А потом?

— Зависит от того, что учудили. Бывает, и садятся.

В лестничном проеме замаячил один из матросов, и Николай встал.

— Почти полночь, — сказал он. — Вы бы отоспались. Я завтра еще загляну, но, наверное, уже не до разговоров будет. Так что — удачи вам на острове.

Дима благодарно кивнул.

— Николай! — вдруг крикнул он, когда тот уже почти скрылся в темном лестничном пролете. Николай оглянулся, нетерпеливо посмотрел на часы. — Послушайте, — выпалил Дима, — у вас же полно своих дел! Почему вы вообще взялись с нами возиться?

— Да потому что кто-то должен был вам, дуракам, рассказать о технике безопасности! — с досадой ответил Николай. — Что бы там Пленский ни выдумывал. Мне здесь еще трупы не нужны.

— Еще? Значит, уже был труп?

Николай шумно вздохнул.

— Один дурак решил подержать в руках красивую полосатую змейку. Знаток был — читал, что у всех ядовитых змей головы треугольные, а этот вон ровненький... А что книга про среднюю полосу была — не важно, экстраполируем. Лучше я потрачу время сейчас, чем потом буду переводить полиции ваши показания. А переводить, объяснять и связываться с родственниками придется мне, Пленский не говорит на кхмерском и вообще не желает этим заниматься, как выяснилось. К тому же у него... своеобразное отношение к безопасности — что к своей, что к чужой.

— Так вы это все по собственной инициативе? А когда он узнает?

— Припрется ко мне и будет орать и брызгать слюной. Но мне-то какое дело?

— Вы вообще чего-нибудь боитесь? — восхитилась Оля.

Николай улыбнулся.

— Я побаиваюсь животных, которых не могу поднять или придавить.

Дима невольно рассмеялся и тут же осекся. Да, но Пленского ни поднимешь, ни придавишь, хотел сказать он, слишком уж здоров. Хотя... Николай уже спускался по лестнице, болтая с матросами. Он явно был на своей территории, в своей стране. Такой может и придавить.

По коридору крепко тянуло конопляным дымом. Напротив Будды прямо на цементном полу сидел пригорюнившийся Вова. Упаковка со статуи была содрана. Услышав шаги, Вова поднял покрасневшие глаза.

— Мент сказал, этим вещам место в музее, а не в частном отеле, — сказал он Диме. — Но по закону никак Пленского уесть не может.

— Да, обидно, наверное, — согласился Дима.

— Их находят в джунглях, — продолжал Вова, — там змеи, мины и дикие обезьяны. И статуи. И бабло. Раз бабло, — он ткнул пальцем в распакованную статую, — два бабло, — указал на стоящий рядом сверток, — три бабло, пять бабло... Что идет после пяти, шесть или семь? Восемь бабло...

Вова закатился от смеха, и Дима, аккуратно обойдя его, вошел в номер.

Основное веселье происходило на веранде. В комнате осталась одна Лера; она лежала поверх спальника с книжкой в руках, но не читала. Склонив голову и подняв плечи от напряжения, девушка прислушивалась к взрывам хохота и бредовому трепу так внимательно, что не заметила появления Димы. Обнаружив наконец, что уже не одна, Лера вздрогнула от неожиданности и торопливо перевернула страницу, старательно изображая, что погружена в книгу.

Дима замялся: остаться в комнате и тем более лечь спать было как-то неловко, но и к остальным идти не хотелось. Он уже решил было прогуляться, когда Лера оторвалась от книги и раздраженно бросила:

— Да там она, там.

Дима пожал плечами. Развернуться и уйти теперь было бы совсем глупо. Объяснять, что вовсе не искал Олю, — тем более. Заранее злясь, Дима выглянул на веранду.

Антон расположился на полу в окружении девушек. Чуть в стороне, раскинув руки, лежал на спине Кирилл.

— Остров шатается, — доверительно сообщил он. — Но я его держу, не бойтесь.

— Да ты достал уже, — бросила Наташа, — ну шатается, и что?

— Это пираты лезут, — подсказал Антон.

— Зачем?

— Чтобы спереть твою зеркалку.

Кирилл испуганно приподнялся на локтях.

— Тихо! Тс-с-с... Сейчас я их стряхну.

На секунду все напряженно замерли. Кирилл нахмурился и брыкнул ногой.

— Вот, — сказал он, снова вытягиваясь во весь рост, — теперь нормально.

Антон зажег косяк и запустил по кругу. Девушки неумело загибались и почти тут же заходились в приступе тяжелого, до слез, кашля. Кирилл, видимо, был по привычке: он держал дым в легких так долго, что, казалось, просто забыл выдохнуть, — но наконец выпустил изо рта большое сизое облако.

— А что Кирилл сделал-то? — спросила Ира, возвращая косяк Антону и кашляя.

— Сделал нормально, — объяснил Антон и внезапно обрадовался, заметив появление нового человека: — Димон! Давай, расслабься наконец!

Антон протянул косяк. Еще на первом курсе Дима убедился, что марихуана действует на него отвратительно: полчаса свинцового отупения и неконтролируемый жор после. Пары экспериментов хватило за глаза. Но рассказывать об этом Дима, конечно, не собирался. Он молча покачал головой.

— Ботаник, — пискляво проговорил Антон, поправляя невидимые очки, и Ира затряслась от мелкого смеха.

— Бота-а-аник! — повторила она, заходясь от хохота. Дима холодно улыбнулся и вышел.

Фонари на причале погасли — только на краю тускло поблескивал красный огонек, предупреждая проходящие лодки. Здесь действительно казалось, что остров пошатывается, — или просто слегка кружилась голова из-за почти абсолютной темноты и недосыпа. Море отклонялось назад, а потом ухало, будто бросаясь грудью на запертую дверь. Мелкие брызги обдавали лицо, оседали на губах. Вода была едва соленой — видно, где-то рядом в Сиамский залив впадала река, да и близость Меконга давала о себе знать. Даже пахло здесь скорее не морем, а большим озером. Дима сидел на влажном бетоне, обхватив колени и положив на них подбородок. Неплохо бы завалиться спать. Еще немного, и ему будет плевать на крики и гогот под самым ухом: слишком устал. Перелет, новые люди вокруг, постоянные разговоры... Даже море уже разочаровывает — недосоленное какое-то. Пираты лезут, придет же такое в голову... Какие уж тут пираты.

А Антон, между прочим, затяжки не сделал. И глаза у него были не красные и не слезились, как у других... И Лера развернула бы уши, как локаторы, если б могла. Дима вспомнил треп своих приятелей, когда они обкуривались. Да, так можно узнать о людях довольно много, — хотя простое пиво дает тот же эффект. Несколько минут Диму одолевал соблазн вернуться

на веранду и тоже послушать, но брезгливость победила. Ну ее к черту, такую информацию. Справится как-нибудь и без нее. А кстати, на веранде вроде бы затихли. Можно наконец забраться в спальник и отключиться.

Дима встал — и почти сбил с ног неслышно подошедшую к нему Олю. Отступил на шаг, придержал покачнувшуюся девушку за плечо — не хватало еще, чтобы свалилась в воду.

— Так есть хочется, — жалобно сказала она. — У меня в сумке шоколадка, но я не могу ее достать.

— Почему?

— А вдруг там змея? — Оля хихикнула. — Вдруг туда забралась змея и ест мою шоколадку... Николай сказал, ночью не надо никуда ходить. И не хватать руками сказал.

— Нет там никакой змеи, — буркнул Дима почти сердито, — это ты по обкурке гонишь.

— Не гоню. Все любят шоколадки, чем змеи хуже? Они мерзкие такие, — Оля брезгливо передернула плечами. — Отвратительные, склизкие... Сидят в моей сумке...

— Нет там никого, — перебил Дима. — Ну хочешь...

— ...едят мою шоколадку, — не слушая его, продолжала Оля. — А он их любит. Мерзкие ядовитые кусачие твари, а он от них в восторге. А они ему, между прочим, слова доброго за всю жизнь не сказали, только молча жрут его шоколадки... и конфеты... и пиццу... А я стараюсь, стараюсь, а все равно никому не нравлюсь...

Оля всхлипнула.

— Ты мне нравишься, — хрипло проговорил Дима.

— Нет, это не считается, — рассеянно ответила она. — Ужасно есть хочется, да?

ГЛАВА 3

ПРЫГАЙ И ПЛЫВИ

Треск мотора, мгновение тишины, глухой стук, когда катер ударился бортом о причал. Дима приоткрыл глаза и наполовину вылез из спальника. В комнате было сумрачно и почти прохладно — видно, едва рассвело. Дима потянулся, разминая затекшее тело, и, поджимая пальцы ног от прикосновения к холодному цементу, вышел на веранду.

Эта сторона отеля была обращена на запад. Прямо под перилами темнели густые древесные кроны, а еще ниже среди скал притулился пирс, у которого тихо качался белый скоростной катер. Солнце еще не поднялось, и в тени острова море было как серый переливчатый шелк, переходящий в тусклое золото. Дима глубоко втянул воздух — влажный, пряный, прохладный — и засмеялся, сам не зная чему. Внизу громко зашуршало. Мелькнула кремовая шерсть, темная мордочка: как и обещал Николай, одна из «девочек» пришла познакомиться. Гиббониха секунду смотрела на Диму. Он подмигнул ей; обезьяна ухнула, будто отвечая, повисла на длиннющих руках и перелетела на соседнюю ветку. Дима снова глубоко вздохнул и почувствовал себя совершенно счастливым. Это утро принадлежало только ему.

По дощатым мосткам загрохотали шаги.

— Что значит — «спят»? — донесся раздраженный голос. — Мне что, ждать, пока проснутся? Может, мне их еще с ложечки покормить?

Дима перегнулся через перила. Загорелый крупный мужчина, с топотом поднимающийся по лестнице, явно Пленский. За ним спешили два молодых кхмера — видимо, матросы с катера. На какое-то мгновение Димой овладело дурацкое, но жгучее желание плюнуть прямо на густую белобрысую шевелюру Пленского. Он отшатнулся от перил и смущенно ухмыльнулся. Кхмер внизу быстро говорил что-то — голос был тихий и испуганный.

— А меня не волнует! — рявкнул Пленский. — Спят — так разбудите, я ждать не собираюсь! Вэйк ап! Живо!

Один из кхмеров испарился. Вскоре Дима услышал робкий стук в дверь, а за ним — недовольное мычание Кириллы.

— Просыпаться, — сказал матрос, просовывая лохматую голову в дверь, — босс приехать, пожалуйста.

— С ума сошли... сколько времени? — томно протянула Ира.

— Босс приехать, — безнадежно повторил кхмер.

— О'кей, о'кей, — проворчал Вова, — встаем.

— Босс ждать на крыше сейчас, пожалуйста.

— Сейчас?!

— Хоть умыться дайте, — простонала Лера. — Не можем же мы в таком виде...

— Ты, наверное, не можешь, — с усмешкой ответил Антон, — а я пошел.

— Знала бы — перед сном бы нарядилась, — тихо буркнула Наташа.

— Тебе бы не помогло, — немедленно откликнулась Лера. Мгновение казалось, что девушки сейчас вцепятся друг другу в волосы — но тут Наташа резко отвернулась и принялась рассматривать себя в крошечное зеркальце.

Оля судорожно расчесывала пальцами свою рыжеватую шевелюру. Дима поймал ее заполошный, сосредоточенный взгляд и не удержался.

— Отличный у нас будет начальник, — улыбнулся он девушке. — Терпеливый и понимающий.

Оля шутки не поддержала. Она посмотрела на Диму почти испуганно и поджала губы уже знакомым ему движением.

— Да забей...

Оля еще плотнее сжала рот, и Дима замолчал. Не умеет он утешать паникующих девушек. Что он сейчас ни скажи — все будет глупо и не в тему. Лучше уж заткнуться. Взять бы ее за руку, успокоить... но ведь выдернет сердито ладонь, посмотрит, как на пустое место, и отвернется. Дима вздохнул и следом за остальными заторопился к лестнице.

На крыше уже было солнечно, но пока не жарко — только приятное тепло и нежный ветерок с моря. Насыщенный влагой воздух, пронизанный светом, казался розовато-желтым; он чуть подрагивал и клубился — с быстро нагревающегося, отсыревшего за ночь битума поднимался пар. Вокруг пустого пока бассейна уже расставили складные стулья. Далеко внизу копошились смуглые фигурки — матросы таскали на катер какие-то мешки, свертки и коробки. «Снаряжение для нас, — подумал Дима, — значит, скоро отплываем...» Его охватило радостное предвкушение.

На краю бассейна рядом с резным столиком — тоже, видимо, антикварным — стоял Пленский. Он посматривал на студентов сверху вниз, и на его лице постепенно проступало легкое отвращение. Слегка выпяченная нижняя губа и надменный вид делали его похожим на верблюда. Пленский слегка притопывал ногой, пока его будущие сотрудники рассаживались; видно было, что терпения в нем осталась пара капель.

Все были в сборе. Последней на крышу выскочила Ира. Когда она уселась, Дима услышал за спиной шаги — по лестнице поднимался кто-то еще. Он оглянулся. Это был Николай. Герпетолог тихо встал позади группы, в густой тени ступы, и небрежно привалился к бетонному цилиндру, внимательно глядя на Пленского. Тот скривился, будто от несвежей рыбы, и отвернулся.

— Мобильники сюда, — приказал он студентам. — И договор подписать.

Дима переглянулся с соседями — Антон справа медлил, Вова уже дисциплинированно тащил телефон из кармана. Под ледяным взглядом босса студенты потянулись к изукрашенному драконами и кобрами столику. Антон на мгновение замялся перед тем, как выложить телефон. Это не укрылось от Пленского.

— Все, — сказал он, пристально глядя на парня. Тот вызывающе хмыкнул, но вытащил из заднего кармана КПК. Больше никто не хитрил — запасные телефоны нашлись еще у троих. Образовалась небольшая кучка навороченного пластика. Пленский вытащил из кармана мусорный мешок и небрежно смахнул телефоны со стола. Дима сморщился, услышав пластиковый стук; несколько человек подалось вперед — но возразить никто не посмел.

Лера уже подписывала договор. Дима перехватил у нее документ — единственный листок, отпечатанный на плохом принтере. Он пробежал короткий текст глазами. Задумался, переводя с юридического на русский. Договор сводился к тому, что все отвечают за себя сами, и если убьются — то сами будут виноваты. Единственная обязанность Пленского — организовать эвакуацию с острова по первой просьбе. Черт разберет, вроде бы все нормально... Все еще сомневаясь, Дима покосился на тех, кто уже поставил подпись — в конце концов, он программист и не

силен в канцелярите, но остальные должны разбираться лучше. Среди подписавшихся на игру два юриста... Дима решительно взял ручку и вывел свою закорючку.

Ира — тоже юрист — читала дольше всех, хмурилась, покусывала губу. Что-то ей не нравилось в этом договоре, что-то напрягало. Но в конце концов подписалась и она.

Наконец возня с телефонами и документами закончилась, и все снова расселись по местам. Солнце уже начинало припекать; хотелось пить, умыться, позавтракать. Дима тоскливо покосился на часы. Вряд ли им повезет убраться с крыши быстро. По корпоративным выездам Дима знал, что любой инструктаж перед подобными играми пересыпается лозунгами — и в итоге тянется мучительно долго. Он начинал завидовать укрывшемуся в тени Николаю — еще четверть часа, и на крыше станет очень неприятно.

— Мне нужен помощник, — без интонаций заговорил Пленский. — Один.

Кирилл тут же задрал руку, за ним с секундным опозданием — Лера. Несколько мучительных мгновений Пленский молча смотрел на них. Глаза у него были тухлые. Покраснев, Лера опустила руку и зачем-то спрятала ее за спину. Пленский отвернулся.

— Мне нужен помощник, — повторил он. — Заместитель, которому я смогу доверять и который не будет бегать ко мне с каждым чихом. Им станет тот, кто выиграет.

Пленский обвел их тяжелым взглядом, на секунду задержавшись на Кирилле. Тот покраснел и положил ладони на колени.

— По мне, так вы сборище сопляков, откосивших от армии.

Вова гордо выпрямился. Ах да, он же служил, вспомнил Дима.

— Но мне сказали, что вы тут самые умные, — с сомнением проговорил Пленский. — Вот и проверим.

Он развернулся и зашагал к выходу.

— А правила? — пискнула ему в спину Наташа.

Пленский остановился. «Не надо», — хотел крикнуть Дима, но босс уже медленно разворачивался, неумолимо, как танковая башня. Его мертвенный взгляд остановился на Наташе.

— Ты выбыла, — ровно сказал он.

У девушки отвисла челюсть, глаза вылезли из орбит.

— Николай отвезет тебя в Сиануквилль. Пошла вон.

— Но я только...

— Вон, я сказал.

Лицо Наташи пошло красными пятнами. Закусив губу, она медленно поднялась, глядя на Пленского полными слез глазами. Замерла, ожидая неизвестно чего — как будто Пленский способен разжалобиться... или сказать, что пошутил. Или что он преподнес урок, напугал в назидание. Она еще надеялась.

— Мне долго ждать? — осведомился Пленский. Наташа громко всхлипнула и бегом бросилась прочь. Вялая мысль — одним конкурентом меньше — мелькнула и исчезла, не принеся никакой радости. Как бы с лестницы не сверзилась, подумал Дима.

Пленский неторопливо двинулся следом за девушкой, но вдруг обернулся.

— А, правила, — сказал он. — Правила простые. Кто обратится за помощью — выбывает из игры. Вот и все правила.

— А если...

— Никаких если. Не смог решить проблему сам — до свиданья. Любую проблему.

— Круто, — протянул Вова, когда обтянутая светлой футболкой спина Пленского скрылась в лестничном проеме.

Дима посмотрел на Николая. Тот хмурился — видно, что-то из сказанного Пленским стало для него неожиданностью,

притом — неприятной. Поймав взгляд Димы, Николай неохотно выдвинулся из тени.

— На вашем месте я бы свалил, — сказал он.

«Да щас», — буркнул Антон, но герпетолог не обратил на него внимания.

— Через пару часов я отвезу девушку... Наташу, да? Отвезу Наташу в Сиануквилль и готов прихватить любого из вас.

Повисло тягостное молчание. Николай усмехнулся, пожал костлявым плечом.

— Ладно, мое дело — предложить. Извините, мне надо кое-что закинуть на катер.

— «На вашем месте», — передразнил Антон, когда Николай ушел. — Да что он понимает?

— Он все джунгли в Камбодже облазил, — заметил Дима.

— Ну и что?

Дима не ответил. Он понимал, что в чем-то Николай прав. Игра сама по себе не пугала — годы жизни в общаге сделали Диму крайне неприхотливым и практически равнодушным к быту, да еще и научили спокойно выносить соседей с самыми скверными характерами. Что за беда — торчать на тропическом острове, пока не взвоешь? Дима был практически уверен, что при желании взвоят последним.

Но вот нужна ли ему эта победа? Он видел Пленского всего полчаса, но уже точно знал, что с таким боссом любому вскоре захочется вернуться на необитаемый остров. Да и в начальники Дима никогда не стремился — возиться с математическими моделями ему было намного интереснее, чем командовать людьми.

Дима задумчиво подошел к парапету. Погрузка на катер закончилась; тощий смуглый парень размотал трос, закинул его на борт и ловко запрыгнул следом. Катер чихнул и начал медленно отваливать от пирса, но тут с острова донесся крик. Матрос

махнул рукой, и катер замер, пофыркивая выхлопами. По пирсу уже широкими шагами несясь Николай; на плече у него висела сумочка-сундучок в клетку Барберри, совершенно нелепая и неуместная. Такая впору блондинке с собачкой, прогуливающейся по центру крупного города, но никак не крупному костлявому мужчине, знающему джунгли, как свои пять пальцев. Николай размахнулся и кинул сумку матросу; перекрикивая шум мотора и жестикулируя, он принялся что-то объяснять. Наконец парень кивнул и скрылся под навесом, бережно прижимая сумку к груди. Катер взвыл и, набирая скорость, двинулся на юг, прочь от материка.

Дима выкинул странную сумку из головы и снова погрузился в свои мысли. Да, начальником он быть никогда не стремился, и это, в общем-то, нормально. И уж точно он не стал бы соревноваться с другими за кусок потолка и заглядывать Пленскому в рот.

Но перспективы... Перспективы, конечно, заманчивые — сам по себе Дима будет лет десять добиваться того, что Пленский предлагал на самом старте. В конце концов, один тычок по кнопке рации, пара слов — и Пленский пойдет к черту вместе со своей дурацкой игрой. Главное — ввязаться, а там у Димы будет куча времени, чтобы подумать.

Мотор фыркнул в последний раз и затих. Лодка заскользила по инерции под дробный рокот якорной цепи. Пленский будто бы задался целью заранее поставить игроков на место: к острову их отправили не на скоростном, сияющем белизной катере, а на типичной для Юго-Восточной Азии старой посудине. Диме, впрочем, она понравилась: по крайней мере, просторно, метров пять от носа до кормы. Можно ходить по палубе, а не сидеть на одном месте, соприкасаясь коленями с соседом. облупившаяся краска, когда-то — ярко изумрудная, а теперь —

выгоревшая до бледной бирюзы, красная полоса вдоль борта, навес из пальмовых листьев. Славная лодка, хоть и неторопливая.

— Кох-Наг, — сказал капитан.

Кто-то из девчонок тихо ахнул. Впереди глубокая морская синева переходила в зелень, бирюзу, бледный аквамарин, расчерченный бурыми пятнами там, где под самой поверхностью воды росли кораллы. А за всей этой синевой и лазурью, ленивый и безмятежный, лежал Кох-Наг — белый полумесяц пляжа, багрово-черные валуны по краям, мохнатая шапка джунглей.

— Фотошоп, — сказал Кирилл, и Дима рассмеялся вместе со всеми — удивленно и радостно.

Остров выглядел воплощением мечты — не детской, глупой и невинной, а скорее подростковой, совсем недавней, но уже нелепой и стыдной. Покажет, он еще им всем покажет, этим придуркам, воображающим себя крутыми, думал он когда-то, скрючившись под одеялом и стискивая кулаки. В мечтах у него были богатство, и власть, и самая крутая машина, и красивые девушки сами добивались его внимания, а не смотрели с презрением на тощего ботаника...

Даже вспоминать неловко. На смену пришли другие фантазии, грезы родом из Кремниевой долины, где мозги ценятся больше, чем дорогие вещи, крепкие мускулы и светская ловкость. Но в этих мечтах не было блеска. Тот угрюмый подросток, который бессильно сжимал кулаки, понимал: ничего он не докажет. Каких бы высот он ни достиг — это был путь ботаника; в глазах большинства он так и остался бы заумным очкариком, не видящим дальше монитора, достойным в лучшем случае снисходительной ухмылки.

Дима был уверен, что тот мальчик, способный, но отчаянно глупый, давно уже вырос и его нелепые воздушные замки трансформировались в кое-что поумнее. Да так и было — Дима

не расслышал их золотой зов, принял его всего лишь за предложение хорошей работы. Обещания Пленского ничего больше этого не значили — но остров каким-то волшебством придал им реальность и пробудил старые грезы. Невероятный остров, которому нет места в разумной жизни взрослого человека... Только там, в подростковой мечте, могли быть такие острова. Только в том сияющем, глянцево́м пространстве — такие совершенные пляжи. Если существуете они — то почему бы не сбыться и всему остальному?

— Бывает же, — протянула Лера, будто отвечая на его мысли.

Дима вдруг понял, что стоит, подавшись вперед и сжав кулаки. Он выпрямился и смущенно оглянулся. Никто не обращал на него внимания — все взгляды притягивал к себе Кох-Наг. Солнечные зайчики отражались от глади воды, и их золотистые отблески падали на лица — будто отражение той самой мечты... одной на всех.

— Здесь выходить, — сказал капитан и ткнул заскорузлым пальцем за корму.

Дима наклонился, рассчитывая увидеть шлюпку, но обнаружил лишь лесенку из ржавых металлических прутьев, уходящую в воду.

— Не понял, — проговорил Вова, — он что, вплавь нас отправляет?

— А ты что, не умеешь? — фыркнула Лера.

— Да нет, наверное, сейчас лодку к лесенке пригонят, — возразила Оля, — не могут же они... Или могут?

— Плыть сами, — развеял последние сомнения капитан.

Дима пожал плечами. До пляжа метров двести, а вода теплая. Доплыть не проблема, но... Он растерянно взглянул на тщательно уложенный рюкзак.

Антон, похоже, рассуждал так же.

— А как же вещи? — спросил он.

— Вещи босс потом вернуть, — невозмутимо ответил капитан, ухмыляясь в усы.

— Да ты знаешь, сколько моя камера стоит? — взорвался Кирилл.

— Босс потом вернуть, — упрямо повторил капитан. — Вещи на Кох-Наг не нужно. Хочешь вещи — идем на Кох-де-Коль. Босс сказал — пусть едут назад, кто не хочет.

— Как это — назад? — Кирилл даже отступил на шаг, и капитан улыбнулся, обнажив желтые пеньки зубов. — Не собираюсь я назад.

— Давай, Кирилл, возвращайся, как ты без фотика будешь? — поддел Вова.

— Иди к черту, — огрызнулся тот и принялся упаковывать свой драгоценный фотоаппарат.

Ира уже сбросила одежду и вытянулась в струнку на корме. Солнце заиграло на гладкой золотистой коже. Крошечный купальник, идеальное тело — на секунду Дима отвлекся от рюкзака, позволил себе залюбоваться. Девушка картинно поправила волосы, слегка покосилась на остальных — все ли видят?

— Футболку надень, дура, — тихо сказал ей Вова.

Ира бросила на него надменный взгляд, от которого лобом бы стушевался и рассыпался в извинениях, но презрение пропало зря: Вова уже не смотрел на девушку. Глубоко сунув руки в карманы шортов, он неуклюже покачивался на пятках, рассматривая прозрачную синеву за бортом. Покрасневший от солнца лоб наморщен, губы вытянуты трубочкой — видимо, вода о чем-то говорила ему. Пожав плечами, парень шагнул с борта. Неподвижная поверхность взорвалась брызгами — и вот уже он мощными гребками плывет к берегу.

Ира растерянно огляделась. Девушки неуверенно мялись, поглядывая то друг на друга, то на парней. Наконец Оля

решительно одернула майку, которую уже начала было снимать, и тоже прыгнула в воду. Ира пожала плечами и нагнулась за картинно отброшенной футболкой. «Ну раз уж вы так настаиваете», — говорило ее лицо. Дима едва не рассмеялся.

Прыжок Оли разрешил последние сомнения. До всех дошло, что лучше побарахтаться в одежде, чем потом оказаться на голом пляже без малейшей защиты от солнца. Зря Вова, конечно, открыл рот. Промолчал бы — глядишь, девочка спалила бы свою лощеную шкурку, и уже к вечеру у них было бы одним конкурентом меньше.

Надо же — еще даже до острова не добрались, а в голову уже черт знает что лезет. Хотя, наверное, дело в том, что Ира ему просто не нравится. Дима задумался — промолчал бы он, если б на месте девушки была Оля? Да нет, конечно, подсказал бы... А все-таки жаль, что Вова такой болтун.

Дима тряхнул головой, отгоняя непрощенные мысли, и принялся высматривать первых пловцов. С такой скоростью Вова должен быть уже на пляже — но нет, вон на полпути к берегу маячит обвязанная красной банданой голова. А Олю еле видно — солнце отражается от морской глади и бьет в глаза сотнями серебряных иголок, так что сквозь слезы едва можно разглядеть потемневшие от воды Олины волосы. Что-то она сильно в сторону забрала...

Еще несколько человек с грохотом обрушились в воду — остались только он сам и Лера.

— После вас, — ухмыльнулся Дима, делая приглашающий жест.

Девушка повела костлявым плечом и протиснулась мимо него к корме. В воду она вошла почти беззвучно.

Дима прикрыл глаза ладонью. Вова наконец выбрался на берег — но не посреди пляжа, как должен был, а намного правее, почти у самых скал. Остальные растянулись по диагонали

между лодкой и скалами с левой, восточной стороны пляжа. Да их же сносит течением, сообразил Дима. И сносит сильно...

За спиной кашлянули, и Дима подпрыгнул от неожиданности.

— Назад? — насмешливо спросил капитан. — Кох-де-Коль?

Еще секунду Дима раздумывал. Капитан заметил его колебания; он перестал ухмыляться, и в глазах появилось сочувствие. Он похлопал Диму по плечу, мотнул головой в сторону идеального, такого близкого пляжа.

— Правильно, — сказал он. — Плохой остров. Не надо.

— А придется, — буркнул Дима по-русски и, чувствуя себя идиотом, добавил на английском: — Очень хорошая работа. Надо.

Капитан усмехнулся, обернулся к помощнику и что-то прокричал по-кхмерски. Парень заржал и покачал головой.

Дима сердито сжал зубы. Да какое ему, в общем-то, дело до того, что думают о нем два кхмера? Они кроме своей лодки ничего и не видели...

— Кох-Наг плохо, — настаивал капитан. — Сиануквилль. Пляж. Пиво.

Дима улыбнулся и шагнул с кормы в стеклянную синюю бездну.

Вода оказалась теплой, прозрачной и — наконец-то — соленой. Она мягко, почти ласково обволакивала тело, и держаться на поверхности не стоило никаких усилий. Дима неторопливо поплыл к берегу. Пожалуй, это было бы даже приятно, если б не шорты и футболка, противно липнущие к телу и тормозящие движение. Надо будет потом искупаться по-человечески. Пленский, конечно, затейник, думал Дима под размеренные гребки. Зато теперь они все в равном положении — только снаряжение, оставленное для них на острове, и никаких бонусов.

Справедливо. Но как же одежда мешает плыть... Дима встал в воде вертикально, пытаясь нащупать дно — по его расчетам, он уже должен был выбраться на мелководе, — но вместо песка ощутил лишь поток ледяной воды.

Он испуганно отдернул ноги и приподнял голову над водой, пытаясь сориентироваться. Берег оказался неожиданно далеко. Пляж, на который Дима держал направление, сдвинулся вправо; теперь напротив него был короткий скальный участок, за которым начиналась илистая полоса, поросшая лопухами деревьями с торчащими в воздухе корнями. Стараясь не паниковать, Дима оглянулся на лодку — но она оказалась не позади, как он рассчитывал, а левее... и, кажется, немного ближе к берегу, чем он сам. Течение несло его в сторону и прочь от острова.

Спокойно, сказал себе Дима. Он, конечно, не лучший пловец в мире, но и не самый плохой. Утонуть в этой воде практически невозможно, главное, чтоб его не протащило мимо острова. Но раз все смогли доплыть — то и он сможет. Дима снова приподнял голову, высматривая людей. Вова приближался к западному краю пляжа; он шел медленно, то и дело оглядываясь по сторонам. Оля тоже наконец выбралась из воды, отжала волосы и потянулась следом. Чья-то фигура маячила у самого мангрового болота. Еще трое, видимо, пока в воде.

Нога снова попала в холодную струю, и Дима поспешно вытянулся на воде. Еще судорог не хватало. Очень глупо будет пойти ко дну, не доплыв двухсот метров до мечты... Теперь Дима чувствовал, как течение медленно, но неумолимо несет его в сторону, но пока не сопротивлялся: надо было подумать. Если держаться правее, под углом к течению, и грести интенсивнее...

Через пятнадцать минут он все-таки выбрался из воды, напоследок расцарапав колено о камень, обросший ракушками. Сердце колотилось, как бешеное; дико хотелось пить. Губы

обметало горьковатой коркой. Дима смахнул с лица морскую воду, чтоб не так щипало глаза, и побрел вдоль пляжа по следам, оставленным его соперниками. И инстинкты, и здравый расчет подсказывали, что пока им лучше держаться вместе.

Все уже собрались на западном краю пляжа. Топтались у границы песка и джунглей, неуверенно поглядывая друг на друга. Подсохшую одежду покрывали разводы соли. У Кирилла на ноге красовался шмат грязи — наверное, выбрался в болото и не отмылся полностью. А у Леры ладонь обмотана банданой — тоже ободралась о скалы...

Дима огляделся. Здесь, видимо, иногда останавливались люди: в тени чернело кострище, вокруг лежали толстые, выбеленные морем древесные стволы. Нагромождение черных камней, таких же, как на восточном краю, загораживала пышная крона индийского миндаля с почти горизонтальным стволом; его крайние ветки дотягивались до самой воды и тихо покачивались на мелких, почти незаметных волнах. Некоторые из крупных кожистых листьев покрывал багрянец. Удивительно яркое и в то же время уютное место: белый песок, зелень джунглей, красные пятна листьев и бирюзовая вода. Здесь, наверное, хорошо сидеть в шезлонгах, попивая холодную колу и дожидаясь, пока на гриле поджарится свежая рыба, перекусывать сочными ананасами... и запивать колой, холодной, со льда, или просто водой прямо из покрытой капельками бутылки...

— Пить хочется, — сказала Ира, поглядывая на парней.

— На пляже и в камнях на той стороне ничего нет, — сказал Вова, — я проверил, пока вы плыли.

Антон прищурился.

— Отличная идея — погонять нас по острову, — заметил он.

— В смысле — погонять? — напрягся Кирилл. — Ты о чем?

— А ты подумай, — ответил Антон почти радостно.

— Он о чем это? — Кирилл угрожающе надвинулся на Вову. — Ты совсем обалдел, что ли? Я пить хочу! Где снаряга?!

— Паранойю отключи, а? — огрызнулся Вова. — Нет там ничего, хочешь — иди проверяй! — Он неприязненно покосился на Антона. — И этого умника с собой прихвати, а мы пока в другом месте поищем.

Антон собирался ответить, но его оборвал долетевший издали крик. Вопили с лодки, о которой все успели забыть. Капитан, казавшийся с берега совсем крошечным, энергично замахал рукой, сложил ладони у рта и снова крикнул. «О’ке-е-ей?» — донеслось до них. Несколько человек молча замахали в ответ руками — надрывать глотки никому не хотелось.

Через несколько секунд лодка, выпустив клуб сизого дыма, пошла к материку. Отдаленный шум мотора будто растворялся в висящей на горизонте дымке, и вскоре на остров опустилась ватная тишина.

Дима огляделся. Ему кажется — или на лицах и правда проступили следы испуга, который чувствует он сам? До сих пор все казалось немножко ненастоящим — но теперь лодка ушла, и ясно, что это всерьез. Очень даже всерьез. Дима провёл языком по пересохшим губам. Плавание в море обезвоживает; если они в ближайшее время не найдут воду — им станет не до манипуляций и конкуренции. Антон тоже это понял.

— Ладно, куда они могли все засунуть? — будто через силу спросил он. — Надо посмотреть в этих камнях. Еще болото...

— Там вроде следов нет, — откликнулся Кирилл и вытер пот со лба. — Я на дальнем краю вылез.

Все переглянулись. Надо, конечно, проверить ближайшие скалы, но...

— Он не мог приказать спрятать все прямо в лесу, — нервно сказала Ира. — Нам что, весь остров обшаривать? Он же не псих?

Кто-то с сомнением хмыкнул, и игроки дружно уставились на стену джунглей, обхватывающую пляж ровной дугой. За этой границей не было ни ориентиров, ни направлений, ни структуры. Сплошная, хаотичная биологическая масса, зеленое влажное месиво. Как там искать? Двигаться цепью, проверяя каждый куст? Нереально...

— Смотрите, вроде бы там тропка, — сказала вдруг Оля.

Даже не тропка — просто в одном месте расстояние между деревьями было чуть пошире. После слепящей белизны пляжа проход казался темным. Когда глаза привыкли к полутьме, в глубине смутно проявился какой-то кустарник, поросшие лианами стволы. Почвы не видно под толстым слоем палой листвы. Вообще ничего не видно, кроме мешанины листьев всех оттенков коричневого, в которых может прятаться кто угодно. Собственные босые ноги, облепленные песком, вдруг показались им невероятно незащитными и уязвимыми. Да еще и шорты... Длинные брюки вместе с кроссовками остались в рюкзаках на лодке.

— А что, обувь прихватить никто не догадался? — безнадежно спросил Кирилл.

Оля зябко передернула плечами, как будто на пышущий жаром пляж внезапно налетел холодный ветер. Надо было хотя бы вьетнамки в руки взять, уныло подумал Дима. Метрах в трех от них поперек тропы лежало небольшое бревно, прогнившее, поросшее мхом; посередине прелая кора повисла лохмотьями, открывая светлую древесину. Под бревном может прятаться кто угодно. Ох, не надо им туда идти.

Стоп! Кора и мох ободрались не сами по себе: кто-то наступил на них сверху. Здесь проходили люди, и совсем недавно:

если присмотреться, можно увидеть еще один ободранный участок, но намного темнее, заветренное. А этот — совсем свежий. Вряд ли кто-то гулял по джунглям для собственного удовольствия.

Оглядевшись, Дима подобрал длинную ветку. Трухлявая, конечно, но если не слишком ею размахивать, то сойдет. Он осторожно ткнул ею в листву перед собой, почти ожидая, что навстречу выскочит разъяренная змея.

— Уверен? — спросил за спиной Вова.

Дима кивнул и сделал первый шаг вглубь острова.

ГЛАВА 4

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Вязкий воздух за спиной прорезал дикий, ледящий душу женский визг, и на одну мучительную секунду Дима поверил, что злые духи действительно существуют. Внутренности будто сковало морозом; пот мгновенно высох, и волоски на похолодевшей коже встали дыбом. Дима медленно обернулся, ожидая увидеть все что угодно.

Кричала Ира — вернее, уже не кричала, а сипела, выкатив глаза и истерически шаря ладонями по телу. Ее руки были намазаны чем-то красным. Все смотрели на нее, замерев от ужаса. Всеобщее оцепенение нарушил Антон — он вдруг хрипло выматерился и с силой хлопнул себя по голени. На ноге выступило яркое пятно, и Дима понял, что это кровь.

Холодея, Дима опустил глаза. Ничего подозрительного, лишь темнеет на лодыжке какой-то прилипший мусор — будто вытянутая капля густой грязи. Дима попытался смахнуть его рукой, но капля внезапно оказалась теплой, упругой... живой. Он едва сумел сдержать тошноту. Будто в ответ, рядом мучительно закашляла и согнулась пополам Оля. Дима с отвращением потянул; слабое чмокание, с которым тварь отлепилась от его ноги, он скорее почувствовал, чем услышал. На лодыжке выступила капля крови. Боли Дима не чувствовал — похоже, в слюне

пиявок содержался какой-то анестетик, обезболивающее, чтобы жертва не рыпалась и спокойно дала себя высосать. На ощупь тварь походила на полный жидкости бурдюк. Бурдюк с его кровью. Дима хотел раздавить паразита, но не смог одолеть брезгливость и с отвращением отбросил его в сторону.

Душно было, как в бане. Успевшая подсохнуть на солнечном берегу футболка снова промокла, теперь уже от пота. Несмотря на утренний душ в отеле и заплыв до острова, Дима чувствовал себя грязным и вонючим. Слюна в пересохшем рту, склеившемся от жажды, была какая-то вязкая и мерзкая на вкус. Джунгли пахли зеленью, но еще больше — затхлой сыростью, прелью, какой-то древней гнилью. Даже свет здесь был тусклый, серо-зеленый, как плесень на забытой хлебной корке. Все здесь было трухлявое, мокрое, все цеплялось и липло. Шорты Димы покрыли какие-то мелкие репы, на лице — гнусное ощущение налипшей паутины, рука расцарапана и зудит после того, как он задел ею безобидный на вид куст, похожий на пальму, который оказался колючим ротангом. А теперь — еще и пиявки, вряд ли опасные, но отвратительные до дрожи. Внутренний голос насмешливо шепнул что-то про золотой остров, которым Дима грезил меньше часа назад, и исчез. Сейчас было не до диалогов с самим собой. Надо было осмотреться: от мысли, что где-нибудь на спине присосался еще один набухающий кровью бурдюк, к горлу подкатывал ком.

Ира перестала кричать и теперь истерически всхлипывала, все еще рефлекторно ощупывая тело.

— Прямо на шее... я не замечала, совсем не почувствовала... а она огро-о-омная... — Девушка судорожно содрогнулась и зарыдала.

— Всего лишь пиявки, — сказал Вова. — Вот еще одна.

Он кивнул на Кирилла, и тот, позеленев, смахнул паразита, не успевшего еще присосаться.

Дима посмотрел под ноги. Теперь, когда он знал, что искать, пиявки прямо-таки бросались в глаза. Мелкие, не больше сантиметра длиной, и тонкие. Пока еще тонкие. Та, которую он снял с себя, успела раздуться раза в два. Гадость-то какая... Пиявки ползли на них, поднимаясь горбом и вытягиваясь. Вот одна из них остановилась, приподняла верхнюю часть тела. Повела из стороны в сторону, будто принюхиваясь, и поползла дальше, чуть-чуть изменив направление. Точнее, нацелившись на голые ноги людей.

— Они чувствуют нас, что ли? — с отвращением проговорил Кирилл. Оля тихо взвизгнула и отступила — как будто надеялась, что за спиной этих тварей нет.

— Похоже на то, — буркнул Вова. — Надо идти, а то мы всех сейчас соберем.

— Я туда не пойду! — вскрикнула Ира. — Я не хочу!

— Ну возвращайся на пляж, сами справимся, — ответила Лера. — Можешь помощь пока вызвать. Ой-ой, меня пиявки покусали...

— Как? — нервно усмехнулся Кирилл. — Рацию еще найти надо.

Ира неуверенно переминалась с ноги на ногу, поглядывая то на тропу, то на поблескивающее за деревьями море.

— Может, мы правда лучше на пляже подождем? — робко предложила Оля, неуверенно посмотрев на девушек. — Какой смысл искать всей толпой?

— Может, мы отсюда сразу по-джентельменски свалим, чтобы ты могла получить работу? — ядовито спросил Антон.

Оля вспыхнула и отвернулась, прикрывая ладонью лицо. Даже шея у нее стала ярко-розовой.

— Да нет, девочки, идите, конечно, на пляж, — добродушно бросил Вова. — Рацию мы вам дадим, как только попросите.

Лера яростно потерла костлявую лодыжку пяткой, смахивая очередную пиявку. Настороженно поглядывая по сторонам, подобрала брошенную в панике палку. Процедила:

— Лично я собираюсь идти дальше. На пиявок мне плевать, но здесь наблевано и воняет. — Она бросила презрительный взгляд на Олю, и та снова залилась краской. Дима осторожно коснулся ее локтя.

— Не бойся, уже немного осталось, — сказал он. Оля подозрительно покосилась на него, а Антон тут же подобрался:

— Откуда знаешь?

Дима поморщился. Ничего он не знал, просто догадывался. Снаряжение отвозили на катере; они встретили его, едва отчалив от Кох-де-Коля. Скорость катера и расстояние известны; по Диминым расчетам — он не задерживался на острове надолго. Часть времени ушла на разгрузку, матросы на катере, конечно, шустрые и сильные, но их всего двое. По джунглям они, конечно, ходят намного быстрее: у них и привычка, и какая-никакая обувь, пусть это даже старые резиновые сланцы. С другой стороны — груз их должен был тормозить... В общем, унести снаряжение далеко они никак не могли.

Но объяснять все это не хотелось. Дима пожал плечами; Антон продолжал смотреть, цепко и подозрительно.

— Просто знаю, — неохотно ответил Дима.

— Вот! — крикнула Оля и ускорила шаг.

Дима прищурился, пытаясь разобрать в полумраке, что ее так обрадовало. Девушка свернула с тропы к удушающему фикусу, наросшему когда-то вокруг огромного дерева. Дерево погибло и рассыпалось трухой; на его месте осталась лишь пустота, гигантский грот, будто сплетенный из многочисленных стволов фикуса. Теперь там аккуратно стояли десять пятилитровых бутылей воды; за ними в глубине белели туго набитые мешки.

— Я думал, за ними лезть куда-нибудь придется, — слегка разочарованно сказал Антон.

Дима промолчал, но мысленно согласился. Он тоже ожидал, что из Пленский устроит из поиска снаряжения мучительный аттракцион. Даже подозрительно.

— Там никаких ловушек нет? — мрачно спросил он. — Как-то просто.

— Нет, — растерянно откликнулась Оля, — вот вода... в этом мешке печенюшки какие-то...

Кирилл схватил бутыль с водой, одним движением свернул тугую крышку и принялся пить прямо из горла, булькая, обливаясь и пофыркивая от удовольствия. Вторую бутылку схватила Ира — отпила немного, поставила на землю, наклонила над сложенной лодочкой ладонью. Со стоном удовольствия плеснула в лицо — и еще раз, и еще...

— Вы что делаете? — внезапно рявкнул Вова.

Ира вздрогнула и отпустила бутылку. Вода полилась на землю; Вова подхватил канистру, бережно завернул крышку.

— Эту тоже поставь, — резко сказал он Кириллу. — Хватит уже, напился.

— А в чем проблема? — спросил тот. — Возьми другую и пей.

— На какое время это, по-твоему, рассчитано?

Повисло тягостное молчание. Дима судорожно прокручивал в голове короткий разговор с Пленским: ничего. Разговор с Николаем: ничего. Никто не сказал им, сколько времени отведено на игру и будут ли подвозить воду и продукты!

— А обратные билеты кто-нибудь видел? — напряженно спросил Антон. Ему никто не ответил.

Дима провел языком по пересохшим губам, аккуратно вынул бутыль из рук Кирилла. Сделал несколько глотков — пить хотелось страшно, но под пристальными взглядами вода не лезла в горло. Откашлявшись, Дима сказал:

— Можно посчитать.

Вова живо обернулся к складу, беззвучно пошевелил губами.

— Если Пленский не хочет, чтобы мы заработали обезвоживание и проблемы с почками... он же не хочет? — с некоторым сомнением спросил он сам себя.

— Ты так уверен? — тихо спросила Лера.

— Да ну, зачем ему больные, — откликнулся Вова, но уверенности в его голосе не было. — Два литра на человека в сутки при таком климате — это минимум... Получается... — Вова сдвинул брови, подсчитывая.

— Приблизительно три с половиной дня. На четвертые сутки должны сделать заброску, — подсказал Дима.

— А ты, между прочим, половину своей сегодняшней нормы только что вылила, — повернулся Вова к Ире, — и лично я с тобой делиться не собираюсь.

Девушка раздраженно закатила глаза.

— Лучше сразу разделить поровну, — предложила Лера, — пусть каждый возьмет себе по бутылке, а остальное пока трогать не будем.

— Погоди-ка, — оборвал ее Кирилл. — Почему это поровну? Мне воды надо больше, чем тебе, да я только что потом больше двух литров потерял!

— Следил бы за собой вместо того, чтобы по макдональдсам шляться, — не потерял бы, — холодно ответила Лера.

— Да иди ты! Я себе две канистры беру, и как хотите!

Кирилл подхватил две бутылки — не вскрытые, заметил Дима — и развернулся к пляжу, но Оля загородила ему дорогу. Вытянулась во весь свой невысокий рост — Кирилл был на голову выше ее и минимум в два раза тяжелее.

— Так не честно! — крикнула она.

— И что ты сделаешь?

Оля сжала кулаки, но с места не сдвинулась.

— Я сделаю, — тихо сказал Дима и встал рядом. Антон коротко заржал.

— Ой, ну отвали уже, — утомленно проговорил Кирилл и плечом отпихнул его с дороги.

Дима взмахнул руками, ловя равновесие. Ему удалось не упасть — с трудом, но удалось. Внутри тоскливо заныло: Дима понимал, что отпихнули его совсем легонько, не всерьез. Он вдруг с ледяной ясностью понял, что речь идет вовсе не о рыцарских порывах и защите слабых девушек. Если он срочно не придумает, что противопоставить тупой физической силе, то может сразу убираться с Кох-Нага вместе с девчонками. В драке у него нет шансов ни против здорового Кирилла, ни против жилистого, жесткого Антона, ни тем более против накачанного Вовы. Да включи же мозги, мысленно заорал он сам себе. Нет у тебя ничего, кроме мозгов...

— Ну что, девочки, помочь вам с рацией разобраться? — радостно оскалился Антон. — А мы уж тут как-нибудь... Ну сами подумайте, зачем вам эта работа? Все равно же замуж повыходите, потом декрет, уже не до карьеры будет. Стоит ли мучиться? Пойдемте на пляж, здесь, наверное, плохо ловить будет.

— Какой же ты козел, — потрясенно выговорила Оля. — Потрясающий, незамутненный козел.

— Закон джунглей, детка, — сладко улыбнулся Кирилл. — Ира, ты мне телефончик оставь...

— Да пошел ты, — машинально откликнулась та, кусая губу.

Она тоже судорожно придумывала выход. А Оля, видимо, уже не могла думать — только смотрела в одну точку полными слез глазами. Дима вспомнил разговор на набережной. Она так верила в справедливость, что теперь, наверное, просто не могла собраться и справиться с шоком.

— Вы такие сильные, мальчики, — вдруг сладко протянула Лера и нехорошо улыбнулась. — Такие мужественные. Конечно,

куда нам до вас, нам бы борщи варить, да? — Она покосилась на девушек. Ира презрительно скривилась. Оля медленно покачала головой; она как будто не слышала и не понимала ни слова.

— А что ты, Кирюша, будешь делать, если я начну отбирать у тебя воду? — все тем же медовым голосом спросила Лера.

Кирилл хохотнул — нагло и в то же время слегка растерянно.

— Нет, ну правда, что? — не отставала Лера. — Ну отпихнешь ты меня раз, отпихнешь два... так я же не отстану.

Антон вдруг сник; Ира же, наоборот, шумно втянула воздух и улыбнулась.

— Ты дура, что ли? — раздраженно спросил Кирилл. — Я ж тебя одной ладонью...

Вова, до сих пор отстраненно наблюдавший за этой сценой, вдруг потерял к ней всякий интерес. Мрачно усмехнувшись, он отвернулся и зашуршал пакетами, аккуратно раскладывая и пересчитывая продукты.

— Ты сильный, но тупой, — снова улыбнулась одними губами Лера. — Ты меня, конечно, одной ладонью прихлопнешь. А дальше что?

Только теперь до Димы дошло, к чему вела девушка. Он тихо рассмеялся. Надо же, как действуют джунгли: и пары часов не прошло, а все уже забыли, что до цивилизации со всеми ее благами, включая уголовный кодекс, — два часа на лодке. Победить всех, чтобы сесть в камбоджийскую тюрьму вместо кресла заместителя? Вроде бы идиотов здесь нет.

— Так что воду мы поделим поровну и еду тоже, — закончила Лера, почти ласково глядя на покрывшегося бурыми пятнами Кирилла. — А если ты будешь себя хорошо вести, я, может быть, даже поделюсь своей долей. Подкормлю тебя, бедняжку.

Кирилл, пробормотав что-то нецензурное, сердито поставил канистры на землю и медленно побрел к мешкам. Остальные, спохватившись, потянулись за ним — к явной досаде Вовы.

— Там я уже посмотрел, — раздраженно бросил он, указывая на отдельно стоящие пакеты. — Продукты, гамаки, спички. Здесь... — он раскрыл очередной сверток, — ага, фонари и ножи. По четыре штуки. Потом поделим! — оборвал он Антона, открывшего было рот. — Здесь, похоже, рация с прибабасами... Ох, ну слава богу! — сказал он вдруг, раскрыв очередной пакет.

Дима заглянул через его плечо. Поверх сизых пластин гибких солнечных батарей лежало семь запечатанных конвертов, подписанных их фамилиями.

— Инструкции! — обрадовалась Ира.

— Что, каждому отдельная? — скептически покачал головой Антон, схватил первый попавшийся конверт и надорвал край. «...онова Валерия» — успел прочитать Дима, и тут Лера отпихнула его в сторону.

— Это мой, — жестко сказала она и быстро выдернула конверт из рук Антона.

— Ой, ну конечно, секретные сведения, — ухмыльнулся тот.

Дима вскрыл свой конверт. В нем лежал один-единственный листок: обычный желтый квадратик для заметок, сложенный вчетверо. Развернув его, Дима прочел: «Пароль для связи: 57382».

Торопливо скомкав листок, Дима сунул его в карман. Огляделся: Кирилл задумчиво хмурился, Ира с деланным равнодушием рассматривала что-то в кроне над головой. Голливудская улыбка Антона погасла, и на остром лице проступила легкая досада.

Пароль для связи. А ведь это действительно секретные сведения, да еще насколько секретные!

Ощущение было таким гадким, будто Дима нащупал у самого лица насосавшуюся пиявку. Зачем давать инструкции и задания? Они сами устроят друг другу веселую жизнь, даже не выходя за рамки закона. Змеиный остров... серпентарий

единомышленников, черт бы их побрал! Наивный идиот, думал, что игра рассчитана на терпение и умение решать проблемы самому. Как бы не так! Терпения здесь у всех достаточно, они могли бы сидеть на Кох-Наге, пока рак на горе не свистнет. Но Пленский рассчитывал совсем на другое. Только теперь Дима понял: выиграет тот, кто сумеет подставить остальных конкурентов. Ну или — при особом везении — тот, кого никто подставить не сможет. И самый простой способ избавиться от соперников Пленский предусмотрительно исключил. Иначе рано или поздно кто-нибудь догадался бы вызвать помощь от чужого имени, и все вылилось бы в драку за доступ к рации. Антон и Лера, судя по раздосадованным лицам, уже успели до этого додуматься, да и Ира листочку с цифрами, похоже, не очень рада.

От бумажки надо будет избавиться, и быстро, мрачно подумал Дима. Строить козни он вряд ли сумеет — мозги не под то заточены; но уж ума не подставляться самому ему хватит.

Стоит, наверное, уйти подальше от группы, устраниться из схватки и ждать, пока остальные перегрызут друг друга. Правда, в случае форс-мажора он может не успеть добраться до рации. Но, если думать головой и не зевать, вероятность несчастного случая не так уж велика. В джунглях отсиживаться опасно и противно, но на Кох-Наге наверняка есть и другие пляжи. На худой конец — между скалами на востоке Дима успел заметить тенистый клочок песка. Пятачок там размером не больше обычной кухни — но ему много и не надо.

Вот только Антон и Кирилл, а может, и не только они, явно намерены давить соперников, а не отсиживаться по углам. Патовый расклад их не устроит — а значит, они сделают все, чтобы он не сумел использовать выгодную для себя стратегию. Попытаются не дать ему унести свою часть воды и продуктов. Физическое столкновение он проиграл бы, но Лера только что показала: до серьезной драки дело вряд ли дойдет. Эта девушка

вызывала у Димы сложную смесь восхищения и страха. Как бы не оказалась самым серьезным противником...

Дима вдруг отчетливо представил, как это будет: разобрав припасы, они разбредаются по острову. Наверное, они даже сумеют как-то поделить ножи и фонарики и договориться о том, где оставить рацию. А потом — начнут тихо сходить с ума, глядя, как тают запасы воды... Рано или поздно кто-то решит действовать. Например, слегка пихнуть слабую девчонку или тихого ботаника на камни. Лера здорово, конечно, придумала, — но защита далекого закона работает, пока есть свидетели. Иначе — попробуй еще докажи, что не сломал ногу по собственной глупости и неуклюжести... Всего лишь слова одного человека против слов другого.

— Надо отнести все в лагерь, — прервал общее молчание Вова.

Ему никто не возражал. Теперь игроки были неразлучны.

ГЛАВА 5

ОКОЛЬНЫЕ ТРОПЫ

Ира растянулась на гамаке, небрежно брошенном на песок. Оперлась на локти, подставляя под солнце золотистое от загара тело, едва прикрытое купальником. Остальные студенты, не настолько теплолюбивые, укрылись под зелено-багровой кроной миндального дерева, кто на бревнах, а кто — прямо на песке. В кострище лежала грудa хвороста: повинуюсь древним, как само человечество, инстинктам, игроки навалили на старые угли собранный тут же сухой плавник, но поджигать пока не стали. Странно это было, почти противоестественно: соперники, практически враги, готовые в любой момент вцепиться друг другу в глотки и одновременно вынужденные сотрудничать — хотя бы в таких мелочах, как топливо для костра...

Дима выскреб из консервной банки остатки суховатого, горчащего тунца, догрыз галету, запил несколькими глотками воды. Да, питья Пленский пожалел. Или так и было задумано? Есть по такой жаре почти не хочется, а вот жажда оказывается серьезной проблемой.

Набитый кое-как желудок сделал Диму сонливым. До вечера еще далеко, но о ночлеге, пожалуй, стоило позаботиться заранее. Дима неохотно поднялся, подхватил из общей кучи неприличного вида гамак из плотного нейлона цвета хаки. Не гамак даже, а какой-то странный подвесной спальник-кокон, только

вместо верхней части — москитная сетка на молнии. Похоже, для организации игры Пленский выпотрошил какой-то армейский склад.

Подходящее дерево нашлось метрах в двадцати от лагеря — невысокое, с густой кроной и низкими, крепкими ветвями, оно росло чуть в стороне от границы джунглей. Правда, его ствол покрывали жесткие листья, прилегающие к коре, как крупная встопыренная чешуя. То ли паразит, то ли часть самого дерева — Дима не смог понять. Он лишь постарался сосредоточиться на том, что листья не дадут соскользнуть веревкам, а не размышлять, какие твари могут прятаться под их укрытием.

Разобравшись наконец с многочисленными растяжками и узлами, Дима присел на гамак, как на качели. Очень хотелось забиться в уютный кокон и закрыть наконец слезящиеся от солнца глаза. Но расслабляться не стоило: вот так и оказывается потом, что все ушли в кино... Одолев соблазн подремать, Дима неохотно вернулся к костру.

Здесь ничего не изменилось, даже ленивые, обманчиво безмятежные позы, кажется, все те же. Ведут себя как ни в чем не бывало, мрачно подумал Дима, даже выдавливают вежливые улыбки. Со стороны их можно принять за дружную компанию отдыхающих, разве что слегка разморившихся и притихших от жары. Дима понятия не имел, как общаться в таких ситуациях. Он умел дружить, умел и ссориться, но такие социальные лабиринты были не для него. Он испытывал настолько сильную неловкость, такую мучительную раздвоенность, что, сам того не замечая, начал обдумывать, не выйти ли из игры. Знал бы заранее, что едет не на тренинг, а на игру с нулевой суммой...

А может, сумме не обязательно быть нулевой? Он покосился на Олю, ловя смутную мысль. Девушка сидела чуть в стороне от остальных, накручивала на палец потускневший от пота и соли рыжеватый локон. Похоже, до сих пор не может отойти после

недавней стычки. Это ему даже на руку, легче будет уговорить. Робинзонить в одиночку глупо, но если они уйдут вдвоем — то и от разборок избавятся, и прикроют друг друга. А когда остальные сольются — договорятся как-нибудь между собой. Да просто дождутся конца игры — не вечно же Пленский собирается их здесь держать. Пусть потом сам выбирает. Или берет на работу обоих.

Оля почувствовала пристальный взгляд и торопливо отвернулась. Сердито тряхнула головой, будто отгоняя назойливую муху, — почему-то Диме показалось это игрой на публику. Не хочет, чтобы ее связывали с аутсайдером... Ну да ладно. Он пока подыщет подходящее место, а поговорить можно будет и вечером, в стороне от любопытных глаз.

Ира перевернулась на живот, подперла подбородок ладонью. — Скучно, — проговорила она. — Мы тут от безделья передохнем.

— Поиграйся с рацией, развлечешься, — вяло предложила Лера. — Морская прогулка, шопинг в Сиануквилле...

Она сидела с прямой, как доска, спиной, с легким отворачиванием поглядывая по сторонам. Будто не на пляже оказалась, а на помойке в компании бомжей. Ее глаза скользнули по пышной Ириной груди, по зажатой в руке обкусанной галете. Лера слегка передернулась и отвернулась с таким видом, будто ее вот-вот стошнит.

— Ну давайте, что ли, в «контакт» сыграем, — скептически усмехаясь, предложил Вова.

Ему ответили безрадостным смехом.

— Ага, на выбывание, — желчно бросил Антон.

— Нет, правда, скучно же, — возразил Кирилл. — Давайте я поведу. Все, загадал, первая буква «м»...

— Не ты ли? — спросила Лера.

— Контакт... — лениво откликнулась Ира.

Кирилл моргнул светлыми ресницами, налился кровью.

— Да идите вы, — буркнул он и гулко глотнул из уже ополовиненной бутылки.

Дима прикусил губу, чтобы не расхохотаться. Жаль, что все шмотки пришлось бросить на лодке. Сейчас самое время было бы врубить скачанный у соседа индастриал — глядишь, через пять минут схватились бы за рацию, лишь бы убраться подальше. Для чего-то в этом роде он и не пожалел места под целый альбом. Видно, предчувствовал, что в какой-то момент сильно захочет побесить этих гладеньких зануд.

Представив, как соперники кривятся от металлического грохота, который безумные немцы выдавали за музыку, Дима не смог сдержать злорадной улыбки.

— Эх, а у меня в тачке такой кондей стоит, — мечтательно проговорил Кирилл, — зверюга...

— Что за тачка? — слегка оживился Вова

Дима прикрыл глаза, чувствуя, что засыпает. Вокруг уже оживленно обсуждали какие-то технические параметры — Ира тоже присоединилась к разговору, и ее громкий уверенный голос резал слух. Надо вставать и идти на разведку. Диму покачивало, будто он снова лежал в подернутой мелкой рябью теплой воде. Вот полежит еще минутку и пойдет...

— Димон, слышь, Димон? — голос Антона вломился в дрему, разрушая иллюзию. — А ты на чем едешь?

— На метро, — машинально пробормотал он и сел, потирая кулаком глаза. Надо же, чуть не отключился. Надо идти...

Дима встал.

— Что, пиратские сокровища искать? — прокомментировал Кирилл. — Правильно, повезет — на «Оку» наскребешь.

— Ну что за детские подначки, — делано поморщился Антон, — Димон у нас просто слишком умный, чтобы в пробках стоять.

Дима неопределенно улыбнулся и двинулся прочь от лагеря.
— А вдруг правда найдет? — проговорила за спиной Ира. —
Пираты ведь друг друга перебили... Интересно, за что?
— Дрались за место капитана? — предположил Вова.
— Скорее уж — помощника капитана, — фыркнула Лера.
Спину Диме буравили настороженные взгляды. Увязая
в рыхлом песке и нервно дергая лопатками, он ускорил шаг.

На Кох-Наге, как и в городе, действовал парадокс знакомой дороги. В первый раз, сразу после высадки на остров, пляж казался Диме неимоверно длинным, а время, потраченное на дорогу из одного конца в другой — почти бесконечным. Дима готовился к долгому пути, однако не прошло и пятнадцати минут, как дорогу преградили черные, покрытые багровым налетом каменные плиты, косо уходящие в воду. От них несло жаром. Дима аккуратно двинулся вперед по лабиринту между валунами, стараясь не наступать на раскаленный, покрытый ракушечной теркой камень. Босые ноги кололо: мелкие частицы песка здесь уносило отливом, и под ногами хрустела и скрипела сплошная масса разбитых волной мелких раковин. Дима чуть было не решился порвать футболку, чтобы обмотать ступни, но в последний момент передумал: солнечный ожог мог оказаться пострашнее исколотых пяток.

К счастью, каменистый участок оказался нешироким, и вскоре Дима уже стоял на микроскопическом пляже, который надеялся сделать своим личным лагерем. Но здесь его ждало разочарование. Песчаный пятачок, который утром казался таким тенистым и уютным, сейчас насквозь простреливался солнечными лучами. С одной стороны его прикрывала невысокая скала; другой край упирался в мангровое болото. Неподвижный воздух помутнел от зноя; Диме казалось, что он по глупости влез в духовку великана. А вечером с болота сюда наверняка

налетают целые тучи mosкитов. Уютным это место могло показаться только человеку, который только что едва не утонул.

Дима с сомнением посмотрел на солнце. До темноты еще оставалась пара часов, и он решил обойти лежащее за скалами болото по мелководью и посмотреть, что скрывается за ним. Дима успел пройти пару километров, прежде чем понял, что затея безнадежна. Брести по колено в пронизанной солнечным светом, почти горячей воде оказалось не так уж и просто. То и дело приходилось огибать отдельные куртины кораллов, а иногда и пускаться вплавь: местами кораллы росли полосами, уходящими далеко в море, и обогнуть их было невозможно. А мангры все тянулись и тянулись вдоль берега зеленой кудрявой оборкой. Казалось, что еще немного, еще пара градусов дуги — и болото кончится, но с каждым шагом перед Димой открывались все те же низкорослые заросли кустарника.

Наконец он сдался. Голени ныли от непривычной нагрузки, снова мучительно хотелось пить, да и солнце явно клонилось к закату. Диму охватило тревожное, острое чувство одиночества. Пока он шел, плеск воды под ногами, собственное дыхание отвлекали его; но стоило остановиться — и он почувствовал, как давит на плечи тяжелая, будто настороженная тишина. Пляж терпел людей, но здесь, между болотами и открытым морем, человеку делать было нечего. Откуда-то донесся протяжный, булькающий вздох. Ил проседает под тяжестью прилива, сказал себе Дима, намертво подавляя желание броситься бегом. Неловко загребая ногами, он побрел обратно к едва различимому сейчас пляжу.

Чтобы сократить путь назад, он взял ближе к берегу: широкий обзор больше был не нужен. Ближе к пляжу берег отступал, образуя небольшую заиленную бухту. С воды было видно, что мангровые деревья по ее краям заметно ниже остальных. Видно,

когда-то залив врезался в остров намного глубже, но с годами дожди занесли его илом, и теперь заросли наступали на море, грозя когда-нибудь уничтожить бухту окончательно. Наверное, только скальный выход не давал манграм поглотить заодно и пляж.

Едва волоча ноги, Дима добрал до каменистого участка — вскоре уже можно будет выйти на сушу. Устремился напрямик, срезая путь к пляжу, второпях не глядя под ноги, — и тут же взвыл от боли. Он машинально попытался схватиться за ушибленный палец ноги и рухнул в воду. Рука уперлась во что-то твердое и сколькое. Дима отдернул ее, нелепо забарахтался в мелкой воде, вздымая кучи песка и ила. Наконец ему удалось встать. Дима замер, стискивая зубы и дожидаясь, пока пройдет острая боль от ушиба.

Поднятая им муть постепенно оседала, открывая почти полностью погруженные в песок изогнутые доски. Вот же гадость, раздраженно подумал Дима. Казалось бы — такая глушь, но и здесь никуда не деться от оставленного человеком мусора. Похоже на обломки лодки. Наверное, местные разбили и бросили, решил Дима, аккуратно обходя торчащие из песка деревянные. Это ж умудриться надо. Хотя, может быть, штормом разбило. Глядя на гладкое, как муаровый шелк, море, поверить в шторм было трудно. Скорее всего, сами, по глупости...

Внезапно Дима остановился и медленно, почти на цыпочках вернулся к обломкам. Сами разбили — мысль правильная. Но по глупости ли? Или это и есть те самые остатки кораблей, разграбленных и затопленных малайскими пиратами? Не замечая в азарте обломанных ногтей, Дима по локоть зарылся в песок, смешанный с илом. Наконец ему удалось вытащить кусок доски — слегка изогнутый, скругленный на одном конце и грубо обломанный на другом. Похоже на кусок шпангоута. И даже дырочки от гвоздей видны...

Дерево, пропитанное водой, было скользким и тяжелым. Стоило выпустить обломок из рук — и он тут же камнем ушел на дно. Жаль, что пираты очищали торговые суда, прежде чем затопить. На сокровища Дима не надеялся, но было бы здорово найти что-нибудь интересное. А впрочем... Дима задумчиво поковырял ногой песок. Конечно, все мало-мальски ценное с кораблей выносили. Но на всякую повседневную мелочовку вряд ли обращали внимание. Зачем пиратам простенный нож или чашка? Железо, конечно, в морской воде давно рассыпалось в труху, но керамика или стекло могли сохраниться.

Вот и развлечение нашлось, мысленно усмехнулся Дима, снова зарываясь в песок. Чем сидеть в лагере и дуреть от раздражения и скуки — лучше рыться в обломках кораблей. Найдется какой-нибудь медный гвоздь — уже радость. А не найдется — так хоть время проведет, не ввязываясь в свары.

Пальцы нащупали что-то гладкое. «О-па!» — радостно пробормотал Дима и сжал кулак. В руке оказалась изрядная горсть песка. Дима погрузил ладонь в воду, поболтал, вымывая лишнее сквозь неплотно сжатые пальцы. На ощупь вроде бы металл — похоже, ему действительно удалось найти корабельный гвоздь. Неплохое начало.

Дима выпрямился, в предвкушении разжал кулак и выругался, увидев, что именно лежит у него на ладони. Разочарование оказалось таким сильным, что первым порывом было зашвырнуть находку подальше. В последний момент Дима остановился. Тоже, если подумать, неплохой сувенир. Можно будет рассказывать, как искал пиратские сокровища, а нашел никелированную фигурьку, отштампованную в Китае.

подавив желание пнуть остатки лодки, Дима подкинул металлическую штукуну на ладони, небрежно засунул ее в карман и побрел к берегу.

Энергия азарта и любопытства, пробудившаяся, когда Дима нашел обломки лодки, иссякла, и он снова маялся от жажды и голода. Пересохшие, уставшие от постоянно бликующей воды глаза страшно зудели и слезились. К тому же его вдруг начало терзать чувство какой-то неправильности, странности: как будто он проморгал что-то важное, допустил мелкий баг, из-за которого ошибки будут расти, как снежный ком, и в конце концов сведут всю работу на нет.

Выбравшись на берег, Дима присел на камень — уже не горячий, а приятно теплый — и принялся заново прокручивать в голове прошедший день. С пустыми руками думалось плохо. Дима принялся вертеть пуговицу на боковом кармане шорт. Нет, стратегия, которую он придумал, сейчас самая выгодная; места он пока не нашел, но это не беда, завтра можно будет сходить в другую сторону... Что же не так?

Нитки, как всегда, не выдержали издевательств, и пуговица осталась у Димы в руке. Слегка кольнуло чувство вины и тут же исчезло: он давно уже научился пришивать ободранные в задумчивости пуговицы, маме не придется вздыхать над его дурными привычками и браться за нитку с иглой. Дима автоматически сунул пуговицу в карман. Рука наткнулась на найденную железяку. Все так же машинально Дима вытащил ее и принялся вертеть в пальцах.

Через некоторое время он понял, что мозги больше не работают. Он уже не вертел находку — просто тупо смотрел на нее без единой мысли в голове. Серебристая фигурка кальмара, блестящая, совсем новенькая... Если присмотреться — красивая вещь. Кальмар схематичный, но узнается сразу, и в линиях кроется неувловимая сила.

Дима резко выпрямился. Фигурка совсем новенькая, а обломки лодки — или все-таки корабля? — пролежали в воде

очень, очень долго. Дешевая китайская поделка облезла бы в морской воде за пару недель. Может, кто-то недавно выронил фигурку за борт и соседство с остатками корабля — случайность? Совсем недавно, вчера или даже сегодня: Дима знал, как быстро появляется склизкий налет микроскопических водорослей на любом попавшем в море предмете. Может, на острове есть и другие люди? Дима схватился за вторую пуговицу. Вряд ли это туристы — они наверняка остановились бы там, где игроки разбили лагерь. Может, сотрудники Пленского? Наблюдают за разгорающейся сварой и с хихиканьем потирают руки.

Нет, это уже паранойя какая-то. Дима потерял фигурку, пытаясь понять, из какого материала она сделана. Серебристый металл, тяжелый и странно холодный: предмет до сих пор не нагрелся в руке. Никакой слизи, ни единой шероховатости или патины, будто не из моря вытащили, а достали из-под стеклянного колпака...

Краем глаза Дима заметил движение и поднял голову. Заходящее солнце било прямо в глаза, и Дима видел только темный силуэт человека, идущего вдоль пляжа. Но не узнать Леру было трудно — среди игроков не было никого эфемернее ее. На секунду показалось даже, что ее шатает под легчайшим бризом — но это просто снова заслезились глаза. Лера целеустремленно шла на Диму; догадавшись, что она замечена, девушка дружелюбно помахала рукой и слегка ускорила шаг.

Глаза Димы тоскливо заматались по сторонам, ища пути отступления. Даже если Лера пришла предложить союз — разговаривать совершенно не хотелось. Рядом с ней он чувствовал себя неполноценным, безмозглым эпикурейцем, променявшим совершенство на тупые развлечения. Дима готов был сбежать, как первоклашка от строгой учительницы, — но спрятаться было негде. «А давай ты свалишь отсюда», — тоскливо подумал Дима. Помнится, в детстве он верил, что если достаточно

хорошо сосредоточится, то сможет повлиять на учителей силой разума, и по пол-урока проводил, мысленно твердя: «Не меня. Вызови к доске не меня». Он криво усмехнулся своим ассоциациям и, валяя дурака, сосредоточился на Лере.

Короткое головокружение, будто пляж внезапно встал дыбом и перевернулся. Дима зажмурился, открыл глаза и снова зажмурился, начисто потеряв ориентацию в пространстве. Он уже не сидел, а стоял; солнце, только что бывшее в глаза, теперь находилось за спиной, а земля — чуть ближе, чем он привык видеть. Удерживать равновесие стало невероятно трудно, будто сместился центр тяжести тела.

Снова закружилась голова, и Дима, нелепо взмахнув руками, опустился на песок. Уставился на свои ноги, тонкие, как палки, с торчащими коленями, без единого волоска. Чужие. Ногти на длинных пальцах поблескивали розовым лаком. Замычав от ужаса, Дима попытался отползти в сторону, и чужие конечности задрыгались, упираясь в песок. Холодея, Дима поднял голову, пытаясь осмотреться. Перед ним на камнях сидел какой-то смутно знакомый парень, сутулый, лохматый, с красной, будто обваренной, кожей. Спокойная, расслабленная поза: задумался человек, ушел в себя... Или — вышел из себя? Узнавание обрушилось на Диму, как ледяной душ, и он всеми мыслями и телом рванулся к себе, в свое такое привычное, такое родное тело.

Теплый камень давит на копчик. Ноют обожженные солнцем плечи, и остро побаливает ладонь. Дима разжал кулак — свой собственный, знакомый до последнего волоска, криво срезанного ногтя, шрамика на указательном пальце... Синеватые углубления на ладони быстро набухли кровью: слишком сильно сжал фигурку кальмара, острые концы щупалец проткнули кожу.

Лера, растянувшаяся на песке, подтянула коленки, неловко встала. Пока девушка отряхивалась, Дима рассматривал ее ноги,

худые и гладкие. И ногти покрашены — раньше он не замечал. Пока не пришлось панически дергать этими ногами, как своими... Да что ж это такое было, галлюцинация?

Лера откинула со лба волосы, растерянно усмехнулась:

— Ну вот, на ровном месте падаю.

— Что-то случилось? — спросил Дима, смутно надеясь, что ответ хоть что-нибудь объяснит.

— Просто споткнулась, наверное, — ответила Лера с легким раздражением. — Не знаю. Не важно. Я поговорить хотела...

«Не меня, — подумал Дима. С холодным, отстраненным вниманием посмотрел девушке в лицо. — Не меня...»

В этот раз он сумел удержать равновесие. Посмотрел на себя: нормально, сидит человек, думает о чем-то... Вид самого себя со стороны все-таки вызвал головокружение, и Дима на мгновение опустил веки. Его подташнивало. Так, а дальше что? Он хотел, чтобы Лера свалила... Дима осторожно развернулся и сделал несколько шагов к лагерю. Ощущения были терпимые, но очень странные: непривычная механика чужого тела давала о себе знать. Пройдя метров десять, Дима остановился. Уходить от самого себя было страшно, и вообще непонятно, как действовать дальше. Не может же он находиться в этом теле вечно? Дима сделал еще пару шагов и, запаниковав, потянулся обратно.

Он снова был собой. Сидел на теплом камне и бессмысленно пялился в спину уходящей Леры. Та, словно по инерции, прошла еще несколько метров, неуверенно обернулась, провела рукой по лбу. Дима напрягся, ожидая, что сейчас девушка вернется. Но она вдруг раздраженно передернула плечами и решительно зашагала прочь, к лагерю.

Дима обтер окровавленную ладонь об шорты. Руки мелко подрагивали, движения были медленными, как во сне: слишком силен оказался шок. Увесистая фигурка скользнула между

мокрыми пальцами, будто настоящий кальмар, зарылась в песок. Дима, тихо вскрикнув, упал на колени, торопливо подхватил предмет и остался стоять на четвереньках, мучительно пытаясь найти ниточку, которая не даст ему свалиться в безумие.

И ниточка нашлась. Спасительная мысль замаскировалась под образ все той же строгой учительницы математики, которая, прохаживаясь между рядами парт, внушительно диктовала: «Предположим, что $ixs...$ » Предположим. Дима ухватился за это слово, как за спасательный круг. Предположим — просто примем как гипотезу, — что случившееся не было галлюцинацией. Что каким-то непонятным образом предмет позволил ему управлять телом девушки. Отбросим пока здравый смысл, будем смотреть только на факты. Фактов пока мало, но никто не мешает ему экспериментировать. «Если... то...» — привычно заработал мозг, выстраивая алгоритм.

Руки больше не дрожали. Теперь, когда Дима успокоился, ему пришла в голову самая банальная и утешительная версия: чудес, конечно, не существует, но и он не сходит с ума. Галлюцинации мог вызвать перегрев и обезвоживание. Это не беда, всего лишь неприятность. Напиться, выспаться — и все пройдет.

Дима поднялся с песка, бережно запрятал фигурку кальмара в карман — тот, на котором еще остались пуговицы. Отряхнувшись и неспешно двинулся к дальнему концу пляжа. В любом случае пора было возвращаться, скоро совсем стемнеет. Лера, маячившая впереди, еще раз оглянулась — и заторопилась, будто испугалась, что он настигнет ее на полпути и начнет задавать вопросы.

Правильно, в общем-то, испугалась. Дима зашагал быстрее, а потом и вовсе перешел на неуклюжий бег. Он тут же взмок; в боку закололо, но Дима продолжал бежать, неловко выворачивая лодыжки. Гипотезы и эксперименты — это прекрасно, но одну вещь он должен был узнать сразу.

Услышав его напряженное сопение, Лера остановилась. Сме-рила его потную физиономию утомленным взглядом:

— Чего тебе?

Дима наклонился, уперся в колени, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Девушка брезгливо по-морщилась, и Дима торопливо выпрямился.

— Что ты от меня хотела? — выдохнул он.

— Ничего.

— Ты ко мне шла. А потом что, передумала?

— Да.

— Почему?

— Не знаю...

В глаза Леры мелькнула тень неуверенности.

— А все-таки? — не отставал Дима.

— Да не знаю я, отстань! — рассердилась Лера. — Какое тебе дело?

— Такое, что ты шла со мной поговорить, а потом передума-ла, — уперся Дима. — Имею право знать почему.

— Да потому что посмотрела на тебя повнимательней и по-няла, что лучше уж с тем жирным козлом на пару буду играть, чем с тобой, не так противно будет!

Теперь сомнения в ее глазах не было — только презрение и бесконечное чувство собственной правоты. Дима отвернулся, пряча лицо. Пусть думает, что он обижен, раздавлен, убит напо-вал. Лишь бы не заметила предательскую улыбку, которую он не сумел подавить сразу.

— Еще что-то хочешь спросить? — зло бросила Лера. — Или уже отцепишься от меня?

Дима покачал головой и примирительно поднял руки.

Удивительно, сколько сил уходит на то, чтобы контролиро-вать свою мимику. Хорошо, что уже стемнело и пляшущий свет

костра искажает лица сидящих вокруг людей. Дима надеялся, что никто не заметит перемены.

Лера не понимала и, скорее всего, не помнила, как получилось, что она вдруг двинулась прочь от цели, но ее мозг услужливо подсунул объяснение. Это напоминало постгипнотический эффект: люди, над которыми проводили эксперименты, не помнили приказов гипнотизера, но выполняли все, что им внушили, и сами находили причины своим поступкам. С Лерой, похоже, произошло то же самое.

Но случайность это или закономерность? Дима чуть отодвинулся туда, где тени были гуще, сунул руку в карман. Сердце дало перебой, как перед прыжком в ледяную воду. Страшно... Страшно, что кто-то заметит неладное. Еще страшнее — что ничего не произойдет, что эпизод с Лерой был невероятной случайностью. Но он должен узнать.

Кальмар был не просто холодным — ледяным, и от прикосновения к нему покалывало пальцы. Впрочем, продолжалось это недолго. Реальность кувыркнулась, и ловкое тело Вовы пружинисто поднялось на ноги, подчиняясь чужой воле. На мир будто навели резкость. Надо будет все-таки купить линзы, не к месту подумал Дима. Бросил взгляд на себя — ох, ну и вид у него все-таки: снулый, кривой, нелепый. Подпер голову кулаком, мыслитель... Неудивительно, что его сторонятся. Ладно, с этим он разберется потом.

Он отошел на несколько шагов, присел, сгребая с песка влажные опавшие листья. На него посматривали с ленивым любопытством. Набрав охапку, он вернулся к костру и вывалил добычу на огонь. Мысленно потянулся назад, к себе, освобождая Вову. Тот замер, будто в ступоре. Теперь оставалось только наблюдать.

Дима разжал ладонь, ощутил, как фигурка скользнула по ткани, проваливаясь в глубины кармана. Пламя просело, почти

погасло, и теперь о нем напоминало только тусклое свечение по краям. Из костра повалил густой дым, застелился по песку, запуская белесые щупальца в кроны.

Оля, сидевшая спиной к деревьям, раскашлялась и вскочила, отмахиваясь от дыма.

— Ты с ума сошел? — просипела она и сердито шлепнула Вову по руке.

Тот растерянно моргнул и посмотрел на едкую сизую завесу.

— Совсем крыша поехала. — Антон схватил палку и принялся отбрасывать листья в сторону. — Зачем?!

Вова еще раз озадаченно моргнул, выпрямился.

— Затем, чтобы комарье разогнать, — довольно агрессивно ответил он. — Лично мне малярию подцепить не хочется.

Дима откинулся в тень. Его душил истерический смех. «Не ржать!» — приказал он себе, но взять себя в руки удалось не сразу.

— Комаров ведь нет, ветер с моря, — выдавил Дима и замер в ожидании ответа.

Вова потер ладонью лоб.

— Ну ладно, сглупил, — неохотно признался он и принялся помогать Антону. — Привычка сработала.

Все еще прячась в тени, Дима по-новому рассматривал своих соперников. Он может заставить их делать все что угодно — и они потом сами объяснят свои самые глупые поступки, придумают мотивы самым безумным действиям... Фигурка кальмара надежно лежала в кармане, и он чувствовал бедром ее приятный, но немного пугающий холодок. Власть. У него, никогда не умевшего управлять и манипулировать людьми, теперь появилась власть. С этим еще предстояло свыкнуться.

ГЛАВА 6

ОТШЕЛЬНИКИ

Лазурь и золото томительно медленно угасли. Под ногами Димы оказалась густая черная грязь, и из нее полезли свирепые малайские пираты с кривыми саблями в руках. Дима присмотрелся и понял, что все они — мертвецы. Он попятился, обморочно глотая ставший тягучим воздух, но вдруг осознал, что может управлять ими. Серое, какое-то слизистое море за спиной вскипело, и на берег поползли щупальца гигантского кальмара. Дима расхохотался и протянул руки, указывая им цель.

Скользкое щупальце толщиной с ногу схватило ближайшего пирата. Его пергаментная кожа лопнула, как обивка на старом диване, и вместо крови из раны полился черный блестящий поток телефонов вперемешку с плашками оперативки и обломками материнских плат. С клацаньем они падали на песок; груды мобильных росла, угрожающе кренилась. Дима отступил, но поздно: гора телефонов с пластмассовым стуком обрушилась ему на голову. Он замахал руками, отбиваясь, загораживая лицо. Что-то с силой сдавило ребра; Дима опустил глаза и разглядел обвившееся вокруг груди щупальце. Розовые присоски отвратительно выворачивались, тянулись к коже. Дима попытался заорать, но из горла вырвался лишь сиплый стон. Он мог лишь смотреть, как багровеет, наливается пурпуром передавленное тело. Кожа на ребрах с кошмарным чавканьем разошлась

в стороны, и Дима с ужасом увидел торчащие из-под ребер куски микросхем.

Он очнулся мокрый, как мышь. Мышцы ломило, кожа горела, будто облитая кипятком. Горло и глаза словно набили крупной солью, и страшно хотелось пить. То ли похмелье, то ли подцепил какой-то зверский грипп... Дима облизнул потрескавшиеся губы, сосредоточился, пытаясь вспомнить вчерашний день, но память все еще забивали обрывки сна.

Ну и бред же ему снился. Какое-то соревнование, которое обязательно надо выиграть. Какие-то бесконечные офисные коридоры, по которым он бежал, сшибая плечами манекены в деловых костюмах, что пытались преградить ему путь. Дверь в один из кабинетов распахнулась, и за ней Дима увидел сияющий волшебным светом остров посреди лазурного моря. Заклинатель змей с лицом передового советского рабочего загородил дорогу и пытался что-то объяснить Диме — но тот не слушал, потому что в руке у него вдруг оказалась серебристая фигурка кальмара, и теперь все эти объяснения были не важны...

Еще не проснувшись толком, Дима глубоко вздохнул, втянул в легкие успокаивающий запах прелого дерева, ввевшийся в обыденность дух старых деревянных панелей и древнего паркета, истоптанного поколениями студентов. Сетка пожилой панцирной кровати привычно просела под весом тела. Тихо похрапывал сосед, и что-то мерно, неумолимо постукивало, похрустывало, поклацывало на полу...

Дима перестал дышать.

Не сон. Как минимум наполовину — не сон. Он влез в соревнование, он на необитаемом тропическом острове, и теперь что-то хрустит и стучит прямо под его гамаком. Извиваясь в узком коконе, Дима нащупал коробок. Отсыревшие спички никак не зажигались, приходилось корчиться, чтобы искры не попали на москитную сетку, но в конце концов между ладонями

разгорелся жалкий синеватый огонек. Дима расстегнул молнию, свесился через край гамака и сглотнул.

Земли под ним не было — только темная, копошащаяся, волнующаяся масса, которая потрескивала и пощелкивала, неутомимо двигаясь к берегу. Огонек обжег пальцы; Дима выронил спичку. Перед тем как погаснуть, она успела осветить крошечный пятачок земли. Ничего подозрительного там не было — только палые листья да бок серой в крапинку ракушки.

— Что это? — донесся издали придушенный женский голос. — Что это такое?

Тихий храп смолк, сменился невнятным бормотанием. Дима снова зачиркал об волглый картон. Вторая спичка загорелась чуть быстрее; Дима склонился, смутно ожидая, что сейчас нечто склизкое подпрыгнет и с воплем вцепится ему в лицо. Огонек заметался под его дыханием, отбрасывая шевелящиеся тени... нет, не тени — это сама листовая подстилка копошилась, обретя вдруг кошмарное подобие жизни. Тусклые блики прыгали по влажным листьям, по глянцевитым бокам ракушек...

А вроде бы здесь не было никаких ракушек, только листья и песок. Дима отбросил спичку, снова начинавшую жечь пальцы, и удивленно рассмеялся. В последнее мгновение перед тем, как погас огонь, он успел рассмотреть десятки и сотни раковин самых разных форм и размеров. А еще — торчащие из них уса-тые рыльца и суставчатые ноги.

— Что это? — снова услышал Дима. Голос был неестественно высоким, и в его глубине уже зрела паника.

По пляжу истерически заметался луч фонаря. Дима свесил ноги, дотянулся до палки, припасенной с вечера, и принялся разбрасывать колючие ракушки, расчищая себе дорогу. Всего лишь безобидные раки-отшельники, но сколько же их! Почуввав движение, рачки мгновенно исчезали в раковине, намертво закупоривая вход в захваченное жилище. Но те, до кого палка не

дотягивалась, продолжали неуклюжее, но неодолимое движение к морю, увлекая за собой и лесной сор, и замерших в своих убежищах товарищей.

Спать больше не хотелось. Бесконечный перестук раковин слишком действовал на нервы; казалось, стоит заснуть — и кошмарный сон, вызванный этим копошением, вернется. Подсвечивая себе путь спичками и опасно поджигая пальцы ног, Дима направился к костру.

Они снова сидели все вместе, слушая, как затихает у кромки воды шелест мигрирующих раков. Спать никто не шел — слишком уж все были взбудоражены нашествием. Наверное, на рассвете, наевшись вволю, отшельники отправятся обратно в джунгли. Что там они едят, водоросли, падаль? Всякую мертвую органику?

— Кто мою воду брал? — нарушил тишину Антон. — Я заметил, у меня в бутылке больше оставалось... Кто?

Вступать в перепалку никто не захотел — суета вокруг воды сейчас вызывала лишь тоскливое раздражение. Антон обвел взглядом соперников, дернул щекой.

— Ты здесь вертелась, — сказал он Ире.

Девушка не ответила. Антон вскочил, и в его глазах мелькнуло злобное веселье.

— Ну тогда я тоже возьму, — прошипел он и потянулся к импровизированному складу под деревом.

Вова, не вставая, небрежным толчком отбросил его в сторону. Антон плюхнулся на песок, нелепо разбросав ноги.

— Вы гады, — пробормотал он, — воры... Посмотрим еще, я вам устрою...

Все молча смотрели, как он ругается и брызгает слюной, неловко ворочаясь на земле. На лицах застыла тупая равнодушная усталость.

Диму захлестнуло глухое отчаяние. Зачем он здесь? Что собирается делать — беспомощно наблюдать, как из людей лезут самые гнусные чувства и мысли? Планы, которые накануне казались такими хорошими, теперь вызывали лишь горький смех. Оля вряд ли согласится даже поговорить с ним наедине — не то что уйти. И не заставишь никак, это в фантастическом сне он может управлять другими, да и то — не сам, а с помощью странной металлической фигурки. В реальности же можно только предложить — и с большой вероятностью получить отказ.

Он покосился на Олю. Нет, сейчас с ней говорить бесполезно. Может, с утра... Единственное, что он может сделать, — это забрать свою воду и идти досыпать. Антона, вероятно, никто и не обворовывал: с него станется устроить спектакль. Но саму возможность исключать не стоит. Пора завязывать с беспечностью и доверием, здесь они могут дорого обойтись.

Выцарапать на пластике бутылки свои инициалы Дима догадался, а вот припрятать — нет, и теперь ему предстояло найти ее среди разбросанных вокруг костра вещей.

— Кирилл, кинь мне фонарик на минутку, — попросил он.

Кирилл промолчал — то ли не услышал, то ли проигнорировал. Повторять просьбу не хотелось. Дима скрипнул зубами и снова полез в карман за спичками. Руку кольнуло что-то холодное. Затылок обдало холодом — Диме сразу представилась какая-то мокрая ядовитая тварь, заползшая в карман, — а потом его вдруг окатило горячей волной, и сердце забилось, как сумасшедшее.

Фантастическая фигурка из серебристого металла не пришла ему. Ее невозможно было объяснить, невыносимо принять, ее существование переворачивало с ног на голову все, что Дима знал об этом мире, — но она стала частью его реальности. Дима с грустной усмешкой подумал, что случись с ним такое в городе — фигурка полетела бы в мусоропровод, а он сам еще долго прислушивался бы к себе, опасаясь, что пора обратиться

к психиатру. Но здесь все было по-другому. Еще два дня назад Дима считал невозможным многое из того, что уже случилось. В поплывшую картину мира теперь могло вписаться что угодно — в том числе и металлический кальмар, с помощью которого можно заставлять людей делать то, что они не собирались.

Дима пересел, подвигаясь поближе к Оле.

— Нужно поговорить, — шепнул он. — Иди по пляжу, я тебя догоню.

— Ага, уже бегу, — возмутилась Оля.

— Нет, правда, надо, — настаивал Дима. — Тебе же будет лучше.

— Слушай, — раздраженно шепнула девушка, — я отсюда уходить не собираюсь. Можешь придумывать что хочешь — ты меня не заставишь...

Дима не выдержал и улыбнулся. Ну да, ну да... и вообще он не в счет. Посмотрим, что она скажет через пару часов.

— С тобой что-то случилось, — насторожилась Оля.

— Что?

— Не знаю. Ты какой-то другой стал. Придумал что-нибудь? Дима помедлил.

— Да, пожалуй, придумал.

Боковым зрением он заметил, как Вова неуловимо поменял позу, чуть склонив голову в их сторону.

— И глаза у тебя как-то изменились...

От удивления Оля перестала шептать, и теперь все взгляды были прикованы к Диминому лицу. Щелкнуло — и в глаза ударил слепящий свет фонарика. Дима сердито замычал и прикрылся локтем.

— Посветлели вроде бы, — недоуменно сказала Лера.

— Выцвели, — буркнул Дима и опустил руку.

— Нет, правда, — уперлась Лера и подалась вперед. — Еще и разные, похоже. Один вроде как позеленее...

Электрический свет снова ударил по глазам. Дима зажмурился. Что за чушь, подумал он, всю жизнь у него были самые обычные карие глаза.

— Давайте, девочки, — подбодрил Вова, — одной он уже свидание назначил...

На него не обратили внимания.

— Никогда таких не видела, — сказала Лера и выключила наконец фонарь.

— А я видела, — вмешалась в разговор Ира, — у папиного партнера по бизнесу такие же.

— Что за бизнес? — спросила Лера.

— Да так... — неохотно протянула Ира и отвернулась.

Вспыхнувший было интерес угас, и игроки снова погрузились в апатию. Едва не ерзая от нетерпения, Дима выждал минут пять. Пора. Он представил, как это будет выглядеть со стороны. Отшитый ботаник сидит, охватив голову руками: то ли дремлет, то ли предается страданиям. А девушка, к которой он недавно приставал с разговорами, встает и тихо идет вдоль пляжа. Опять же ничего подозрительного: может, пописать захотела.

Только бы получилось, подумал Дима и сжал холодный металл.

Спустя минут десять он открыл глаза и выпрямился. Все вышло просто идеально: с каждым разом использовать предмет становилось все проще. Оля сейчас сидит на бревне, давным-давно выброшенном штормом к самой опушке. Шершавое, выбеленное морем и солнцем дерево обвито лианами, и какой-то курчавый кустарник подступает с боков. Смутные, загадочные звуки джунглей за спиной: шелест листвы, звон цикад, редкий вскрик ночной птицы. Покой и тишина. Серебристые лунные блики мерцают в воде, пляж тоже кажется серебряным, и густо пахнет невидимыми в темноте цветами... Оле должно

понравиться. Что она скажет себе, очнувшись в стороне от лагеря? Скорее всего, решит, что все-таки согласилась поговорить с ним вдали от лишних ушей.

Но не стоит тянуть — вдруг Оля вообразила, что просто гуляет, и сейчас уже возвращается в лагерь? Стараясь не привлечь к себе внимания, Дима попятился от костра.

— Ты куда? — насторожился Антон.

— Спать, — раздраженно бросил Дима.

— Врешь...

Дима пожал плечами и отвернулся. Вздрогнул, прислушиваясь. Почудилось — или действительно издали донесся тихий крик? Дима огляделся — никто больше на звук не реагировал, и он решил, что ему показалось.

— Не нравится мне что-то, как ты по острову бродишь, — не успокаивался Антон.

Вот же репей... Антон уже встал и теперь загораживал Диме дорогу. Сбоку шумно задышал Кирилл.

— Что тебе не нравится — твои проблемы, — холодно ответил Дима. — Мне-то какое дело?

— А такое, что ты отрываешься от коллектива! — влез Кирилл.

От неожиданности Дима громко фыркнул. Из-за костра донесся тихий смешок Вовы — но вмешиваться он не собирался.

— Какой коллектив? — терпеливо спросил Дима. — Ты бредишь, что ли?

Кирилл неуверенно покосился на Антона и, видимо, почувствовал одобрение.

— Мы сюда все вместе приехали. А ты с самого начала на людей плюешь...

Дима не верил своим ушам. Последний раз он участвовал в подобном разговоре в средних классах школы — и искренне верил, что больше этого не повторится. И уж совершенно точно не ожидал таких упреков здесь.

— Конечно, это я плюю, — желчно проговорил он. — Это же я пытался у девчонок воду отобрать...

— А ты на Кирилла стрелки не переводи, — неожиданно вмешалась Ира. — Если мы тебе так не нравимся, то проваливай.

— Да не важно, кто кому нравится! — воскликнул Дима. — Это игра, правильно? Выигрывает один, и каждый играет за себя, о чем вы вообще?

— О том, что мы — группа, — ответил Кирилл. — А ты все время норовишь в сторону срулить. Так нельзя.

Дима потряс головой, прогоняя ощущение нереальности происходящего. Он чувствовал себя так, будто снова провалился в липкий, вязкий кошмар.

— А чего вы хотите? — спросил он. — Чтобы я с вами сидел, как привязанный?

— Да на фиг ты здесь сдался!

— А что тогда?

— А то, что нельзя так себя вести!

Все уже поднялись со своих мест, и лица, подсвеченные снизу пламенем костра, казались злобными масками.

— Бред какой-то... — проговорил Дима. — Вы же понимаете, что глупо сидеть у костра просто потому, что все сидят?

— А тебе быть таким, как все, религия не позволяет?

— Да я просто пытаюсь понять, чего вы хотите! — заорал Дима. — Должен быть в этом хоть какой-то здравый смысл?!

— Конечно, ты один у нас умный...

Диме захотелось схватиться за голову и взвыть от такой непрошибаемой глупости. Они что, изначально такие были — или уже на острове все вместе впали в маразм? Вроде бы всех по уму отбирали, лучшие из лучших — а не могут даже использовать формальную логику, как такое вообще может быть... И этот внезапно проснувшийся стадный инстинкт — откуда?! Они что, совсем идиоты?

— Понимаете... — Дима осекся. Что-то было не так. Слишком уж глупо. Он наконец-то присмотрелся к лицам повнимательнее — и успел заметить, как едва уловимо переглянулись девчонки, как беззвучно хихикнула Ира...

Дима понял, что идиот здесь именно он. Прямо сейчас Оля постепенно теряет терпение и приходит к выводу, что он не только слабак, но еще и ненадежен и связываться с ним нельзя. Именно этого и добиваются его соперники. Его хитроумный план давным-давно раскусили, оценили и теперь просто тянут время, чтобы помешать ему. Не сговариваясь, нащупали слабое место, подцепили, как на крючок, и сознательно понесли первую пришедшуюся к слову чушь, провоцируя его на все новые и новые объяснения. Болван, кретин!

— Дай фонарь, — сказал он Кириллу.

— Что-о-о?

— Фонарь дай! — рявкнул Дима.

Кирилл ухмыльнулся и нарочито медленно протянул металлический цилиндр. Дима разъяренно выдернул его из широкой ладони.

— Да она спать уже ушла, — со смешком бросила ему в спину Ира.

Дима развернулся так резко, что едва не потерял равновесие.

— Откуда ты знаешь?

— В глаза не свети, а? Видела. Я же лицом к гамакам сижу.

Дима перевел взгляд на Леру, и та неохотно кивнула.

— Подошла, послушала, как ты орешь, и свалила, — со злой радной улыбкой подтвердил Антон. — Спит уже давно. А ты что хотел, чтобы она тебя до утра дожидалась?

— Да, не повезло, — улыбнулся Вова почти сочувственно.

Не ввязываясь больше в разговоры, Дима плюнул и зашагал прочь.

— А вот теперь точно спать, — прокомментировал Вова.

— Эй, фонарик-то оставь! — возмутился было Кирилл и осекся, стоило обернуться и заглянуть ему в глаза.

— Зачем тебе? — ледяным голосом проговорил Дима. — Сиди себе с коллективом.

Искать Олю он не решился. Прокрался через лагерь, сгорая от стыда, подсвечивая фонариком строго под ноги, чтобы не выдать себя. Страшно подумать, что скажет девушка, столкнись они сейчас нос к носу. Дима радовался, что повесил свой гамак чуть в стороне от остальных: оставаться среди людей было бы сейчас просто невыносимо.

Даже не надеясь заснуть, он погасил фонарь и забрался в нейлоновый кокон. Гамак мягко, успокаивающе закачался. Мерно поскрипывали стропы, и Дима постепенно расслабился. Конечно, он здорово сваял дурака, но ничего страшного не произошло. Ошибки — это не смертельно. Главный, секретный козырь по-прежнему у него, и в следующий раз он воспользуется им умнее.

Дима достал найденную фигурку. Луну затянуло влажной дымкой, но ее тусклые лучи, просеянные сквозь кроны, все же отражались от гладких граней. Дима задумчиво рассматривал кальмара. У каждой легенды есть корни в реальности, вспомнил он слова Николая. Может, история о перебивших друг друга пиратах — не такой уж миф, а причина их безумия — в его руках? Дима представил, как призраки убитых малайцев, стеная, сотни и сотни лет бродят по Кох-Нагу, и ему стало слегка не по себе. Воображение разыгралось настолько, что он почти услышал их стоны. Смущенно посмеиваясь сам над собой, Дима ухватился за ветку, останавливая движение гамака, и прислушался. Скрип затих, да и джунгли будто затаились в ожидании рассвета. Единственным звуком был тихий плеск воды, крошечными волнами набегающей на берег.

Дима отпустил ветку и снова принялся тихонько раскачиваться, постепенно погружаясь в мечты. Спросить бы у Вовы, не встречал ли он среди азиатского антиквариата такие фигурки, — но лучше не рисковать, не будить подозрения. Слишком многое на кону. Если объединить чудесное действие кальмара с возможностями, которые даст работа у Пленского, можно добиться чего угодно. Дима прикинул перспективы, и по позвоночнику пробежал холодок восторга. Победа в игре — только первая ступенька, самое начало пути. Если он не остановится, не струсит, то вскоре у него появится реальная власть. Возможность по-настоящему влиять на мир. Сделать его лучше. Удобнее и разумнее. Добрее, в конце концов...

Конечно, ему многому придется научиться. Например, запомнить раз и навсегда, что большинство людей предпочитают добиваться своего скрытыми манипуляциями, а не сотрудничеством или честной борьбой. Хватит быть наивным доверчивым дурачком. В прежней жизни это сходило ему с рук, но теперь может разрушить все планы. Сам Дима врал редко и неумело, воспринимал ложь как тяжелый неприятный труд и неосознанно считал, что остальные тоже предпочитают говорить правду: кто ж захочет так напрягаться без крайней необходимости? Он невесело ухмыльнулся, вспомнив сегодняшний провал. Пожалуй, эту ошибку он больше не повторит.

По спине снова пробежал холодок, но теперь он не имел ничего общего с радостным предвкушением. Дима медленно сел, сосредоточенно нахмурился. Его втянули в глупейшую дискуссию, чтобы не дать договориться с Олей. Он повелся, принял происходящее за чистую монету, но в конце концов раскусил уловку. И, гордый собой, прохлопал следующую ловушку.

Дима выбрался из гамака и затоптался на месте, не зная, что предпринять. Небо посерело; в притихших зарослях раздалась звонкая птичья трель и оборвалась, будто смущенная

фальстартом. Изнывая от смутной тревоги, Дима на цыпочках подошел к группе деревьев неподалеку от костра — просто чтобы убедиться, что все в порядке. Отсыревшие гамаки глянцево поблескивали, как чудовищные зеленые плоды. Дима сразу увидел, что один из них пуст. Но, больше не доверяя самому себе, он педантично обошел все шесть коконов, заглядывая сквозь москитные сетки. С каждым новым спящим лицом в нем нарастали отвращение, злость и сосущая, опустошающая тревога.

Он поверил им, остался в лагере, а она до сих пор ждет его! На Диму разом обрушились нежность, радость, мучительное чувство вины. Он едва не бросился бежать — лишь страх разбудить кого-нибудь заставил его сдержаться. А вслед за страхом пришел ледяной шепоток здравого смысла. Не стоит воображать, что девушка готова часами ждать его. Скорее всего — просто задремала, сидя на бревне. Диме еще услышит о себе много интересного, когда разбудит Ольгу.

Гамаки остались позади, и он перешел на бег. Ловко обогнул лежащий поперек пляжа камень — вроде бы раньше его здесь не было, вроде бы он какой-то неправильный. Дима оглянулся на бегу, упал. Поднялся на четвереньки, ощущая, как лезут из орбит глаза, как распяливается в беззвучном вопле рот.

Мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза, и какое-то время Дима просто смотрел на облепивших что-то раковотшельников, на сплошную, непрерывно шевелящуюся массу раковин, усов, клешней. Отшельники ели. Отшельники торопились насытиться перед тем, как солнечные лучи прогонят их обратно во влажный сумрак джунглей.

Можно было вечно смотреть на их движение, на бесконечное разнообразие раковин, на их замысловатые, наводящие транс узоры. Лишь бы не увидеть, никогда не увидеть клок рыжеватых волос, разметавшихся по песку.

ГЛАВА 7

ВСЕ НОРМАЛЬНО

Хлесткий удар по щеке. Отвратительный привкус желчи во рту. Гнусная кислая вонь, спазмы в пустом желудке и саднящем горле. Чей-то тонкий монотонный плач. По щеке снова хлестнуло — твердое, мокрое, отвратительно горячее. Дима застонал и попытался отползти в сторону.

— Прочухался, — донесся откуда-то сверху бесчеловечный, лишенный интонаций голос. — Только не ори больше, ради бога.

Дима приподнялся на локтях и открыл глаза. Над ним, загромождавая бледное небо, маячил Кирилл. Лицо его, обычно красное и лоснящееся, теперь пошло серовато-бурыми пятнами. Как у мертвеца. Остывшего, разлагающегося мертвеца, объединенного морскими тварями.

Дима вспомнил.

— Не ори, — угрожающе повторил Кирилл, заноса ладонь.

Дима до крови прикусил изнутри щеку и кивнул.

— Вы... — попытался заговорить он. Голос не слушался, и хотелось снова заорать, чтобы вытолкнуть непокорные слова из глотки. — Вы... Я мог...

— Не мог, — присел на корточки Вова, крепко взял за плечо. — Успокойся. Ничего ты не мог, ясно?

Дима замотал головой.

— Вы задержали меня, — прошептал он. — Я бы...

— Ты бы не успел, понимаешь? Никто не виноват, никто ничего не мог сделать. Змея укусила ее за плечо, слишком близко к сердцу. Даже если бы мы вызвали помощь сразу, лодка не успела бы прийти. Не смотри, — торопливо предупредил он, но Дима уже успел повернуть голову. — Черт, да не на меня же!

Вова брезгливо отшатнулся, и Дима, содрогаясь в спазмах, уткнулся лицом в загаженный песок.

— Неудачно выбрала место для свидания, — пробормотал Кирилл.

— Как вы узнали? — просипел Дима, выпрямляясь.

— Следы, — ответил Вова. — Она дошла до середины пляжа, присела там на бревно. Ну и, наверное, почти сразу... Обратно уже ползла. — Он передернул плечами и отошел.

Дима вытер рот ладонью. Его как будто оглушило. Он не находил в себе ни боли, ни горя — все заполнила сосущая пустота и отвратительное чувство собственной нечистоты. Прозрачная вода, пронизанная светом, переливалась и играла, манила, но до нее было метра три, и сейчас это расстояние казалось непреодолимым. Дима поднялся, уверенный, что никогда не сможет пересечь узкую полосу пляжа, и сделал шаг. И еще один. И еще. Голова казалась легкой, как воздушный шарик.

Остывшая за ночь вода слегка привела его в чувство. Без единой мысли в голове Дима умылся, выполоскал футболку. Постоял, глядя на размытую черту горизонта и мечтая, чтобы люди за спиной исчезли как по волшебству, чтобы он остался один. Но бубнящие голоса все не смолкали, назойливые, как мухи. Дима обернулся к берегу.

Девушки стояли в стороне, испуганно жались друг к другу. Ира заплакана, губы и нос покраснели и распухли, как вареники. У Леры лицо застыло, как маска; и без того худое, его, кажется, еще больше обтянуло, и теперь оно походило на слегка

прикрытый кожей череп. Лишь в глазах оставалось подобие жизни, сухой, нездоровый блеск. Набравшись мужества, Дима проследил за ее взглядом. Торопливо отвел глаза и тут же посмотрел вновь, не в силах объяснить себе увиденное.

Над телом Оли склонился Антон. Диме не видно было, что он делает, но в суетливых движениях его рук было что-то ужасающе, отвратительно непристойное. Остальные наблюдали за ним с противоестественным спокойствием. Антон деловито перевернул тело на живот и запустил руку в задний карман тугих шорт. Дима увидел, как шевелятся под тканью пальцы. Увидел крупинки песка, прилипшие к посиневшей, натянутой, как барабан, коже безобразно распухшей руки девушки. Открыл рот, пытаюсь одолеть охвативший его паралич.

Антон почувствовал его взгляд и поднял голову.

— Что вылупился, извращенец? — оскалился он. — Я пароль ищу!

Ира внезапно прекратила плакать и застыла, глупо приоткрыв рот.

— Хватит, — не выдержал Вова. — Это бесполезно, она наверняка тоже его сожгла.

— Я свой съел, — неуместно ухмыльнулся Кирилл.

Дима вдруг понял, что все смотрят на него, и попятился.

— Я не знаю ее пароль, — растерянно проговорил он.

— Естественно, не знаешь, — кивнул Вова.

— Тогда что...

— Нужно, чтобы ее увезли, — сказала Лера почти мягко, и до Димы наконец дошло.

Он вспомнил голос Пленского, с нажимом проговорившего: «Любые проблемы». Знал ли он, как далеко может зайти игра?

— Почему я? — спросил Дима, не слишком рассчитывая на разумный ответ.

— А кто? — удивился Кирилл.

Они вернулись в лагерь тесной, молчаливой толпой. Чужая смерть сплотила их. Пусть ненадолго и ненадежно, но сейчас они действительно были заодно — горстка людей, брошенных на необитаемый остров. Рация, соединенная тощими проводками переходника с гибкой пластиной солнечной батареи, лежала на небольшом плоском камне недалеко от костра. Днем здесь было достаточно солнечно, чтобы подзарядить аккумулятор. Но пока тени были еще по-утреннему длинные, и на черном корпусе поблескивала тонкая вуаль росы.

Дима присел, бездумно смахнул песчинки с сизой поверхности солнечных батарей. Взял в руку теплую, увесистую рацию. Тяжелая. Такой запросто можно проломить чей-нибудь череп. Цифры подмигивают с экрана: все настроено. Достаточно нажать кнопку вызова — на Кох-де-Коле оживет передатчик, настроенный на ту же частоту, и игра закончится.

Диму окружили так тесно, что, казалось, перекрыли доступ воздуха. Он чувствовал их давящее, молчаливое ожидание. Диме стало душно; запах невымытых тел становился все гуще, все невыносимее. Он смахнул со лба крупные капли пота.

— Давай, — шепотом подбодрила Ира.

Дима прикусил губу и ткнул в кнопку негнувшимся пальцем.

— Прием, — неуверенно проговорил он.

В динамике тихо затрещало. Отчетливый голос с мяукающим азиатским акцентом проговорил на английском:

— Добрый день. Ваш пароль?

— Понимаете, у нас тут форс-мажор, — выдавил Дима.

— Ваш пароль?

— Не важно, проблема не у меня. У нас...

— Извините, но...

— У нас труп! — заорал Дима, не заметив, как перешел на русский. Рация затрещала, будто возмущенная его воплем.

— Извините, мне запрещено говорить с вами просто так, — с сожалением произнес голос.

Дима обвел взглядом сгрудившихся над ним игроков и не увидел ничего, кроме плохо скрываемого нетерпения. Им плевать, что Оля погибла. Конечно, они были потрясены, но шок уже проходит. Они еще удерживают для приличия скорбные мины, но в глубине души каждый радуется удаче. Несчастный случай выбил из игры сразу двоих. Тело Оли увезут, и Дима тоже будет вынужден уехать. Он откажется от выигрыша, который практически лежит у него в кармане, просто потому, что так правильно — позаботиться об Оле в последний раз. И впервые она не отвергнет его помощь... А оставшиеся вздохнут с облегчением и примутся друг за друга. Ведь никто не виноват, что так получилось.

Дима вдруг с ужасом понял, что Пленский не мог не предусмотреть такую ситуацию — и все же допустил ее. Да он просто психопат. Что ж это за мир такой, где богатый урожай может довести нормальных людей до полной потери человеческого облика...

— Ваш пароль? — терпеливо донеслось из рации.

Дима набрал воздух в легкие и нажал на отбой. Услышал, как прошелестел над головой легкий разочарованный вздох.

— Это всего лишь тело... теперь, — хрипло сказал он.

— Ну ты и скотина, — презрительно бросил Кирилл.

— Прошу! — Дима широким жестом протянул ему рацию. — Подай мне пример.

Кирилл убрал руки за спину.

— Но мы не можем ее так оставить, — едва шевеля губами, выговорила Ира. — Что, она так и будет лежать? Мы не можем сидеть рядом с трупом! Нужно сообщить в полицию.

— Ты правильно все говоришь. Давай, вызывай. — Дима протянул ей рацию. — Ну!

— Почему я-то? — взвизгнула Ира и отступила.

— А кто тогда? Ты? Может, ты?

Его охватило сумасшедшее веселье. Он, не глядя, тыкал рацией в людей, и они шарахались от нее, как первоклашки отдохлой крысы.

— Прекрати! — крикнула Лера.

Дима осекся. Аккуратно уложил рацию на камень.

— Это всего лишь тело, — с горечью повторил он.

— И что, она так и будет там лежать? — Ира была на грани истерики. — А мы сделаем вид, что...

— Да не будет она там лежать, — оборвал ее Антон. — Через пару дней доедут.

Ира прижала ладонь ко рту и уставилась на него круглыми глазами.

— Не будет она там лежать, — повторил, как эхо, Дима.

Он обвел глазами парней. Вова поморщился, коротко кивнул.

— Лопат нам, как ни странно, не выдали, — сказал он, и у Леры вырвался сухой истерический смешок. — Попробуем обойтись этим...

Он сунул в карман два складных ножа и кинул Диме несколько пустых жестянок. Банки врезались в живот; Дима неловко прижал их рукой, и по футболке расплылись жирные пятна. Вова бросил на него презрительный взгляд. «Он знал, что я ничего не скажу, — понял Дима. — Знал, что не захочу выйти из игры ради нее». Вова подхватил одну из бутылок с водой.

— Это Олина, — проговорил Дима, сам не зная зачем.

— Ей уже не нужно. А нам понадобится. Копать по такой жаре — не шутка.

— Тогда надо еще соль, — пробормотал Дима.

— Пойдем, — коротко бросил Вова, когда он наполнил спичечный коробок. — Пока еще можно обойтись без противогазов.

Из консервных банок они соорудили подобия жестяных совков, малопригодных даже для того, чтобы копать мягкий песок, и провозились несколько часов. Возвращаться пришлось в самую жару, под палящим солнцем. Вода была давно выпита; песок раскалило настолько, что ступать на него стало просто невозможно — ноги обжигало, как на сковороде. В конце концов они плюнули на риск и побрели вдоль края джунглей, опасливо наступая на способную замаскировать все, что угодно, лесную подстилку.

Изрезанные жестью руки ныли, но сейчас Дима был почти рад этой боли: она стирала воспоминания о податливой, все еще теплой коже трупа. Они тащили Олю вдвоем, ухватив за руки и за ноги, и Дима все время боялся, что если сожмет слишком сильно — плоть расползется прямо под его пальцами. Руки соскальзывали, и он то и дело ронял труп, провоцируя все новые и новые потоки мата, извергаемого Вовой.

Они совершенно измучались, но все-таки дотащили тело до скал. Остановились только на песчаном пятачке рядом с мангровыми зарослями, том самом, на котором Дима когда-то, тысячи лет назад, собирался отсиживать вместе с Олей. Это место почему-то казалось самым подходящим. Надежным. Подступающие с двух сторон камни внушали иррациональную уверенность в том, что здесь тело будет сохраннее... О том, что произойдет с захороненным прямо в песке трупом буквально за пару суток, оба старались не думать. Лишь на секунду Дима позволил себе трусливую радость: как только к острову придет лодка, о случившемся узнают в полиции, и это станет уже не их проблемой...

Вернувшись в лагерь, они обессиленно рухнули на песок. Дима тут же провалился в вязкую, полубредовую дремоту. Перед глазамиплыли красные, полупрозрачные, как желе, ленты, и Дима никак не мог понять — то ли это змеи, то ли щупальца

кальмара. Они несли с собой влажный, мертвящий холод. Дима охватил себя руками, трясаясь в ознобе. Что-то защекотало ступню; он приоткрыл глаза и увидел, как на него наползает копошащийся поток призрачных раков-отшельников. Дима слабо вскрикнул, страхивая невидимых тварей, и пришел в себя.

Череп будто набили мокрой горячей ватой, и голова болела так, что от любого движения начинало тошнить. Понадобилось невероятное усилие мысли, чтобы сообразить: надо срочно сбить температуру, пока не стало еще хуже. Пошатываясь, Дима зашел по колено в воду, лег полудохлым тюленем на дно, окунул голову. Никакого толку. Вода прогрелась настолько, что почти обжигает. Может, подальше от берега она прохладней, но плыть нет сил. Да еще и в течение можно попасть и не выбраться.

Дима обвязал голову мокрой банданой и вернулся в тень. Все, что ему нужно, — аспирин и вода, а еще лучше — чай, много остывшего сладкого чаю с лимоном... Дима отхлебнул из стремительно пустеющей бутылки и вдруг вспомнил, что где-то в куче снаряжения лежит аптечка. Уж что-нибудь жаропонижающее там должно найтись. Он покосился на Вову: то ли спит, то ли отключился. Надо будет и его заставить проглотить пару таблеток.

Мешок с лекарствами отыскался под деревом неподалеку от костра. Дима вытряхнул коробочки и пузырьки на песок. На дне пакета осталось что-то еще, нечто крупное и увесистое, едва влезшее в мешок. Раздирая ногтями пластик, Дима выскреб из пакета тяжелый пенопластовый короб. Стоило открыть его, и в лицо дохнуло холодом, идущим от ярко-синих пакетов технического льда. Дима равнодушно взял один, прижал к горящему лбу. Мимолетно порадовавшись неожиданной прохладе, он с ленивым любопытством разгреб верхний слой пакетов.

Когда он понял, что крылось в холодильнике, кровь ударила ему в лицо, и крупно затряслись руки. Перед ним лежала

дамская сумочка из плотной материи в бежевую с красным клетку. Дурацкая сумка-сундучок, так глупо выглядящая на плече у крупного костлявого мужчины, когда-то дорогая, а теперь — потертая и засаленная. Дима сглотнул болезненный комок, подкативший к горлу. Он хотел бы запрятать эту сумку обратно в пакет, зарыть в кусты, забыть о ее существовании, никогда не узнать, что находится внутри, — но руки сами потянули за язычок молнии. Дима, как замороженный, откинул крышку. Он уже знал, что увидит внутри.

Догадка оказалась верной. Перед ним насмешливо блеснули ряды ампул. На каждой — впопыхах приклеенный ярлычок с названием змеи. Отдельно — пачка одноразовых шприцев. Отдельно — еще какие-то пузырьки и таблетки... Лист бумаги, исписанный торопливым, но аккуратным почерком. Дима развернул его и, не понимая, что делает, начал читать. Инструкции были лаконичные, но подробные, абсолютно четкие, учитывающие любой случай. Дозы — в зависимости от веса, тяжести состояния, места укуса. Способы применения. Признаки, позволяющие определить вид напавшей змеи, даже если ее не успели рассмотреть...

Дима с болезненным вниманием дочитал инструкции, вытаскивал ампулу с надписью «крайт», все еще не понимая, что собирается делать. Ты бы не успел... Никто не виноват... Всего лишь стекляшка с несколькими миллилитрами мутноватой жидкости — и то, что казалось покорным принятием несчастливой судьбы, вдруг обернулось ложью. Жалкими, трусливыми оправданиями.

Кто-то неслышно подошел сзади, на ампулу упала тень. Дима вздрогнул от неожиданности, но оборачиваться не стал.

— Что там у тебя?

Он узнал голос Антона и медленно сжал хрупкую стекляшку в кулаке. Под черепом будто разливалась багровая жижa. Дима

опустил голову, из последних сил сдерживая требующую выхода ярость. Антон заглянул через плечо, негромко присвистнул.

— Дай-ка посмотреть, — сказал он и потянулся к холодильнику.

— Я мог ее спасти, — проговорил Дима, не чувствуя губ, и поднялся. — Мог успеть. Вы убили ее. Вы ее убили.

Перед глазами было черным-черно, но ему не нужно было ничего видеть — он чувствовал Антона, чуял исходящие от него нездоровое тепло и вонь пота. Горло Антона успело порастить колючей щетиной. Оно было липким и влажным. Мягким. Краем сознания Дима слышал глухой, будто из-за тысячи километров долетевший визг и с наслаждением вдавил пальцы в податливую плоть.

Что-то мокрое и очень холодное давило на лоб и грудь, мягко прилегало к шее. На одну ужасающе длинную секунду Диме показалось, что кальмар из его кошмара все-таки прорвался в реальность и обвил его скользкими щупальцами. Дима резко сел, и на колени ему посыпались пакеты с ледяным синим желе. Перед глазами замаячили заботливые, слегка испуганные лица девушек. Дима сложил пакеты в аккуратную стопку.

— Положите обратно, — сказал он, — сыворотки испортятся. Мало ли...

— Конечно, — покладисто кивнула Ира, забрала лед, сунула кому-то сбоку. — Полегчало?

Лера протянула ему таблетку, и Дима покорно закинул ее в рот.

— Прожуй, — посоветовала Лера. — Быстрее подействует.

Дима послушался. Кислая горечь аспирина показалась удивительно приятной. Он жадно запил ее водой, поданной Ирой. Ноющая боль в затылке притихла, мысли прояснились.

— Что это вы такие добрые? — с подозрением спросил он.

— У тебя, скорее всего, тепловой удар, — мягко сказала Ира. — Температура. Бред. Паранойя, ты Антона чуть не задушил, Кириллу пришлось тебя оглушить... Тебе в больницу надо, пока не поздно.

Ну вот, началось. Дима подавил усмешку. Антон сидел неподалеку — взъерошенный, злой, как черт. На его шее багровели свежие синяки. Дима с отвращением вспомнил, как этот человек деловито обыскивал Олю, и испуганно сунул руку в карман. Фигурка кальмара была на месте.

— Да я нормально себя чувствую, — сказал он.

— Дима, — Лера притронулась к его плечу. Вид у нее был на редкость серьезен. — Ты сейчас не в себе. У тебя был сильный стресс, да еще и перегрев... Ты не можешь сейчас адекватно оценивать ситуацию. Поверь, так будет лучше. Не стоит рисковать здоровьем ради работы.

Дима прищурился. Интересно, что еще она скажет? Забавно наблюдать за такими грубыми уловками, но смеяться прямо в лицо пока не стоит. Пусть себе стараются.

— Ты сейчас сам себе опасен, — подпела Ира.

— Еще одну могилу я копать не собираюсь, — буркнул Вова.

Ну да, все в сборе. Объединились на время, чтобы избавиться от того, кто кажется им самым слабым звеном.

— Подумай, Дима, ты в таком состоянии мог броситься на кого угодно, даже на Олю, — снова заговорила Лера. — Я знаю, тебе кажется, что ты в полном порядке, но ты же умный человек, ты должен понимать, что бывают обстоятельства, в которых мы не владем собой. Это не твоя вина, тут нечего стыдиться, но ты должен что-то с этим сделать. Просто безответственно поступать иначе.

Дима кивнул. Да, на такое он бы повелся. Вчера.

— Но если вы считаете, что я опасен, — проговорил Дима, — может, стоит попросить, чтобы вас избавили от ужасного психа?

Логичное же предложение. Ожидая ответа, Дима даже почувствовал легкий азарт.

— Мы рассчитываем, что ты сделаешь это сам, — строго сказала Лера. — Хотя бы просто из порядочности.

Дима улыбнулся широко, как только мог, и с удовольствием увидел, как вытягиваются лица девушек.

— Ну-ка отойди, — прорычал Кирилл, отстраняя Леру. — Лыбится еще... Я сам с ним поговорю.

— Внимательно слушаю, — ответил Дима. Скулы начинали ныть от непривычного напряжения, но он все удерживал похожую на оскал улыбку.

— Ты, урод, сейчас возьмешь рацию и попросишься к маме, — проговорил Кирилл.

— Нет.

— Тогда я тебя излуплю в мясо, и все подтвердят, что это была самооборона.

Дима кивнул.

— Да, это могло бы сработать, — сказал он. — Если бы вы могли доверять друг другу. Но увы. Если ты меня серьезно избьешь, я, может, и попрошусь к маме. Только ты уедешь вместе со мной. Они же тебя и сдадут. Избавятся от двоих разом, очень удобно.

— Урод, — хрипло вздохнул Антон.

— Мы все здесь уроды, — примирительным тоном ответил Дима. — Как ты там, Лера, сказала? Бывают обстоятельства...

От него отступили, и Дима наконец позволил себе расслабить лицо. Потер затекшие щеки. Они, похоже, уверены, что смерть Оли сойдет им с рук. Он обязан выиграть ради нее. Ради справедливости, в которую она так верила. Дима притронулся сквозь ткань к кальмару и вытер лоб. Какой неподвижный, загуственный воздух. Все липкое, влажное, все раздражает до невозможности. Но срывать и терять голову больше нельзя. У него

нет права на слабости. Он должен не просто победить, но проделать это безупречно, чтобы у Пленского не нашлось ни малейшей причины избавиться от него. Подлецы не должны получать награду за свою подлость, и он не позволит этому случиться.

Тихо подошел Антон, посмотрел на него сверху вниз, кривя рот. Дима знал этот взгляд, гневную и в то же время тревожную мину человека, не способного выйти за свои рамки и понять, что кто-то может мыслить и жить иначе, чем он.

— Ну что еще? — устало спросил Дима.

— Если ты опять начнешь кидаться на людей, — медленно проговорил Антон, — если тронешь меня или кого-нибудь другого хоть пальцем, я тебя лично замочу, и все подтвердят, что это была самооборона.

— Если...

— Заткнись. Подтвердят. Не сейчас — на суде. Из игры я вылету, ну и фиг с ним, переживу. Но ты свое получишь, ясно?

— Я не буду кидаться, — ответил Дима и снова широко улыбнулся. — Все нормально.

Кох-де-Коль, казалось, испуганно замер посреди неподвижного, свинцового моря. Грохот и перестук стройки, обычно слышный уже на подходе к острову, затих — лишь раздавались откуда-то редкие удары молотка и тут же глохли, как в вате. Даже неугомонные гиббоны скрылись с глаз, спрятались в глубине замершей в ожидании листвы, придавленные духотой. Николай прошел мимо пары рабочих, без аппетита ковыряющих в лотках с едой, и неторопливо поднялся на крышу отеля. Под навесом импровизированной радиорубки в плетеном кресле раскинулся Пленский.

— Вот, решил сам послушать, — ухмыльнулся он.

— Сегодня был вызов, — сказал Николай. — Дежурный ничего не понял.

— Знаю, — кивнул Пленский. — Пароль не назвали. Значит, еще не припекло.

— На сколько рассчитаны припасы?

— А что?

— Вторые сутки пошли...

— Скоро запросятся к мамочке, не волнуйся...

Будто в ответ, затрещала рация. Пленский и Николай повернули головы, прислушиваясь. Нет, ничего, просто случайные помехи.

— Могут и не запроситься, — заметил Николай.

— За дурака меня держишь? — набычился Пленский. — У меня все рассчитано.

Николай незаметно вздохнул. «У меня все рассчитано» на языке Пленского означало, что он уперся рогом и никаких аргументов слушать не будет. Сам этот отель, чудом держащийся на изъеденном волнами острове, — результат таких расчетов. В зелени за окном мелькнула тень — угольно-черный гиббон неловко перепрыгнул на соседнее дерево и растерянно ухнул. Скоро его придется отлавливать и отселять — ради безопасности двух самочек и будущих постояльцев. И лучше бы сделать это прямо сейчас, пока Джок не заматерел, но... У Пленского все рассчитано.

Снова затрещали динамики.

— Гроза идет, — заметил Николай.

— Отлично, — одобрил Пленский, будто шторм вызвал лично Николай по его указу. — Скоро запросятся. Помнишь этого ботана? С такой рожей, будто он тут самый умный и ему больше всех надо?

— По-моему, ему как раз меньше всех надо, — заметил Николай. Парня он запомнил хорошо — тот держался в стороне и явно выделялся на общем фоне, совершенно не вписываясь в блестящую компанию будущих хозяев жизни. Николай тогда мимолетно удивился — как он вообще прошел отбор?

— Больше, меньше — это с какой стороны посмотреть, — буркнул Пленский. — Выпендривается много, типа весь в белом. Он-то первым и сольется.

— Скорее уж девушки, — заметил Николай, — они явно в поле ни разу в жизни не были, странно, что до сих пор держатся.

— Девки железные, — отрезал Пленский, — они, может, от крысы на табуретку залезут и будут визжать, пока не охрипнут, но ради карьеры по головам пойдут, я тебе отвечаю. Из гордости будут держаться, они же все феминистки недоделанные, парням уступить не смогут из упрямства. А этот скажет — ах, я выше этого, по головам идти не хочу. Интеллигент паршивый. Для того и взял.

— Не понял...

— Про баранов-provокаторов слышал? — скупой улыбнулся Пленский. — Достаточно свалить одному, и остальные тоже потянутся.

— А кто не потянется? Если кто-нибудь упрется? Сколько вы будете ждать?

— Пока не останется один.

— Вы понимаете, что это может быть опасно?

Глаза у Пленского были бесцветные, белесые. Мертвые.

— А мне не нужен тот, кто боится опасностей. И кто смерти боится — тоже не нужен. Я благотворительность для сопляков разводить не собираюсь.

ГЛАВА 8

ЗЛЫЕ ДУХИ КОХ-НАГА

Шторм обрушился на Кох-Наг вместе с вечерней тьмой, резкий, как взрыв, и такой же оглушительный. Волны с пушечным грохотом ударились о берег. Молния расколола небо пополам, призрачный свет залил пляж. Рокот грома раскатился над островом, такой густой и мощный, что Дима ощутил его всем телом. Еще одна молния зазмеилась, впилась в горизонт ослепительными щупальцами. Резко запахло озоном, и из разорванных полотнищ туч хлынул ливень.

Дима инстинктивно отступил под дерево — но это помогло лишь на пару минут. Вскоре с листьев закапало, а потом — и во все полило. Вместе с каплями дождя на Диму посыпался мелкий древесный мусор, какие-то чешуйки, полудохлые, но все еще способные кусаться муравьи. Раздраженно отряхиваясь, он выбрался из укрытия под молотящие струи тропического ливня. В лагере уже поднялась какая-то возня — за потоками дождя Дима едва различал силуэты людей. Какое-то время он стоял под дождем в одних плавках, наслаждаясь пресной водой, смывающей с усталой кожи соль и грязь.

Весь остаток дня Дима провел в тени рядом со своим гамаком, то проваливаясь в болезненную дремоту, то пытаясь выстроить четкий план действий. Нежданный душ оживил его, но грохот и вой шторма, перемешавшего воду и воздух в единую

ревущую стихию, выбивал из головы всякое подобие мыслей. Оглушенный, движимый лишь смутной необходимостью действовать, Дима направился к лагерю. Гамак, конечно, промокнет, но это не беда, ничего ему не сделается. А вот продукты могут испортиться, и, главное, спички, они вспомнили о спичках? Коробки упакованы из рук вон плохо...

Спохватившись, Дима бросил взгляд на камень, где со вчерашнего дня лежала рация, и тут же понял, что размокшие продукты — не самое неприятное из того, что может случиться. Сиамский залив, еще недавно казавшийся таким безобидным, будто взбесился, и волны захлестывали все дальше на берег, трамбовали пляж. Вокруг камня вскипала пена. Еще немного — и батареи оторвет и утащит в море, а рацию зароет в песок так, что никто не сумеет ее найти. На мгновение Диму охватило огромное искушение. Стоит промолчать, отвернуться — и все они окажутся так же беспомощны, как Оля. Он может лишить их самой возможности сдаться, выйти из игры, заставить испытать все последствия своего выбора... Может, тогда они поймут и наконец-то пожалеют о том, что натворили.

На камень покатила новая волна, и Дима вдруг понял, что не успевает. Он закричал, пытаясь привлечь внимание оказавшегося рядом с камнем Антона. Ему бы обернуться и протянуть руку — и рация будет спасена, но он стоял спиной к морю и не видел, как закручивается, обрастает пеной вал, как нависает над рацией черная стеклянная масса воды. Дима снова заорал во все горло, но никто не услышал его за ревом шторма. Волна обрушилась на берег, Антон шарахнулся, сбитый с ног ударом, и драгоценный прибор поволокло прочь. Едва осознавая, что делает, Дима изо всех сил сжал фигурку калмара.

Сознание, уже успевшее привыкнуть к перемещениям, будто раздвоилось. Дима понимал, что стоит столбом посреди пляжа,

сжимая в кулаке ледяной металл, и в то же время находился в теле Антона. Разбивая чужие колени, он грудью бросился на камень, протянул руки туда, где только что мелькнула светлая тень — рация сразу камнем ушла на дно, но плоские солнечные батареи еще крутило и бросало в воде. Что-то гладкое попало в руку — он радостно вскрикнул и тут же с разочарованным стоном отбросил драный пластиковый мешок. Над ним стеной нависла новая волна, вся в светлых хлопьях пены, кипящая, перемалывающая мусор, готовая переломать его и утащить прочь, но тут пальцы сомкнулись на рации. Антон с торжествующим воплем отшатнулся. На голову обрушились тонны воды, его перевернуло набок, путая руки и ноги, но он уже успел отползти достаточно далеко, и море, разочарованно шипя, отступило, так и не получив свою добычу.

Маленький острый кулачок ткнулся Диме в ребра, и он тут же пришел в себя.

— Что ты стоишь, как пень! — проорала Ира, перекрикивая грохот шторма.

«Для тебе же стараюсь, дура!» — чуть не огрызнулся Дима, но вовремя осекся. Еще не хватало раскрыть свой главный секрет ради глупого хвастовства. Все благодарности достанутся Антону. Тот уже выбрался на берег и очумело вертел головой, прижимая спасенную рацию к груди. Сейчас поймет, что произошло, и вообразит себя героем...

Откуда-то из-за деревьев выскочил Кирилл, схватил пару мешков и поволок их в укрытие. Вова торопливо обрезал верхушки пустых бутылок, швырял их Лере, и та металась из стороны в сторону, расставляя их под деревьями в тех местах, где с веток стекали особенно мощные струи воды. Дима вытер залитое водой лицо, не удержался, слизнул капли с ладони и внешне сообразил, что надо делать. Подхватив несколько пустых пакетов, он пихнул Иру в бок, кивнул на мокрый песок,

превращенный тяжелыми дождевыми каплями в подобие желтоватого кружева.

Действовать надо было быстро; Дима помнил, что такие тропические ливни не бывают долгими. К счастью, Ира сразу поняла, что к чему. Вскоре полосу песка, недостижимую для шторма, покрыли мелкие широкие ямки, застеленные пластиком. Вместе с водой в них несло песок и мусор, но это было не важно: песок осядет, мусор можно отцедить, а вода, чудесная, прохладная, пресная вода — останется...

Все емкости были выставлены, все, что могло промокнуть, — спрятано. Вшестером они забились под нависающий над пляжем ствол индийского миндаля — предварительно истыкав палками всю листву на десяток метров вокруг. Змей под деревом не оказалось — только перепуганная насмерть крошечная мышь, тут же удравшая в кусты. Сидеть здесь было тесно, и сильно пахло прелыми листьями и мокрой несвежей одеждой, но ствол давал хоть какую-то защиту. Из смертельных врагов они снова превратились в кучку студентов, вынужденных спастись от взбесившейся стихии. Разговаривать было невозможно, и они лишь молча улыбались друг другу: вот это круто! Будет о чем рассказать! В широких улыбках крылся испуг. Это казалось невозможным — но ливень стал еще сильнее; отдельные капли превратились в сплошные потоки воды, грозившие утопить каждого, кто рискнет под них сунуться. Молнии били все чаще, и их вспышки совпадали с ударами грома — гроза неслась над самым островом.

Над лагерем разлилось безжизненное лиловое сияние; вместо грома слышался какой-то жуткий электрический треск, будто обезумевший гигант рвал полотно рядом с исполинским микрофоном. В мертвом свете молнии Дима увидел раскрытый в вопле рот Иры. Вцепившись ногтями в плечо Вовы, в ужасе

выпучив глаза, она указывала пальцем куда-то в заросли. Молния погасла; перед глазами Димы поплыли зеленые круги, и он изо всех сил зажмурился, пытаясь восстановить зрение. Вова заворочался, пытаясь высвободить руку. Как сквозь вату, слышался плач и истерические вскрики девушки.

Фонарики, к счастью, работали. Сразу четыре луча ударили туда, куда тыкала пальцем Ира. Толку от этого было немного: они осветили лишь сверкающую, как драгоценные камни, занавесь воды. Фонари сейчас больше мешали. Дима, широко раскрыв глаза, до боли всматривался в кусок тьмы, прячущий то, что так напугало Иру. Бесполезно... Но новая молния не заставила себя ждать. В ее свете все показалось неестественно четким; Дима подался вперед, пытаясь понять, в чем дело.

Он почувствовал, как резко вдохнул и окаменел сидящий рядом Антон, и тут же увидел сам. Его охватила томительная слабость. Мир снова погрузился в чернильную тьму, но теперь он знал, что она скрывает, и не мог забыть, что увидел в те секунды, когда молния осветила джунгли. Белесые, злобно кривляющиеся лица стояли перед его глазами, как черно-белые фотографии. Лица существ, которые когда-то были людьми...

Он не знал, сколько просидел так, пялясь в кошмарную тьму, наполненную бледными тенями. Рядом пошевелились; тусклый желтоватый луч фонарика выхватил напряженные фигуры и лица сбившихся под деревом студентов. Вова сердито потер темные кровоподтеки, оставленные Ириными ногтями, и дотронулся до плеча девушки.

— Да успокойся ты! Мало ли что почудится!

Его голос звучал, как сквозь вату. Только теперь Дима понял, что он слегка оглох. Но грохот шторма уже превратился в шум обычного прибоя, а дождь и вовсе сошел на нет. Дима потер уши в бессмысленной надежде побыстрее восстановить слух. Он уже

различал глухие всхлипывания Иры. Девушка монотонно качала головой и слабо отбрасывала руку Вовы, все норовившего похлопать ее по плечу. Внезапно она вскрикнула и, отпихнув его в сторону, перегнулась через Диму. Прикосновение ее теплой груди на мгновение вогнало в ступор; Дима судорожно пытался сообразить: почему это? Зачем? Но тут же выяснилось, что он был для нее лишь неодушевленным препятствием. Ира рвалась к Антону.

— Дай сюда! — просипела она, слепо шаря руками.

— Ты чего? — не понял Антон.

— Дай сюда! У тебя же! — вскрикивала Ира. — Не могу больше!

— Дай ей рацию, тормоз, — вмешался Вова.

Антон торопливо вытащил передатчик, и Ира выдернула его из рук так резко, что едва не упала на спину.

— На что жать? — взвизгнула она.

Вова попытался вынуть рацию из рук девушки, но та вцепилась в нее, как утопающий в спасательный круг.

— А она работает вообще? — спросил Кирилл. Вид у него был совершенно пришибленный.

— Непромокаемая она, — бросил Вова и нажал на кнопку вызова.

Ира сжала рацию обеими руками, как ребенок — коробку конфет. Затрещали динамики, и по лицу девушки скользнула счастливая полубезумная улыбка.

— Алло! — крикнула она. — Алло! Прием!

Рация бессмысленно трещала.

— Не работает, — прошептала Ира и побелела. — Сломалась.

Она выпустила рацию из рук и, не сводя с нее взгляда, в ужасе прикусила костяшки пальцев.

— Так, успокойся, — заговорил Вова. — Успокойся, хорошо?

Ира бросила на него загнанный взгляд и покачала головой.

— Не работает же.

— Потерпи полчаса, хорошо? Ну, может, час. Просто успокойся и потерпи. Это всего лишь помехи от грозы. Расслабься, часов через пять будешь уже в городе.

— Нет, — прошептала Ира. — Это они.

— Кто — они?

— Злые духи. Это они. Сначала Ольку... Теперь — меня.

Никто не нашел, что ей ответить.

В который раз за последние десять минут отвратительно затрещали помехи, и Антон не выдержал.

— Угомонись уже, а? — раздраженно прикрикнул он. — Батарею же посадишь.

Ира мелко закивала, обхватила себя руками, не выпуская рацию. Она все еще всхлипывала и дрожала, бессмысленно жалась к залитому водой кострищу, не смея повернуться спиной к джунглям. Смотреть на нее было невозможно. Чтобы отвлечься, Дима принялся разгребать костер в надежде добраться до сухих углей. Хотелось живого, доброго огня. Он верил, что искаженные злобой лица, глядящие на них из джунглей, — всего лишь иллюзия. Но сидеть в темноте было как-то неудобно. Да и гамаки просушить не мешало бы...

Ира снова импульсивно ткнула в кнопку вызова.

— Дай сюда, — прорычала Лера и попыталась выдернуть рацию из ее рук, но Ира только крепче сжала ладонь и громко всхлипнула.

— Выпей валерьянки, раз такая нервная, — пробормотал Кирилл. Ира взглянула на него расширившимися глазами.

— Спасибо, — пробормотала она и бросилась к аптечке.

— Вот кто тебя за язык тянул, — прошипел Антон. — Пусть бы истерила, быстрее бы убралась отсюда.

Дима последний раз бережно дунул на угли и выпрямился. Тусклый огонек побежал по обрывкам бумаги. Тонкие веточки

шипели и исходили паром, грозя погасить слабое пламя, но постепенно тоже занимались огнем. Дима аккуратно подсунул сбоку пару веток потолще, чтоб подсыхали, и обернулся к Антону.

— А как твои колени? — спросил он. — Я видел, как ты прыгнул... круто.

Тот, скривившись, включил фонарик и принялся рассматривать глубокие ссадины.

— В упор не помню, как упал, — с мрачным недоумением пробормотал он. — Вообще не помню, как вытаскивал, видно, рефлексы сработали.

— И откуда у тебя такие рефлексы? — с сомнением спросил Вова. Антон отмахнулся.

— Ради вас старался, — сказал он, глумливо глядя на Леру. — Мне-то ни к чему...

Та молча закатила глаза.

— Вообще-то может и тебе понадобится, — тихо проговорил Кирилл, косясь на ссадины.

— Да, выглядит скверно, — подхватила Лера.

— Уж ты-то точно не дождешься, — буркнул Антон.

Дима отвернулся, пряча улыбку. Посмотрим, что Антон запоем утром, когда схлынет адреналин, а разбитые о камень суставы распухнут и откажутся работать. Похоже, уже завтра они останутся на острове вчетвером, довольно подумал он, прислушиваясь к нервным всхлипываниям Иры. Еще немного — и все будет хорошо.

Никакого намека на транквилизаторы в аптечке, конечно, не нашлось: Пленский явно считал, что справляться со стрессом они должны без помощи химии. В конце концов Ира откопала лекарство от аллергии и съела сразу несколько таблеток. Теперь она, сраженная побочным эффектом, тихонько похрапывала, раскинувшись прямо на мокром песке.

Лера осторожно вынула из ее ослабевшей руки рацию, стряхнула налипший на влажный корпус песок.

— Что вы там о батарее говорили? — негромко спросила она.

— Солнечным батареям кранты, — ответил Вова. — На купание они не рассчитаны. А рация ничего, хорошо изолирована. Аккумулятор мощный... В режиме ожидания должен еще пару суток протянуть.

— Ну и отлично, все равно к нам приедут раньше, — беспечно махнул рукой Кирилл.

— Ты уверен?

— Не могут же они оставить нас без воды.

«Давайте, надейтесь, — мысленно усмехнулся Дима. — Оля тоже надеялась...» Хорошо бы Димины догадки оказались верны, и выяснилось бы, что Пленский вовсе не собирался упрощать им жизнь. Дима не мог признаваться себе, но в глубине души смутно желал: пусть соперникам придется по-настоящему плохо перед тем, как они сдадутся...

Кирилл мялся. Как и всех, его тревожило кое-что еще, кроме воды, и, как и все, он не решался заговорить об этом первым. Кирилл покосился на спящую Иру — та всхрапнула, подсунула ладонь под щеку.

— А вот насчет тех рож в джунглях, — выдавил наконец он.

— Ну? — резко обернулся Антон.

— Что это было, как думаете?

— Может быть, злые духи, — тихо ответила Лера.

— Нет, я серьезно. — Кирилл нервно усмехнулся. — Я к тому, что если оно правда... ну, это может оказаться поважнее игры...

Под пристальными взглядами Кирилл покраснел и умолк.

— А сам-то как думаешь? — спросила Лера дрогнувшим шепотком.

— Приглючилось, конечно, — делано улыбнулся Кирилл.

— Что, всем сразу?

— Там, наверное, листья какие-нибудь светлые или стволы. Надо бы посмотреть. Днем, конечно...

— Посмотри, — сочувственно кивнул Вова. — Версия с галлюцинацией, конечно, утешительная.

— Да я ж серьезно...

Кирилл окончательно увял и подвинулся поближе к огню. Дима обвел взглядом напряженные лица. Никто из них, конечно, не собирался верить в сказки о злых духах. Но каждый бы обрадовался, если бы поверили соперники. В таких обстоятельствах обсуждать увиденное всерьез не получится. Если на острове скрывается кто-то еще, то каждый, кто это обнаружит, попытается сохранить секрет от других и использовать его в своих целях. Кто-то еще... или что-то. Может быть, чудесная фигурка кальмара — лишь часть происходящего на Кох-Наге? Нет, уже совсем мистика какая-то, решил Дима. Не стоит об этом задумываться. Работает — не трогай...

Дима проснулся на рассвете. Вокруг еще спали — в чудовищно неудобных позах, кое-как прислонившись к бревнам или свернувшись в клубок прямо на песке. Никто так и не решился накануне отойти от костра — как игроки ни храбрились, кошмарные лица, выхваченные светом молнии, так и не удалось выбросить из головы.

Дима потер онемевшую щеку, на которой глубоко отпечаталась неровная поверхность бревна. Шторм принес с материка всякую дрянь, раскидал по берегу мусор. У камня сбились в кучу драные пакеты. Пустые пластиковые бутылки, пенопластовые поплавки, какие-то веревки, обросший мелкими ракушками одинокий сланец сорок последнего размера... Даже в ветках слегка качались на ветру обрывки пластика. Дима новыми

глазами взглянул на первозданный в своей дикости пляж. Похоже, этот райский уголок регулярно вычищали от подарков цивилизации.

Неподалеку потягивалась и терла глаза Ира. Дима шепотом, чтобы никого не разбудить, окликнул ее. Девушка оборвала наметившийся зевок и уставилась на него со смесью удивления и негодования.

— Рация вон там, — шепнул Дима и махнул рукой на вмятину на древесном комле, в которой Лера пристроила передатчик.

— И что? — хрипло прошептала в ответ Ира.

— Ты же вчера хотела...

Ира едва заметно поежилась, но продолжала смотреть на него, как на заговорившую вдруг тумбочку. Шторм прошел, унес временно объединившие их страхи, и при свете дня Дима снова превратился в ее глазах в неприятного, слегка пугающего, но, в общем-то, довольно жалкого психа.

— Ты вчера хотела уехать, — повторил Дима, уже понимая, что момент упущен.

— Ага, разбежалась, — буркнула Ира.

Больше не обращая на него внимания, все еще потягиваясь и зевая, она побрела к воде. Сняла на ходу футболку, сбросила у самого берега шорты. Брезгливо отпихнула ногой качающийся на мелководе прозрачный пакет. Признаться, и она нравилась Диме намного больше вчера, когда была напугана до полусмерти. Вчера она походила на живого человека — а сегодня превратилась обратно в красивую, идеально функциональную машину. Вон как гребет...

Он вспомнил, что именно Ира первая соврала о том, что Оля вернулась в лагерь, и его охватил гнев. Как она может так откровенно наслаждаться жизнью, зная, что убила человека? Или... Дима вспомнил вчерашнюю истерику. Может, у нее все-таки есть совесть и она испугалась именно потому, что чувствовала

вину. Увидела не просто чьи-то белесые тени, а призрак погибшей Оли. И вообразила, что приходили за ней...

Какое-то время Дима бессмысленно следил за мерными взмахами загорелых рук. Идея пришла в голову так неожиданно, что он тихо рассмеялся, едва не потирая руки. Заняться с помощью кальмара тело, оставить на нем какие-нибудь следы. А потом смутными подсказками и намеками заставить заполнить провал в памяти чем-нибудь по-настоящему жутким. Заставить думать, что Оля, превратившаяся после смерти в злого духа, пытается отомстить за себя. Еще одного столкновения с необъяснимым Ира не выдержит. Он не просто уберет ее с острова — но и накажет. Заставит горько раскаиваться в том, что она натворила...

Дима снова прислонился к бревну, притворяясь на всякий случай спящим, и прикоснулся к кальмару.

Сознание раздвоилось. Он чувствовал твердость песка под собой, неприятное щекотание — похоже, на ногу заполз муравей и теперь путешествовал вверх и вниз по голени. И в то же время Дима плыл, легко рассекая теплую воду, мягко струящуюся по гладкой коже. Он почти жалел о том, что придется попортить эту лощеную шкурку — конечно, совсем немного, ровно настолько, чтобы не оставить почвы для сомнений. Какое-то время Дима продолжал плыть вдоль берега, безотчетно наслаждаясь силой и легкостью тренированного тела, и размышлял на ходу. Мелких царапин будет достаточно — он не псих, что бы о нем ни думали. Главное — сделать так, чтобы их нельзя было списать на случайность. Выцарапать череп с костями? Дима ухмыльнулся. Детский сад, конечно, но направление мысли, наверное, правильное. Сымитировать загадочные кхмерские письмена? Уже лучше, но их могут не распознать. Нужно что-то однозначное...

Имя. Дима даже притормозил, представив, как Ира придет в себя на берегу, с порезами на руке, отчетливо складывающимися

в имя убитой. Отлично. Пожалуй, и намекать ни на что не придется. Если после этого Ира не сбежит с Кох-Нага... Но она сбежит. И никогда в жизни не забудет свою маленькую безобидную ложь.

Она уже плыла над полосой кораллов — очень кстати. Ира нырнула; гибкая спина послушно изогнулась, ноги с силой оттолкнулись от воды. Широко раскрыла глаза, поморщилась, когда их слегка зашипало. Все казалось расплывчатым, будто она нацепила чужие очки, но рассмотреть крупные детали все-таки было можно. Радужные пятна, метнувшиеся прочь, — очевидно, стая рыбешек. Колышущиеся ленты водорослей. А вот среди переплетения хрупких бурых веточек мелькнуло что-то отдельное, весьма подходящее на вид — продолговатое, с острым, слегка закрученным краем.

Предмет оказался раковиной в форме конуса, с пол-ладони размером. Она настолько обросла скользкой, зеленовато-бурой тиной, что незамысловатый узор, темные пятнышки на светлом фоне, едва угадывался. Сжимая раковину в кулаке, Ира отплыла чуть в сторону — Диме не хотелось случайно задеть ногами кораллы, пока она будет возиться. Хватит с Иры исцарапанной руки, незачем ей обдирать еще и ступни.

Коралловые заросли сменились чистым белым песком, и Дима остановился. Прозрачная вода скрадывала глубину — казалось, дно совсем близко, но, как Дима ни старался, дотянуться до него и встать на ноги он не смог. Ближе к берегу подплывать не хотелось: в лагере уже зашевелились, и кто-то со зрением поострее мог заметить, что он... то есть, конечно, Ира, — делает что-то странное. Дима-то безмятежно дремлет у потухшего костра, у всех на виду...

До чего же странно, подумал Дима, вытягивая перед собой золотисто-коричневую, тонкую и в то же время какую-то округлую, плавными линиями очерченную руку. Узкая серебряная

цепочка на запястье... До чего же странно. Он поудобнее перехватил раковину и, повернув острой кромкой к себе, медленно поднес ее к плечу.

Он думал, что все будет просто, но полоснуть себя по руке оказалось не так уж легко — даже зная, что на самом деле это не он. Шли секунды, а Дима все примерялся, нервно облизывая губы. Сознание испуганно металось между двумя телами. Твердый песок под головой, прохладная тень, чмоканье открываемой консервной банки, муравей ползет по лодыжке. Морская вода, ласкающая тело, тяжесть мокрых длинных волос, солнечные блики бьют в глаза. Ветерок по лицу: кто-то прошел совсем близко. Слизкая раковина в руке, поднесенная почти вплотную к плечу. «Да соберись же!» — мысленно прикрикнул Дима. Раковина в руке тяжелая и скользкая, и из нее лезет какая-то отвратительная желтоватая масса, мокрой холодной лепешкой расползается по руке, и на конце ее глянцеви́то поблескивает черный, шевелящийся из стороны в сторону шип, тянется к гладкой беззащитной коже...

Дима захлебнулся криком и покатился по песку, сжимаясь в обезумевший, беззвучно вопящий комок. Боже, как больно, не может быть так больно, лучше умереть, чем терпеть такую боль... Что-то сильно ударило в бок, загремело, и хриплый голос над головой спросил:

— Ты совсем свихнулся, что ли?

Дима приподнялся на дрожащих коленях, весь покрытый липким холодным потом. Над ним, уперев руки в бока, стоял Кирилл с видом одновременно недовольным и испуганным.

— Кошмар приснился, — сипло пробормотал Дима и встал. При мысли о том, что сейчас происходит с ужаленной моллюском Ирой, ему стало дурно. Он слабо пихнул стоящего на дороге Кирилла.

— Ты меня достал, псих, — начал заводиться тот, но его оборвали.

— Тихо! — вскинула руку Лера. — Вроде бы кричали.

Дима наконец обошел Кирилла и опрометью бросился вдоль пляжа, на бегу высматривая хоть какие-нибудь ориентиры. Он ждал крика, ждал хоть какой-нибудь подсказки, надежды, что еще не все потеряно, — но слышал только тяжелое дыхание и топот за спиной. Воздух драл легкие когтистыми лапами, рот сводило от металлического привкуса крови. Деревья... все одинаковые, неотличимые друг от друга, будто выровненные злой волей. Море... в бирюзе мелькнула полоса кораллов, и Дима, радостно вскрикнув, свернул и, не сбавляя темпа, врезался в воду. Он отплыл от кораллов на десяток метров, не больше. Вернее, она... Или все-таки он. Не важно, это где-то здесь. Вода дошла до пояса, и он поплыл; позади кто-то шумно рассекал воду, но Дима не оглядывался.

Ира покачивалась лицом вниз в толще воды, и это было почти красиво: прозрачный аквамарин, черные пряди волос, плавно извивающиеся в слабом течении. Золотистое тело, прекрасное в своем спокойствии. Мертвое. Безнадёжно мертвое. Ему не надо было прикасаться к ней, чтобы понять это. Он помнил боль, которую она испытала.

Горло болезненно свело от подступающих рыданий, и Дима вцепился зубами в кулак. Шумно плеснуло за спиной; его небрежно отшвырнули в сторону. Кирилл подхватил тело Иры, поднял к поверхности и потащил на берег.

— Что это? — тихо спросила Лера, когда успокоилась вода. Потянулась босой ногой, указывая на раковину-конус, мирно лежащую на дне.

— Не трогай! — дико заорал Вова, и Лера в панике шарахнулась в сторону. — Подобрала одна такая р-р-ракушечку. Д-д-д-дура...

— Хватит, — тихо сказала Лера.

Кирилл поднялся с колен. Глаза у него были красные, как у кролика.

— Не откачать, — сказал он. — Не успели. Я все правильно делал, я умею... Надо еще...

Он снова рухнул на песок, схватил безвольные руки.

— Хватит, — повторила Лера. — Двадцать минут. И еще сколько, пока мы бежали... Но как?! — Она в отчаянии стиснула кулачки, рот скривился в напряженной гримасе. — Как? Она же хорошо плавала...

— Это конус, — сухо ответил Вова. — Моллюск-конус. Потеряла сознание от болевого шока и захлебнулась. Как ты понял, где искать? — неожиданно обернулся он к Диме.

— Звук отсюда шел, — ответил Дима первое пришедшее в голову. Вова продолжал смотреть на него, и он не выдержал, огрызнулся нервно: — А как еще, по-твоему?

— Вот и я думаю: как? — нехорошо прищурился Вова.

Дима отвернулся. Его трясло. Скотина, придурок! Вообразил себя мстителем... Наказание придумывал, идиот... Все вышло проще — и намного, намного страшнее. Ему хотелось завывать в голос, вонзить ногти в свою гнусную физиономию.

— Она вчера сказала, что будет следующей... — пробормотал Кирилл.

Перед глазами Димы поплыли белые лица призраков, волосы встали дыбом. Да управляет ли он на самом деле фигуркой кальмара? Или это проклятый остров избрал его своим слепым орудием?

— Кто-нибудь помнит, она вчера хоть раз назвала пароль, пока рацию мучила?

Дима похолодел, поняв, что будет дальше. Хотел вмешаться, сказать хоть что-нибудь — но не мог раскрыть рта. Оставалось только смотреть и слушать. Запоминать.

— Не называла она пароль...

— Ну что, будем опять разбираться? Или... Она точно умерла?

— Да.

— Ну, мы уже знаем, что делать, — нелепо хихикнула Лера.

Вова сел и на секунду зарылся лицом в ладони. Но, когда он поднял голову, никто не увидел ни тени эмоций.

— Ваша очередь, — проговорил он, глядя на Антона и Кирилла.

— Я не могу, — быстро ответил Антон, показывая на свои разбитые колени. Потом, видимо, понял, что Вова готов ударить его, и испуганно поднял руки. Добавил успокаивающе: — Правда не могу. Я сюда еле доковылял. Рыть, наверное, смогу. Тащить — нет.

Их спокойные, деловитые голоса были страшнее любых потусторонних тварей. Дима развернулся и пошел прочь. К черту, куда-нибудь, подальше с глаз долой, лишь бы не слышать эти голоса, не видеть эти рыла. Сколько трупов они еще готовы пережить, прежде чем понять, что пора перестать воевать друг с другом и убратся отсюда? Когда до них дойдет, что пора остановиться?

Не глядя под ноги, он вломился в джунгли. Змей? К черту змей, ему нечего бояться, он в сговоре с этим проклятым островом. Ни одна тварь не посмеет его тронуть. Кто-то должен убирать мусор. Кто-то должен очистить Кох-Наг от всякой дряни, от этих ледяных сволочей, готовых загрызть друг друга за кусок повкуснее. Такое уже было. Это уже случилось однажды, и смутное эхо тех событий бродит по миру, превратившись в легенду. Но Дима сумел расшифровать его. Он умеет вычислить общую схему, скрытую за бессмысленными человечьи-ми завитушками. Малайские пираты или будущие топ-менеджеры — Кох-Наг не видит разницы. Тогда все тоже началось

с беспомощной жертвы, несчастной девушки, которую кто-то счел слишком опасной... И возмущенный остров послал в чьи-то руки чудесную фигурку калмара. Обезумевшие пираты перебили друг друга и, обратившись в злых духов, наблюдают. Терпеливо ждут, когда их станет больше. Теперь все повторяется вновь.

Ветка больно хлестнула по плечу, и Дима очнулся. Он утер облепленное паутиной лицо и огляделся, пытаясь понять, куда его занесло. Судя по всему, он находился не так уж далеко от стоянки — видимо, описал дугу, пока ломился сквозь заросли, не разбирая дороги. Справа джунгли редели, в просветах поблескивала вода, и ярко рдела крона индийского миндаля, в тени которого скрывался лагерь. Дима застонал от разочарования. Бездумный бег по джунглям оборвался, и теперь надо было решать: возвращаться или уходить прочь, вглубь острова.

Дима колебался недолго. Он знал, что не вынесет сейчас человеческого присутствия. Одна фраза, один взгляд — он сорвется, и на него набросятся всей сворой. Он не мог подвести Кох-Наг. Не мог подвести себя. Дима решительно повернулся спиной к солнечным прорехам и двинулся прочь, в полутьму джунглей. Он не вернется, пока не возьмет себя в руки. Пока не разработает план, который позволит ему выкинуть с острова всех, одного за другим.

Далеко Дима уйти не успел. Несколько шагов — и он остановился, как вкопанный, ощущая ледяную пустоту там, где только что был его желудок. Из зеленого сумрака, из переплетения ветвей на него глядели белесые лица призраков.

Сейчас они не кривлялись, как ночью, — застыли скорбными масками и неотрывно смотрели на Диму, будто говорили: да, теперь твоя очередь. Он не мог дышать. Не мог шевелиться. Он слышал мертвый шелест их голосов.

Дима болезненно ухмыльнулся и аккуратно снял с куста рванный белый пакет с полустершимся логотипом самой крупной в Азии сети супермаркетов. Педантично сложил драный пластик в прямоугольник и зачем-то засунул в карман. Запустил пятерню в волосы, озираясь по сторонам все с той же безумной ухмылкой.

Он был единственным злым духом на Кох-Наге.

ГЛАВА 9

УЖ ЛУЧШЕ ГОЛОДАЙ...

Через несколько часов голод и жажда все-таки погнали Диму к лагерю. Он успел сделать изрядную петлю по джунглям, но не нашел ничего существенного, кроме каменистого русла давно пересохшей реки. После вчерашнего ливня во вмятинах на черных базальтовых плитах образовались небольшие лужицы. Вода в них была прозрачная, но темная, подернутая сизой пленкой, как забытый в кружке крепкий чай. Даже невооруженным взглядом было видно, что в ней полно всякой микроскопической живности. Пить такую воду Дима не решился бы даже после долгого кипячения.

Однако выше могли сохраниться источники. Дима прижал ухо к расщелине между камнями, надеясь услышать, как журчит под ними вода. Ничего. Поколебавшись, он решил отложить исследование пересохшей реки на потом. Неизвестно, существует ли вообще родник, а жажда донимала все сильнее. Кожа, покрытая множеством мелких царапин, вся в микроскопических занозах невидимых зловердных шипов, ныла и зудела. Но, как ни странно, физическая измотанность чудесным образом прояснила голову. Эмоции больше не захлестывали; бредовые рассуждения о мистической связи с Кох-Нагом казались далекими, пыльными, будто вычитанными в какой-то скучной книге. Мозг работал четко и спокойно.

Готового плана у Димы так и не появилось, но теперь он не беспокоился на этот счет. Да, люди непредсказуемы. Да, он не умеет понимать их, не умеет влиять на их поведение, не может рассчитывать на честную игру и элементарную порядочность. Ну и что? Это всего лишь означает, что у него слишком мало данных и слишком много случайных переменных, которые невозможно учесть заранее. Стоило найти подходящие формулировки — и пугающие, наводящие панику проблемы превратились в сложную, но решаемую задачу.

Дима уже раскаивался в своем порыве: не стоило уходить так надолго. Мало ли, что придумают за это время враги, какую информацию он упустит. Он должен не спускать с них глаз, а не шататься по джунглям, поддавшись минутной слабости. Он должен наблюдать за ними; рано или поздно он дождется подходящего момента. И тогда уже надо будет действовать по обстоятельствам. Возможно, ему даже не придется ничего предпринимать самому: скоро враги оправятся и снова начнут давить не только Диму, но и друг друга.

Пустой желудок заурчал так громко, что с ближайшего куста сорвалась испуганная пичуга. Мысли об игре отступили на второй план. Дима представил, как вскроет банку горошка, отхлебнет сладковатый, прохладный сок... В густой воздух вплеталось свежее дыхание моря, вечные сумерки светлели. Дима уже почти слышал легкий хлопок, с которым отойдет крышка, когда он потянет за кольцо.

Он вышел на берег чуть западнее лагеря. Мимолетно порадовался точности, с которой держал направление: ориентироваться приходилось лишь по памяти и интуиции, и его вполне могло вынести на противоположную сторону острова. Но внутренний компас не обманул. Перебраться через валуны, поднырнуть под стволом, где игроки прятались от грозы накануне, — и Дима на

месте. Он облизнул обметанные, липкие от жажды губы и ускорил шаг.

Легкое движение, замеченное краем глаза, заставило его пригнуться и замереть прежде, чем он успел о чем-либо подумать. Дима осторожно выглянул из-за камня. У самой воды, в ложбине между двумя валунами сидела Лера. Дима отчетливо видел ее русый затылок, собранные в мышиный хвост волосы, выпирающие бугорки позвонков, но никак не мог понять, чем она занята. Раздался легкий хлопок, похожий на тот, о котором так мечталось совсем недавно. Лера наклонилась над водой, ее лопатки быстро задвигались вверх и вниз, будто она что-то вытряхивала. Гулко булькнуло. Лера протянула руку в сторону, и Дима услышал, как шуршит целлофан.

В недоумении он пополз вдоль берега, выискивая точку с хорошим обзором. Хлопок. Тихий плеск. «Ах ты ж...» — прошептал Дима одними губами. Лера, не видя и не слыша ничего вокруг, вытащила из лежащего рядом мешка упаковку галет, разорвала оболочку и вытряхнула печенье в воду. Следующей ей в руки попала банка того самого горошка. Чудесная, сладкая опаловая жидкость полилась в песок, горошины разлетелись зеленым веером. Дима едва не завопил, обиженно, как ребенок.

Он все-таки сумел сдержать инстинктивный порыв и, глядя, как девушка планомерно уничтожает запасы еды, погрузился в лихорадочные размышления. Он может остановить Леру, вернуть остатки припасов в лагерь. Только что это даст, кроме возможности пообедать? Он слегка поднимется в глазах парней, но их одобрение ничем ему не поможет, только тошноту наведет. Надо понять, чего добивается Лера. Почему она выкидывает еду вместо того, чтобы припрятать ее? Не из благородства же, в самом деле. От напряжения Дима прикусил губу и бездумно уставился на торчащие под футболкой лопатки.

Да потому что она привыкла голодать, пришел внезапный ответ. Неестественная худоба Леры, презрительные взгляды, которые она бросала на девушек и на Кирилла, сложились в единый пазл. Похоже, необходимость есть для этой девушки — нечто постыдное и настолько же необязательное, как ковыряния в носу. Странно даже, что Лера не догадалась избавиться от продуктов сразу. Наверное, судила по себе и не сразу вспомнила, что нормальные люди привыкли есть три раза в день. Сообразила бы раньше — и, глядишь, кто-нибудь уже выкрикнул бы в рацию пароль, а потом попросил матросов прихватить с собой пяток гамбургеров.

Думать о гамбургерах было опасно. Дима растянулся на теплом песке, прикрытый камнями от лишних взглядов. Хлопок. Плеск. Шуршит уже наполовину опустевший мешок. Хлопок. Звяканье жести... Дима желчно улыбнулся. Когда-то, на первом курсе, еще не успев найти работу, он мрачно завидовал москвичам-однокурсникам, которые после пар отправлялись домой, к набитым родителями холодильникам. Пачка растворимой лапши тогда казалась ему пиром. Кто мог подумать, что привычка терпеть голод пригодится несколько лет спустя...

Булькнула, погружаясь в воду, последняя жестянка, по валунам зашлепали босые пятки. Дима осторожно выглянул из-за камня. Лера с пустыми руками возвращалась в лагерь. Остроносое, туго обтянутое кожей лицо, злые рысьи глаза, упрямо сжатые в ниточку губы. Несмотря на все это, Лера выглядела довольной. Удовлетворенной, как будто только что воплотила свою давнюю мечту.

Дождавшись, пока девушка скроется за деревом, отделяющим скалы от лагеря, Дима выбрался из укрытия. Жрать хотелось невероятно. Он подошел к воде, тоскливо взглянул на заваленное испорченными продуктами дно. Над ними

суежилась стая полосатых рыбешек; другие рыбы, черные, отливающие синевой, подплывали ненадолго, резко хватали кружившие в воде обломки печенья и стремительно скрывались в глубине. Из-под камня вылез лиловый краб размером с тарелку, ухватил кусок побольше и боком метнулся обратно.

Дима сочувственно вздохнул и мрачно прислушался к свирепому урчащему желудку. Надо было заготовить пачку галет... но горевать поздно.

— А вот и наш ботаник! — безрадостно осклабился Антон. — Ты зачем вернулся, ботан?

Колени Антона были забинтованы, но в целом он выглядел удручающе бодрым. Отвратительно энергичным, как представитель сетевого тренинга успешности, закинувшийся с утра пораньше амфетаминами. Дима молча прошел мимо, вытащил припрятанную бутылку. Воды оставалось грамм двести, и он выпил ее в несколько длинных жадных глотков. Этого оказалось катастрофически мало, и он мрачно оглядел три бутылки, воду из которых они собирались распределить позднее. Мало, очень мало, даже с учетом того, что собрали во время грозы. Часть израсходовали в первый же день — Диму передернуло, когда она вспомнил с наслаждением умывающуюся Иру. Да и потом, похоже, каждый прикладывался тайком, пока никто не видит. Дима и сам отпил один раз, но совсем немного и сейчас имел право забрать свою часть.

— Куда руки тянешь? Ты разрешения спросил? — прошипел Антон.

Дима молча стиснул зубы. Нельзя отвечать, нельзя реагировать. Он накренил горлышко, стараясь не пролить ни капли. Свои три литра он заберет, что бы они там не вопили. Страх, что ему помешают, заставлял торопиться, и руки опасно

подрагивали. Антон поправил повязку на ноге, недовольно посмотрел на Кирилла. Тот, повинувшись взгляду, встал.

— Пихнешь — пролью, — тихо предупредил Дима. — Никому не достанется.

Кирилл нерешительно остановился.

— Слышь, ты? — заговорил Кирилл и покосился на приятеля, ища поддержки. — Тебе меньше положено, задохлик. Положи на место.

— А то что? — развеселился Дима, заметив его взгляд. — Папу позовешь?

— Я сказал, на место положи.

— Мы это уже проходили, — устало ответил Дима и аккуратно завинтил крышки на обеих бутылках. — В первый же день, помнишь?

— Мы решили распределить воду по весу, — заговорил Антон. — Чтоб по-честному. Слышал про такое? Хотя откуда тебе. Я б на твоём месте со стыда сгорел, а тебе хоть бы что...

Дима приподнял брови: это было что-то новенькое.

— Что вылупился? Если б моя девушка погибла, я бы все отдал, но похоронил бы ее по-человечески, а ты в песок зарыл, чтобы карьеру не портить... — Антон сбился на скороговорку. В уголках губ выступили комочки засохшей слюны, и он быстро, по-змеиному собрал их языком. — Ты как вообще в глаза людям смотреть можешь?

Дима растерянно моргнул. Антон понес уже полную чепуху — что-то о стыде, о приличиях, об отличиях уродов от нормальных людей. Дима не слушал, лишь смотрел на бесконечно шевелящийся рот, на суетливые движения языка. Антон сжимал кулаки, дергал щекой и, казалось, вот-вот готов был заплакать. Дима вдруг понял, что говорят вовсе не с ним. Антон орал на самого себя — но не понимал этого. Или не хотел понимать.

А придется, решил Дима. В нем снова закипала ярость. Хочешь играть любой ценой — вперед. Но не смей делать вид, что платить не приходится...

— Вы Иру только что закопали, — медленно проговорил Дима. — Чтобы не выбыть из игры. Надеюсь, не живьем?

Антон неуклюже вскочил. Мгновение — и его кулак врезался Диме в живот. Дима взвыл, попытался ударить Антона в челюсть, но промахнулся. Сцепившись, они покатались по песку.

— Стоп! — заорал вдруг кто-то.

Сильные руки оторвали Диму от земли, швырнули прочь. Он неумело перекатился через плечо и приподнялся на одном колене, готовый защищаться.

— Стоп, — повторил Вова.

Антон яростно дернулся, выдираясь из его захвата. Вова разжал руки, готовый снова схватить любого, кто полезет в драку. Покосился на державшуюся в стороне Леру.

— Сядь, — рявкнул он. — Сядь, я сказал!

Антон, как подрубленный, опустился на бревно.

— Ты тоже.

— Да я и не вставал, — буркнул Дима.

Вова обвел их напряженным взглядом.

— Достали, — процедил он. — Ты! — рявкнул он Кириллу. — Либо завязывай глушить воду, либо вали отсюда. Ты свою долю уже выпил. Еще литр твой, от щедрот, дальше как знаешь.

— А кто ты такой, чтобы распоряжаться? — взвился Кирилл. — С чего я тебя слушать буду?

— А с того, что я здесь единственный вменяемый человек! — заорал в ответ Вова. — Вы, маменькины сынки, уже не соображаете, что творите! Мне тут трупы больше не нужны, ясно?

— Да пошел... — начал было Кирилл, но, поглядев на Вову, осекся.

Да, злорадно подумал Дима, это тебе не с девчонками воевать. Уселся по-турецки, подпер голову кулаком: новой драки пока не предвиделось.

— Послушай, — сбавил тон Кирилл, — мне правда надо. Я потею, как свинья, у меня голова уже кружится. Организм так устроен, понимаешь? Вы что, из жадности будете смотреть, как я загибаюсь?

— Тебя же никто терпеть не заставляет, — вмешалась Лера. — Уезжай.

— Так не честно. Я что, виноват...

— Да достал ты своим нытьем, — взвизгнул вдруг Антон. — Пойди из моря похлебай!

Кирилл замолчал. Несколько мгновений Вова сверлил его взглядом.

— Ладно, раз нельзя пить, пойду сожру что-нибудь, — проворчал Кирилл.

— Ты недавно обедал, — заметил Вова.

— А тебе жалко, что ли? — огрызнулся Кирилл. — Все равно завтра новые продукты подвезут.

Дима выпрямился. Он совсем забыл про лодку, которая по всем расчетам должна была прийти завтра... а может, даже сегодня. Они все забыли, а ведь это многое меняет. Можно будет попробовать хотя бы уточнить условия игры. Если исходить из того, что Пленский адекватен, вменяем и не рассчитывает на то, что они все передохнут, — вполне разумный ход. Два трупа — это уже серьезные проблемы с властями. По мнению Димы, Пленский их полностью заслуживал. То ли из презрения, то ли из лени, то ли по дурости он не потрудился сформулировать толком условия игры — и вот результат. Дима не надеялся, что Пленскому доступны жалость и чувство вины, не тот человек. Но вряд ли он сознательно хотел обречь их на этот кошмар... Как только придет лодка, надо будет заключить перемирие и не

отставать от капитана, пока он лично не свяжется с Пленским. Иначе они могут натворить такого, что никогда не смогут себе простить.

Дима покосился на Леру. Та выглядела раздосадованной. Да, поздно сообразила, до завтра никто всерьез оголодать не успеет. А Вову, похоже, фраза про лодку чем-то сильно зацепила; теперь он напряженно размышлял, уткнувшись лбом в ладони. И собственные мысли ему явно не нравились.

— Крыса!

Тяжелая ладонь врезалась в голову, и рот Димы наполнился кровью. «Да что ж такое, весь день меня бьют», — с каким-то равнодушным унынием подумал он. Уже и не больно почти — привык, наверное. Он нервно усмехнулся, и глаза Кирилла побелели от ярости.

— Куда жратву спрятал? — он снова замахнулся.

По его толстым багровым щекам струился пот, рот приоткрылся от напряжения. Дима перехватил руку, но с тем же успехом мог попытаться остановить грузовик. Мокрый, скользкий, дурно пахнущий грузовик. Если увернуться и воспользоваться кальмаром... Нет, нельзя: нейтрализует одного — подключатся другие.

— Почему думаешь, что он? — с академическим интересом спросил Вова.

Видимо, размышления о завтрашней лодке привели его к каким-то выводам, и теперь он посматривал на окружающих с рассеянным, снисходительным любопытством, как мэтр, случайно забредший в провинциальный театр. Пропажа еды, казалось, совершенно его не расстроила.

— А кто еще? — спросил Антон. — Мы втроем... ну... копали. Лерка... Да он это! Сделал вид, что весь такой в печали в лес ушел, а сам сразу сюда побежал.

— Мы ели, когда вернулись в лагерь, — напомнил Вова. — Все было на месте.

— Да все равно он! — уперся Кирилл. — Подкрался, значит. Спали же все! Коз-з-зел!

На этот раз Дима успел увернуться, но Кирилл продолжал напирать. Диму охватила тоска. Не убежать же от него, в самом деле...

— Говори, куда спрятал! — хрипел Кирилл.

— Да отстань ты от него! — не выдержала Лера.

— Конечно, тебе-то какое дело, — злобно оскалился Антон. — Подумаешь, какие-то продукты. Можно и добренькой побыть, да?

— Я, знаешь ли, тоже иногда ем, — сухо ответила Лера.

— Ой, да ладно тебе, — скривился Антон. — Вы, девки, всю жизнь на диетах сидите, радуйся, что схуднешь слегка, тебе не помешает. Вон, складки висят...

Несмотря на боль в разбитой губе, Дима расплылся в насмешливой улыбке. Вот уж уел так уел — сообщил девочке-скелету, что она толстая. Он ожидал, что Лера, по своему обыкновению, презрительно фыркнет и закатит глаза, но, к изумлению, увидел лишь стыд.

Впрочем, Лера быстро взяла в себя в руки. Неприятно, скрипуче рассмеялась:

— Так и вам пора попробовать. — Ее костлявое лицо вдруг озарилось странным внутренним светом, стало зловеще прекрасным, и она воскликнула: — Как же мне надоело смотреть, как вы обжираетесь!

— Ну извини, придется и дальше смотреть, — хмыкнул Кирилл. — Сейчас нам Димон расскажет, куда все прибрал, правда, Димон?

Дима молча ухмыльнулся, покачал головой.

— Да не расскажет он вам ничего! — крикнула Лера. — Это я все выкинула!

— Как — выкинула?! — опешил Кирилл.

— В воду.

— Врешь, — привстал Антон.

Лера улыбнулась ему, почти кокетливо повела плечом.

— Ты же сказал, что мне похудеть не мешало бы. Вон, складки... — Она брезгливо сдвигала пальцами кожу на впалом животе. — Ну вот, избавилась от соблазна. Да и в компании на диете сидеть веселее, правда?

— Ты свихнулась, — пробормотал Кирилл почти испуганно. — Ты что несешь вообще?

— Да врет она, — небрежно сказал ему Антон. — Выделяется. Правда глаза колет...

— Могу показать, где выбросила, сам увидишь, — спокойно предложила Лера.

— Не увидит, — перебил Дима, — там такие крабы полезли... Можно рыбы наловить, там много, — предложил он.

— Острогу соорудить... — задумчиво откликнулся Вова. — Подожди-ка! Ты, выходит, видел, как она топила еду, и ничего не сделал?

Дима пожал плечами.

— Ну ты...

— Урод, да, я знаю, — устало ответил Дима, отвернулся и неторопливо побрел прочь.

Информация — это, конечно, славно, но как же они достали! Далеко Дима не ушел — прошагал метров двадцать и рухнул на песок, спрятав лицо в ладони. В лагере орали. Злобно взрывались мужские голоса, звонко огрызалась Лера. Отвратительный, скрипучий визг — в перепалку вступил Антон. Давайте, воюйте, угрюмо думал Дима. Выясняйте, кто главный и кто виноват. Вцепитесь уже друг другу в глотки, как голодные звери. Как пираты, что обезумели и перебили друг друга. Обезумели и перебили друг друга...

Дима сунул руку в карман.

Его пальцы были скрючены, рот приоткрыт — видно, вломился на половине реплики. Колени полусогнуты, как перед прыжком. И, кстати, болят не так сильно, как он надеялся — так, слегка ноют. Сердце бьется в груди с такой силой, что его удары отдаются в горле. Что это, гнев или страх? Не важно. Это чужое тело, чужие чувства. К Диме они не относятся.

Глаза зашарили по земле вокруг костра. Листья, обрывки пакетов, пустая коробка из-под спичек. Развели бардак, ничего не найти...

— ...узнаете наконец, как это, вам всем картинку из журнала подавай! — кричала Лера.

— ...потому что я нормальный мужик, мне жрать надо! — одновременно с ней надрывался Кирилл.

Ага, вот один. Тело Антона послушно наклонилось, рука сомкнулась на рукоятке ножа. Пираты обезумели и перебили друг друга. Очень просто, один сядет, другой ляжет в больницу. Да хоть бы и в песок, не жалко. Этого — точно не жалко. Лезвие ножа жадно блестит на солнце. Надо что-то сказать. Как-то объяснить. Не своими словами — его.

— Ты достал ныть! — выкрикнул он чужим голосом, визгливым, отвратительным голосом истерика.

Футболка в темных пятнах пота обтягивала брюхо Кирилла так, что позволяла рассмотреть впадину пупка и складку под грудью. Отталкивающее зрелище, Лера права. И хорошо, и правильно, так даже проще. Сами виноваты. Они это заслужили. Сами во всем виноваты...

Поле зрения сузилось до отвратительного мокрого пятна на ткани. Он взревел, пригнул голову и, выставив перед собой лезвие, ринулся вперед.

Глаза Кирилла расширились и потемнели.

— Ты чего? — прошептал он.

Кальмар упал на песок, и Дима уткнул лицо в колени. «Не могу, — прошептал он. — Не могу. Тряпка...»

— Ты совсем охренел? — донесся вопль Кирилла.

— Да говорю я, споткнулся! Я что, полный псих, по-твоему?

— Все видели!

— Я не поняла ничего... ты что, с ножом на него бросился?!

— Да говорю, споткнулся!

— А нож зачем брал?

— Удочку срезать!

Дима истерически рассмеялся и зажал уши. Он не смог. Оказался неспособен загнать нож в чужое брюхо. Ботаник несчастный, слабак и нюня, такому даже кальмар не поможет. Любой из орущих друг на друга парней на его месте не колебался бы и секунды. А он — не смог, выронил нож за мгновение до того, как лезвие вспоролو бы жирное брюхо Кирилла. Может, оно и к лучшему. Диме еще придется как-то жить с тем, что он делает. Тому, кто разделался с пиратами, было проще. В те времена, наверное, убийство никого не смущало.

Перед глазами замаячили цыплячьи голени. Ох, только не это, мысленно взмолился Дима. Пусть она уйдет... Он вспомнил, как первый раз стиснул в руке холодный металл кальмара, привычно потянулся к карману...

— Ой, что это? — удивилась Лера.

Она подняла фигурку. Диму обдало ледяной волной, подбросило на ноги. Не в силах выговорить ни слова, он грубо выхватил кальмара из рук девушки. Та сердито вскрикнула, сунула в рот поцарапанный палец.

— Можно было просто сказать, — пробормотала она, глядя исподлобья.

— Извини, — хрипло ответил Дима. Спрятал фигурку в карман.

— Талисман, что ли? — криво улыбнулся Лера и тут же нахмурилась: — Что с тобой? Позеленел весь.

— Просто нехорошо как-то. — Дима отвел глаза.

Сердце билось в таком темпе, что его удары уже сливались в панический трепет. Растяпа. Еще немного — и конец игре... а то и ему самому. Уж Лера, попади в ее руки кальмар, церемониться бы не стала.

— Жара, — кивнула девушка. — Антон вон тоже... Говорит — голова закружилась, чуть не упал.

Вот же сволочь, с горечью подумал Дима. Выкрутился. Отмазался. На глазах у всех бросился с ножом на приятеля — и ничего, никто его за сумасшедшего не держит. От глухой, ледяной злобы занемели скулы, и Дима потерянно растер их ладонями. Антон может вытворять что угодно — но останется в глазах окружающих нормальным парнем. Ну, бывает, разнервничался. Ну, голова закружилась, ах, бедняжка... А Диму почему-то считают психом. И ладно бы оставили в покое, так нет же! Зачем она сюда притащилась? Тусовалась бы с нормальными людьми, зачем лезть к психованному ботанику.

— Я хотела сказать: спасибо, что не сдал, — ответила Лера на его раздраженный, вопросительный взгляд. Криво усмехнулась: — Конечно, я тебя видела. Думал, ловко прячешься?

— Думал, — проямлил Дима. В голове все еще гудело.

— В общем, спасибо. Потрясающее благородство. — В голосе Леры помимо воли прорезались желчные нотки. — Почему?

— Что — почему?

— Тебя нельзя бить по голове, ты тупеешь. Почему ты меня не сдал?

— Не успел додуматься, — честно ответил Дима, поразмыслив. — Ябедничать нехорошо и все такое. Детские привычки, никак не избавлюсь.

— А надо?

— Здесь — надо... — буркнул Дима. Мрачно кивнул, пришибленный очевидной догадкой: — А уж как будет надо у Пленского!

— Рассчитываешь на победу? — удивилась Лера. — Я вообще-то тоже.

Она присела рядом, покусала губу. Дима молчал.

— Я еще в первый день хотела предложить вместе играть. Ты нормальный, получше этих, — она мотнула головой в сторону лагеря. Вздохнула, обхватив себя руками.

— И передумала, — криво улыбнулся Дима. — Как ты там сказала? Что я жалкий... А теперь вдруг опять нормальный, с чего вдруг?

— Я бы объяснила, да ты не поймешь. — Лера слегка покраснела.

— А ты попробуй. Я вообще-то умный.

Лера с сомнением хмыкнула, ковырнула облупившийся лак. Вытянула руку перед собой, хмуро рассматривая ногти. Дима уже решил, что она не снизойдет до объяснений, но тут Лера вздохнула:

— Тебе Оля нравилась, несмотря на то что жирная.

— Сдурела? — опешил Дима. — Какая, к черту, жирная?!

— Вот-вот, — кивнула Лера, поправляя волосы. — Я об этом и говорю. Ты не считаешь, что все должны из шкуры вон лезть, чтоб соответствовать.

— Чему соответствовать? У тебя задвиг какой-то, — вздохнул Дима. — Типа, кто не идеальный — того в топку? Извини, не хочу вникать. Ну соглашусь я с тобой играть — и что? Ты же первая будешь смотреть на меня как на говно. Потому что не соответствую, ага.

— Можно подумать, ты не привык, — огрызнулась Лера. Дима открыл было рот, но быстро понял, что влезать в этот

скользкий спор не хочет. Все равно не поймет, как устроена Лерина голова, только зря запутается. Надо было выбираться на твердую почву.

— И как мы потом будем делить выигрыш? — спросил он. — Пополам, знаешь ли, не получится.

Лера небрежно пожала плечами. Потом задумчиво пробормотала:

— А вот интересно, как Антон с Кириллом собираются делить?

Если бы не разговор с Лерой — ему бы просто не пришло такое в голову. Да и теперь, стоило подумать об этом, как в памяти всплывала твердая гладкость ножа, зажатого в готовой ударить руке, и Диму начинало подташнивать от ужаса и отвращения. Но разбить эту парочку было просто необходимо, слишком уж спелись. Запудрить мозги Антону Дима не надеялся, тот его мигом раскусит, да и бугай слишком полезен, чтобы избавляться от него раньше времени. Но вот добавить немного паранойи Кириллу не помешало бы. А то не человек, а бультерьер какой-то. Только и ждет команды «фас». И ножа не испугался, поверил в байку про внезапное головокружение, кретин... Пусть уже мозги включит, не так противно будет смотреть.

Кирилл снял гамак, расстелил его в тени и теперь лежал на животе, похожий на ободранную тушу, кое-как прикрытую тряпьем. Детское, обиженное лицо, облупленный нос. Казалось, он спал. Но, стоило Диме подступить поближе, как здоровяк прорычал, не открывая глаз:

— Не подходи. Урою...

Дима остановился, не зная, с чего начать. Довольно трудно затевать непринужденную беседу с тем, кто совсем недавно пытался тебя избить. Но Кирилл сам пришел ему на помощь:

— Правильно Антон говорит, таких уродов, как ты, надо в специальных заведениях держать, — пробурчал он.

— Ты Антона больше слушай, — мрачно усмехнулся Дима. — Он тебя прирезать уже пытался.

— Ага, на глазах у изумленной публики. Ты кого из нас за идиота держишь? Обоих, что ли?

Вот же непрошибаемый. Отбросив попытки дипломатии, Дима выпалил:

— Да как ты не понимаешь! Он тебя подставит при первой возможности!

— Ты совсем дурак? — Кирилл приподнялся на локте и поглядел на него с веселым интересом.

Дима вдруг понял, что глаза у этого парня, которого он успел записать в тупые бугаи, живые и умные. Ему стало мучительно неловко: как будто он громко обсуждал фрика, идущего по европейской улице, а потом услышал, как тот говорит на чистейшем русском.

— Тохе незачем меня подставлять, — с неожиданной охотой заговорил Кирилл. — Он же знает, что я ему не конкурент. Если буду играть за себя — продержусь, сколько получится, но рано или поздно вылечу... не так, как девчонки, конечно. Но у Антона тоже в одиночку шансов меньше.

— Но если ты не надеешься выиграть — то зачем...

— А затем, — с нажимом проговорил Кирилл, — что выигрывает Антон. Он псих, конечно, но он вас всех сделает. У тебя и Лерки вообще шансов нет. Ты бы поскорее уже врубился в это и свалил, а то бесишь до невозможности... А Вовку мы вдвоем рано или поздно завалим.

— И что дальше?

— А дальше я назову свой пароль. Ты вообще размер корпорации представляешь? Заместителю Пленского тоже понадобится помощник. Проверенный. Не дурак, но лояльный. И не

слишком блестящий, с запросами чуть сложнее, чем у обезьяны, чтобы их можно было заткнуть пачкой бабла. Такой и не вздумает подсаживать — а Антон у нас очень этим делом озабочен...

Кирилл криво усмехнулся и снова растянулся на песке.

Дима ошеломленно стоял над ним, потеряв дар речи. Кирилл покосился на него, буркнул:

— Ну чего тебе еще?

— Ты что, так и будешь притворяться тупым гопником? — Дима потер лоб, пытаясь сформулировать то, что вызывало в нем такой ужас. — Это же все равно что всю жизнь в скафандре ходить...

— А ты как хотел?! — рявкнул Кирилл.

«Я, наверное, хотел, чтобы все было честно и справедливо, — подумал Дима. — Но это было давно». Кирилл тоскливо смотрел на мелкие прозрачные волны, поглаживающие песок. Дима хотел было отойти, но тут Кирилл внезапно спросил:

— Слушай, не знаешь случайно, почему морскую воду нельзя пить?

— Понятия не имею, — пожал плечами Дима. — Я только в детстве в книжках про всякие приключения читал... Нельзя — и все. Вроде попадалась история про людей в шлюпке, они все перетравились... — подумав, добавил он.

— Там бочки из-под купороса были, — подсказал незаметно подошедший Антон. — Они купоросом отравились, не водой.

— А, да, — неохотно кивнул Дима, вспомнив кошмарный рассказ. Вроде бы там еще фигурировали гниющие прямо в шлюпке трупы. На ум пришли закопанные в песок тела девушек, к горлу подкатила тошнота. Антон окинул его подозрительным взглядом, и Диме показалось, что тот видит его неуклюжую интригу насквозь. Пора было уходить — не влезать же, в самом деле, в дружескую беседу о морских приключениях с этими сволочами...

— Я еще читал, что от морской воды можно с ума сойти, — говорил за спиной Антон. — По-моему, суеверие какое-то. Причина и следствие попутаны, может, люди сначала сходили с ума, а потом начинали из-за борта хлебать, когда им уже плевать на запреты было. А то выходит — попил и тут же крышей уехал, бред же.

— Бред... — эхом откликнулся Кирилл, не сводя глаз с играющего бликами мелководья.

ГЛАВА 10

В ОЖИДАНИИ

В который раз за это утро Дима непроизвольно взглянул на пустынную поверхность Сиамского залива. Небо затянуло полупрозрачной пеленой, и море походило на тускло поблескивающий, слегка ребристый лист оцинкованной жести. Никаких лодок — только дымка на горизонте, скрывающая линию материка. Рано еще, наверное. Пока загрузятся, пока дойдут...

Чтобы не взвинчивать себя зря, Дима нарочито повернулся спиной к морю. Остальные тоже не могли оторваться от горизонта, и только Вова, не поднимая глаз, педантично обдирал кору с длинной прямой ветки. Железный человек, мысленно усмехнулся Дима. Даже у Леры на лице застыла голодная тоска — а этому хоть бы что.

Дима сорвал с ближайшего куста свежий, нежный на вид росток с несколькими листиками. Внимательно осмотрел излом. Вроде бы никакого млечного сока, значит, не ядовито. Собравшись с духом, Дима откусил кусочек стебля. Неплохо, довольно сочный... Он принялся жевать — и тут же, с трудом сдержав вопль, выплюнул ошметки вместе с изрядной долей позеленевшей слюны. Рот горел, как будто бы он высыпал в него целую перечницу. Дима снова сплюнул; жечь стало меньше, но теперь появился мерзкий привкус, напоминающий гнилой болгарский перец.

И это — не ядовитое? Дима, содрогаясь, вытер рот. Пожалуй, перекусывать местной растительностью он больше не рискнет. Интересно, что им привезут? Хорошо бы не только консервы. Дима все бы отдал за тарелку жареного риса с овощами и курицей. Элементарная же вещь, ничего распространеннее и дешевле в Азии и не придумаешь...

Дима не знал, сколько просидел в унылом неподвижном ожидании, безуспешно отгоняя непроизвольные видения самых разных блюд. Тишину нарушало только бурчание голодных животов и мерное шорканье ножа. Наконец Вова закончил обстругивать длинную ветку. Взял веревку, подобранную среди выкинутого штормом мусора, и принялся прилаживать к выглаженной жерди нож, сооружая подобие остроги. Никакой лодки он не ждал.

Из зарослей вынырнула Лера, раздраженно швырнула в кострище картонный цилиндрик.

— Вы как хотите, но, если они не привезут туалетную бумагу, я сваливаю, — мрачно сказала она.

— Что? — заржал Антон, выходя из голодного транса. — Туалетную бумагу?!

— Ну да. Кончилась. — Лера нервно рассмеялась.

— А что ты переживаешь? Твоими стараниями она нам больше не понадобится.

— Извините, — слабо проговорил Кирилл. — Но, боюсь, это я виноват.

Только теперь Дима обратил внимание на его вид. Кирилл как будто уменьшился. Под глазами набрякли темные мешки, влажная кожа стала скверного бледно-зеленого цвета. Он бесильно привалился к бревну, не спуская покрасневших глаз с горизонта. Под мышкой притулилась бутылка с мутноватой водой.

— Сожрал что-нибудь? — с легким любопытством поинтересовался Антон.

Кирилл вяло качнул головой и жадно отхлебнул из бутылки. — Извините, — повторил он и опрометью бросился в кусты. Оставшиеся у костра напряженно переглянулись.

— Надеюсь, это не заразно, — дрогнувшим голосом произнесла Лера.

— Да сожрал что-то, — отмахнулся Антон. Подобрал брошенную бутылку, с сомнением посмотрел на остатки воды. — Дождевая. Кто-нибудь еще это пил?

— Я пил, — спокойно ответил Дима. — Нормальная уже кончилась. Если заначки ни у кого не осталось.

Вова резко поднял голову, и Дима развел руками. Парень перевел взгляд на кустарник, за которым скрылся Кирилл. Криво улыбнулся.

— Ну и сволочи вы, — надулась Лера. — Там же нормально оставалось, я, когда проснулась, пила. Немножко совсем! А если...

Она осеклась, но ни для кого не было секретом то, что она собиралась сказать. А если лодка не придет? А если Пленский знал, на что их посылает, и не собирается упрощать им жизнь? Если он и правда такой псих, каким кажется?

На пляж, пошатываясь, вышел Кирилл, присел у воды. Вымыв руки, он ного за ногу вернулся к костру. Зашарил глазами, застыл, увидев драгоценную бутылку в руках Антона.

— Отдай, пожалуйста, — попросил он. Антон ехидно приподнял брови. — Дай, очень надо... Не могу...

— Ты морскую воду пил, — сказал Вова. Это был не вопрос — утверждение. — Дай ему бутылку! Пей и бегом к рации.

Кирилл благодарно кивнул и припал к широкому горлышку. Обросший светлой щетиной кадык заходил вверх и вниз. Кирилл вытер мгновенно вспотевшее лицо, прохрипел:

— Спасибо. Сам не знаю, что на меня нашло... Думал, если немножко выпить, то ничего страшного.

— Что-о-о? — подскочил Антон. — Ты совсем debil?!

— Ты же сам говорил — суеверие...

— Не говорил я такого, — пробормотал Антон, нервно озираясь. — Ты что-то свое услышал, я ничего не говорил.

— Говорил, — вмешался Дима. — При мне.

— А у него что, своей головы на плечах нет? Сколько ты выпил?

— Немного. — Кирилл улегся на бок, прижал к животу колени. — Почки болят, — пожаловался он.

— Сколько — немного? — не успокаивался Антон.

— Я мерил, что ли? — жалобно простонал Кирилл. — Так, горстями... Не помню я! Говорю, перемянуло что-то.

— Слышь, Кирилл, тебе в больницу надо, — засуетился Антон. — Ты лежи, я рацию принесу сейчас.

— Не надо, — слабо отмахнулся тот. — Нормально все. Отопьюсь. Нам же сегодня воду подгонят. Попью нормально и оклемаюсь.

— Хотя бы пароль скажи. Мало ли...

— Ага, чтоб ты меня подставил, — насупился Кирилл. — Я тебя уже один раз послушал, хватит.

— Не буду я тебя подставлять! А если вырубись, дурак? Что тогда?

— С чего бы мне вырубаться? — одними губами улыбнулся Кирилл. — Говорю же, нормально все.

Теперь Антон выглядел испуганным.

— Не хочешь мне говорить, не веришь, тогда Вовке шепни, мы отойдем. Он нормальный мужик.

Кирилл упрямо покачал головой.

— Сдохнешь же, — тихо сказал Вова. — Ты хоть понимаешь, что с тобой происходит? С почками, считай, уже попрощался. Только помучаться не успеешь. Про осмос слышал? У тебя сейчас кишки воду из организма качают и наружу льют, понимаешь? Мозг отключится, и сдохнешь. От обезвоживания.

— До лодки дотерплю. Хватит меня запугивать. Мне и так страшно, — слабо пробормотал Кирилл.

— Да не будет никакой лодки! — взвизгнул Антон. Лера вздрогнула, посмотрела на него умоляюще, но тот ничего не заметил. — Ты что, надеешься, что кто-нибудь из нас сольется, чтобы тебя вытащить, если что?

— Надеюсь, — просто ответил Кирилл, глядя ему в глаза.

— Если он еще раз попросит пить, я его убью, — пробормотал Антон.

Подхватив вторую острогу, он зашлепал по мелководью к Вове. Вскоре они стояли на камнях бок о бок, напряженно высматривая рыбу. Лера дремала — видно было, как слабо покачивается от ее дыхания гамак. Дима наконец-то остался один.

Застонав, он охватил голову руками, зажмурился до боли, до огненных колец в темноте перед веками. Он не помнил. Никак не мог вспомнить. Он проснулся, сам не зная от чего. Прикоснулся к фигурке кальмара — уже привычно, просто на счастье: холод металла успокаивал и внушал уверенность.

Темное небо с прозеленью на востоке. Крупный неуклюжий силуэт чернеет на фоне серо-розовой глади. Дима видел, как Кирилл неуверенно полоскал руки в воде. Как решился и поднес сложенные лодочкой ладони к губам. Доверчивый идиот. А ведь Дима предупреждал, что Антон его подставит...

Обжигающая соленая горечь во рту — воображение или реальность? Прозрачная, манящая, переливающаяся в предрассветных сумерках вода в широких короткопалых ладонях — воспоминание или воображение? Мог он заставить Кирилла пить из моря? Нет, Дима бы все просчитал, он бы понял, что это слишком опасно. Он бы не стал. «Но ты мог убедить себя, что лодка придет, — шепнул холодный голос. — Уговорить себя буквально на пару минуточек, что вас не оставят без присмотра.

Удобно, безопасно, и совесть чиста. Его бы увезли силой, не дали себя убить». Заткнись, застонал Дима, я не мог так поступить, я с самого начала знал, что Пленский психопат и рассчитывать на него нельзя. А главное — я не помню, совершенно не помню, как это сделал...

«Ну тогда, наверное, тобой тоже кто-то управляет», — с едва уловимой иронией ответил прохладный голос, и волосы Димы встали дыбом. То, что подсунуло ему фигурку. То, что заставило его впервые узнать, что такое власть над людьми. Змеиная сущность острова, связь с которой он так отчетливо чувствовал в джунглях. Не сам Дима — чуждое нечто ведет его к победе любой ценой... Это все объясняет. Дима всегда знал, что власть не изменит его, что безнаказанность не заставит поступать недостойно. Все дело в этом таинственном влиянии извне, которое он не сумел заметить сразу. Но он еще способен сопротивляться. Он не поддался вчера, когда оно пыталось заставить его вонзить нож в чужой живот. Не станет поддаваться и дальше.

Кирилл рухнул у костра, потряс пустую бутылку.

— Попить бы, — жалобно пробормотал он.

— Кончилось, — буркнул Дима, очнувшись. Покрутил головой, разминая затекшую шею.

— Врешь ведь, — равнодушно ответил Кирилл. — Себе-то припрятали. Думаете, я свалю. Ну ничего... это ничего. Скоро привезут.

— Никто ничего не привезет, пока сам не попросишь, — сказал Дима. — Зачем ты мучаешься? Ты же и так не собирався выигрывать! Вызови помощь, пока можешь.

— Не хочу... в скафандре.

Дима отшатнулся, как будто его снова ударили по лицу. Кирилл запрокинул голову, задрал над разинутым ртом пустую бутылку. Он держал ее мучительно долго, пока не убедился, что

внутри не осталось ни капли. Отброшенный пластик гулко загрохотал, и Дима вздрогнул от резкого звука.

— Всю жизнь безвольной шестеркой, — пробормотал Кирилл. — Задрало. Даже ботан вроде тебя... сверху вниз смотрит. Не хочу больше.

— Слушай, не хочешь, так не делай, — нервно ответил Дима. — Не обязательно же для этого выигрывать, ты что?!

— Дурак... Обязательно. Иначе кто я такой?

— Охреневший придурок, — пробормотал Дима.

Он схватил рацию и сунул ее в руку Кирилла. Содрогнулся от прикосновения к липкой холодной коже.

— Ну, давай! — прошипел он. Кирилл отмахнулся. Дима схватил его за мосластое запястье, попытался силой впихнуть передатчик в вялую ладонь.

— Отстань, а? — Кирилл сжал кулаки и для надежности сдавил их коленями. — Дай отлежаться спокойно. Не собираюсь я помирать. А попить не осталось?

Дима вздохнул.

— Пароль скажешь? — безнадежно спросил он.

— Нет, конечно... Слышь, — Кирилл подергал его за рукав. — Дай попить, а?

Дима отодвинулся, вцепился руками в волосы. Кирилл убивал себя из-за упрямства, из-за того, что надеялся на друга, а тот в это время безмятежно рыбачил. Дима представил, что будет дальше, и его охватил почти животный ужас.

— Мы так и будем смотреть и ничего не делать? — спросила незаметно подошедшая Лера. Дима быстро взглянул на нее, и девушка отвела глаза. По впалым щекам прокатились желваки.

— Ты готова вызвать помощь вместо него?

Лера закусила губу. Глаза ее блестели от слез, но она лишь решительно замотала головой.

— Если он не хочет, то почему мы должны ради него от всего отказаться? — Она стиснула руки, перекручивая, выламывая пальцы. — Но неужели... я не знаю... хоть что-нибудь!

— Я знаю, где взять пресную воду, — не выдержал Дима. — Да не смотри так! Немного. И грязная она, но хоть что-то.

Тащить с собой целых четыре пятилитровые емкости казалось Диме глупым оптимизмом, но он не захотел расстраивать Леру заранее. Балансируя пустыми бутылками, они пробирались вдоль каменистого берега на запад: Дима не был уверен, что сумеет выйти к пересохшей реке напрямую через джунгли. Да и рисковать лишний раз не стоило. Диму передергивало всякий раз, когда он вспоминал, как слепо и бездумно продирался сквозь заросли. Ему просто повезло, что он остался цел и невредим. Повторять этот номер, да еще и вдвоем, не стоило.

Через двадцать минут валуны, усеивающие берег, расступились, и перед Димой и Лерой распахнулся узкий залив, плавно переходящий в речное русло. Дима решительно свернул, и они двинулись вглубь острова. Идти стало легко: дно реки было выложено, словно ступенями, широкими каменными плитами. Лишь изредка путь преграждали отдельные крупные валуны или трещины между камнями. Вмятины в базальте, похожие то ли на отпечатки чьих-то кошмарно тяжелых ног, то ли на следы гигантской ложки, были плотно забиты листвой и мусором. На дне их еще оставалась влага, но под солнечными лучами стоялая вода превратилась в подобие густой темно-коричневой микстуры, покрытой радужной пленкой. Над каждым из этих маленьких болотцев кружились плотные облачка мелкой мошкар.

— Это пить нельзя, — категорически сказала Лера, заглянув в очередное углубление. — Это не вода, это соевый соус какой-то.

Ее и без того резкие черты, казалось, еще больше заострились от разочарования и подступающего страха. Дима хотел было утешительно похлопать Леру по плечу, но девушка посмотрела на него, как на нашкодившего первоклашку, и рука опустилась сама собой.

— Надо идти дальше, — сказал Дима. — Выше русло сужается, там много тени. Еще вчера там были неплохие лужи. Ну то есть как, — он нервно усмехнулся, — вчера я решил, что из них пить нельзя, а вот сегодня уже кажется, что нормально, если вскипятить хорошенько. Надеюсь, они не успели пересохнуть.

Лера поморщилась и двинулась вперед, небрежно помахивая бутылками. Как Дима и предсказывал, река становилась все уже, джунгли подступали к ней с обеих сторон. Базальтовые плиты больше не обжигали ступни; по контрасту с нагретым на солнце камнем они казались почти прохладными. Но теперь приходилось идти медленнее: то и дело встречались завалы хвороста, голый камень все чаще скрывался под сухими листьями, и смотреть под ноги было необходимо все внимательнее. Лера незаметно, будто бы по чистой случайности, пропустила Диму вперед: то ли инстинктивно поддалась въевшейся привычке полагаться на мужскую защиту, то ли осознанно и расчетливо перекладывала риск на соперника. Дима не возражал. Ощущение, что он с островом заодно, хоть и притупилось, но никуда не исчезло, так что за себя он почти не боялся. Мог позволить себе хотя бы пару часов вести себя как нормальный человек, а не паук в банке. Передохнуть от бесконечных интриг и разборок.

Река превратилась в узкий, не шире пары метров ручей. Деревья, напивавшие с берегов, смыкались кронами, образуя сумрачный зеленый тоннель. Здесь было душно, как в бане; насыщенный запахами воздух стал таким влажным, что, казалось, оседал на коже мельчайшими каплями. Дима остановился у очередной ямы, наполовину забитой листьями.

— А здесь уже нормально, — сказал он.

Вода во впадине была темной, но прозрачной. Лера поглядела на нее с сомнением.

— Думаешь? Туалетная бумага-то кончилась, — хихикнула она, и Дима искренне рассмеялся в ответ.

— Можно подняться еще выше, — предложил он. Поколебавшись, добавил: — Помнишь, что говорил Николай? Я вот думаю — а вдруг источник восстановился, такое бывает. Вода может сразу уходить под землю...

Лера, как и он сам днем раньше, присела, приложила ухо к камням. Покачала головой:

— Я думаю, здесь вообще никаких источников нет.

— А откуда тогда река?

— В сезон дождей, наверное, вся вода стекается сюда. Вот и промыло...

Лера отцепила от пояса пустую жестянку и открыла бутылку. Решительно зачерпнула воду.

— Думаю, дальше идти нет смысла. Чаю бы сейчас... — мечтательно протянула она, когда коричневая струйка потекла из банки в прозрачный пластик. Лера выпрямилась, откинула со лба волосы. — А представляешь, как глупо получится, если, пока мы здесь бродим, лодка придет? Мы тут стараемся, болото вычерпываем, а они там продукты разгружают...

Желудок Димы сжался и заурчал так, что не сразу удалось сосредоточиться.

— Мы бы услышали мотор, — поразмыслив, сказал он.

— На берегу услышали бы. А здесь... — Лера пожала плечами. — Ты не веришь, что к нам приедут без вызова, да?

Дима молча кивнул.

— Я вообще-то тоже. Но какая же дрянь. Я имею в виду — он же не может не понимать...

— Да, — выдавил Дима.

Говорить о Пленском не хотелось. Конечно, приятно было бы поругать всласть сумасшедшего бизнесмена. Но на дне этого разговора таились, готовые броситься прямо в лицо, ужасающе гнусные знания о людях, обычно закопанные в чудовищной глубине. Как бы они ни лукавили, ни изворачивались, ни ввали друг другу и самим себе, обсудить Пленского, но увернуться от самих себя было, наверное, невозможно. И Дима не готов говорить об этом вслух.

— Стоит все-таки поискать источник, — сказал он, меняя тему.

— Ну, ищи, — равнодушно откликнулась Лера, зачерпывая новую порцию воды. — Я не хочу. Это ты у нас все время по лесу бегаешь, как подорванный, а мне здесь не нравится. Ненавижу все это. Грязно, душно. Ненавижу Азию. И вообще тропики. И лес этот гадкий. Меня тут от одних запахов тошнит, все гнилое...

— Ну да, пластиковый домик для Барби был бы лучше, — хмыкнул Дима.

Лера бросила на него сердитый взгляд, и он заткнулся. Поколебавшись, он все-таки решил пройти чуть дальше. Мало ли что скрывается за излучиной, а лишние полчаса ничего не меняют. Небрежно кивнув Лере, он двинулся вперед. За спиной журчала переливаемая в бутылку вода; поначалу звук казался гулким, громким, но стоило отойти — и он канул во влажную тишину. Будто закрыли за спиной обитую войлоком дверь, и Дима остался наедине с Кох-Нагом. Ему стало слегка не по себе, но возвращаться было стыдно. Упрямо прикусив губу, он запрыгал по камням.

Все-таки остров подыгрывал ему. Дима убедился в этом, когда увидел на берегу уродливый, смутно знакомый куст. Коричневый, облезлый ствол, пучок длинных, будто обтрепанных по

краям листьев торчит из макушки. Несмотря на прочно приклеившееся к нему прозвище, Дима плохо разбирался в растениях, но не узнать банановый куст было бы трудно. Не веря своему счастью, Дима подошел поближе, и ему открылись гроздья мелких, бледно-зеленых, словно выточенных из нефрита плодов, украшенные снизу жутковатым багровым цветком. Желудок ликующе взвыл.

На ходу открывая нож, Дима выбрался на берег. Банановые грозди походили на огромные, слишком тесные канделябры — плоды торчали плотными рядами, как толстые свечки. В каждой — килограмм десять, наверное. Вряд ли вкусно, но совершенно точно — съедобно и довольно питательно. Вроде бы зеленые бананы можно жарить, получится не хуже картошки... Встав на цыпочки, Дима перехватил ближайшую гроздь, провел ножом. Мерзко заскрипели под сталью плотные волокна. Дима принялся перепиливать их вслепую, сдувая с глаз мгновенно выступивший пот и стараясь не полоснуть себя по пальцам.

Руки успели затечь, когда банановая гроздь наконец с шумом обрушилась на землю. Дима радостно улыбнулся сам себе, помахал руками, разгоняя кровь. Воду нашел. Еду нашел. Да он молодчина... Что-то навязчиво шипело, как закипающий чайник. Звук не сразу дошел до сознания — Дима был слишком рад, слишком горд собой, — но в конце концов он опустил глаза, беспечно высматривая источник шума.

Глаза у нее были ярко-желтые, а зрачки — круглые, широкое, совсем не такие, какие обычно рисуют на картинках. В этих глазах Дима видел свою смерть. Она наполовину подняла туловище, раздутый капюшон пульсировал, будто от негодования, в распахнутой пасти трепетал раздвоенный язык. Вставшая в боевую стойку, она была не намного ниже Димы, и как-то сразу стало понятно, что это не просто кобра, от укуса которой спасет оставшаяся в лагере сыворотка. Королевская кобра — по

которой нет медицинской статистики, потому что лечить после ее укуса некого... А Дима воображал, что он в сговоре с Кох-Нагом. Какая глупость... Змеиный остров, не человеческий. Это кобра находилась на своей территории — и готова была оборонять ее от самодовольного незваного чужака.

Стараясь не дышать, Дима мучительно медленно шагнул назад, плавно перенес вес. Главное — не делать резких движений. Никаких резких движений... Кобра, покачиваясь, смотрела ему прямо в глаза, он видел ее похожие на кривые пиратские сабли клыки в приоткрытой, ядовито-розовой пасти. От ужаса казалось, что оскаленная голова змеи находится прямо на уровне его лица. Не делать резких движений. Еще один шаг, и он спасен. Всего один шаг. Она не станет преследовать, ей надо только, чтоб он убрался с ее территории. Обливаясь ледяным потом, Дима переставил ногу, вздрогнул, почувствовав что-то влажное. Ступня заскользила на гнилом листе, и Диму рефлекторно бросило вперед.

Движение змеи было таким стремительным, что он не успел его заметить. Миг — и бедро пронзила острая боль, а кобра уже снова стояла на хвосте, глядя ему в глаза. Пронзительно вскрикнув, Дима отшатнулся, упал на спину, пополз, обдирая локти. Он понимал, что уже поздно, что он все равно что мертв и уже не спастись, но взбесившееся от страха тело требовало убраться подальше, и он продолжал ползти спиной вперед, пока кобра не опустила голову. Поблескивающее чешуей тело легко изогнулось; пара стремительных движений — и змея растворилась в зарослях, как будто ее и не было.

Дима прижал кулак к рваной ране над коленом и заплакал.

— Ты чего орал? О, бананы!

Не обращая внимания на сидящего на камне Диму, Лера радостно бросилась к срезанной грозди.

— Стой! — дико закричал Дима. Лера застыла в полунаклоне, с замершей на весу ногой. — Назад, — скомандовал он. — Медленно.

Лера попятилась.

— Змея? — мигом охрипшим голосом спросила она.

Дима кивнул. Из-под растопыренных пальцев текла кровь, но никакой особенной боли не было. Словно его обкололи новокаином: и тело, и мозг онемели, утратили чувствительность. Еще десять минут — и он умрет. Наверное, надо что-то сделать, но он не знал что.

Лера наконец заметила потеки крови на его колене. Ее зрачки испуганно расширились.

— Укусила? — Она со свистом втянула в себя воздух, прижала зубами костяшки пальцев. — Так. Сиди. Я принесу рацию и противоядие, я быстро, мы тебя перетащим...

— Нет! — крикнул Дима, увидев, как она поворачивается спиной.

Лера изумленно оглянулась:

— Ты не дойдешь, так будет быстрее...

— Нет. — Дима стиснул кулак, продираясь сквозь немоту, как через упругую, плотную пленку. — Не поможет. Не успеешь. Это кобра, королевская кобра, это...

Дима в отчаянии замолчал, понимая, что говорит не то, что еще немного — и Лера перестанет его слушать, бросится за бесполезной помощью. Он застонал от усилия, пытаясь сосредоточиться на нужной мысли, подобрать правильные слова.

— Я пошла, — тихо сказала Лера, и Дима, собрав в кулак все силы, вскочил и схватил ее за руку.

— Останься со мной, — пробормотал он. — Пожалуйста, останься.

— Тебе нужна помощь...

— Нет. То есть да, нужна, но не так, ты не понимаешь, это королевская кобра... Останься со мной! Не хочу один... — Дима собрал в кулак остатки мужества. — Мне страшно, понимаешь? Страшно быть одному... в конце.

Только теперь до Леры начало доходить.

— Ты хочешь сказать... — Она оборвала саму себя, покачала головой: — Да нет же, просто нужна сыворотка и в больницу!

— Это королевская кобра. Десять минут. У меня десять минут, понимаешь? Всего. Я не хочу один.

Дима осел на землю и уткнулся лицом в ладони.

— Очень страшно, — пожаловался он. — Ты посиди со мной, а?

Лера, бледная, как ночной призрак, медленно опустилась рядом. Взяла его за руку — Дима с судорожным вздохом стиснул тонкие, восхитительно живые пальцы.

— Тебе больно?

— Нет, не очень, — с легким удивлением ответил Дима. — Только очень страшно. Так глупо получилось, — пробормотал он. — Так глупо... А я думал, что выиграю. Уверен был, что выиграю... Не может такого быть.

Дима порывисто вскочил, так быстро, что Лера едва не упала.

— Слушай, может, просто кобра была, а? Просто крупная очень. Тогда мне нельзя тут сидеть! Надо быстрее сыворотку...

Он, сильно хромая, сделал несколько шагов. Лера догнала его, подставила плечо.

— Дима, не важно, какая кобра, тебе все равно нельзя двигаться, — сказала она. — Ты так только яд сильнее разгонишь. Давай я позову помощь. Я все принесу. Ты же можешь подождать, правда?

Дима почувствовал, как его охватывает гнев.

— Давай, вали, — злобно сказал он. — Проваливай. Не забудь с остальными радостью поделиться: одним конкурентом

меньше. И обратно торопиться не надо, а то придется еще смотреть, как я подышаю, не для нежных барышень зрелище...

— Ты все не так понял, — жалобно проговорила Лера. — Ну что я могу для тебя сделать?

— Умирающим я тебе больше нравлюсь, да? Можно даже похныкать надо мной пять минут. Отложить радость на потом, да?

— Дима...

Он снова сел. Мышцу бедра дергало, как больной зуб. «Что я несу, — подумал Дима. — Неужели стоит провести в ссоре последние пять минут жизни?»

— Извини, — глухо сказал он.

— Так что мне делать? — спросила Лера. — Что ты хочешь?

— Останься со мной, пожалуйста. И прости... Я, наверное, все это заслужил. Вел себя как последняя сволочь. Если бы я мог все исправить... Слушай, ты скажи Кириллу, что я у него прощения просил. И чтобы он вызвал помощь, оно того не стоит. Не стоит умирать, я-то ладно, я уже все, но он... И еще.

Дима замолчал. Он снова весь онемел — видимо, действовал яд. Еще немного, и парализованное сердце замрет навсегда. Между камнями трепетала паутинка, радужно переливаясь на черном фоне. Лист под ногой походил на кусок толстой кожи, коричнево-багровый, покрытый математически четким узором болотно-зеленых прожилок. Камень, на котором сидел Дима, вовсе не был сплошь черным: он состоял из крошечных крупинок, и каждая поблескивала гранями — темно-серыми, зеленоватыми, густо-красными, как вино. Как красиво. Как жалко... На какой-то миг Диме показалось, что стоит отдать фигурку Лере — и он очнется, как от страшного сна, и окажется, что не было никакой змеи, а может, даже никакого острова. Лера распорядится кальмаром умнее, чем он, и сумеет выиграть. Если, конечно, остров не разочаруется и не предаст ее, как предал Диму. «Это мне за Кирилла, — подумал он. — И за девчонок...

но с ними я не знал, что так выйдет, а с ним — мог понять заранее. Правильно меня. Пусть лучше Лерка...»

— Хочу, чтобы выиграла ты, — сказал Дима. Мысли разбежались, глаза застилал серый туман. — Пароль я тебе не оставляю, пусть меня заберут вместе с девчонками, отдельно не надо заморачиваться, ладно? А то получится, что я сдался. Не хочу так.

— Готов кормить крабов? — спросила Лера, и ее передернуло. — Ты вообще помнишь, на что мы играем?

— На работу у Пленского, — автоматически ответил Дима. Смысл собственных слов не сразу дошел до него. Поняв, что сказал, он нервно засмеялся. Осекся, увидев шок в глазах Леры. — Я хотел... не отвлекай...

Он потерял лоб, пытаясь уловить мысль, но картина объедающих его плоть раков-отшельников не шла из головы. Пойдет на корм... а собственно, уже пошел. Дима поднял голову.

— А помнишь, Николай... а, тебя там не было. Мы с Олей остались. — Он судорожно вздохнул, вспомнив разметававшие по песку рыжеватые волосы. — Так вот, Николай говорил, что змеиный яд — это почти желудочный сок. — Дима содрогнулся. — Меня... меня сейчас переваривает. А я ничего не чувствую... Так странно.

Вроде бы он не то хотел сказать, а о чем-то другом, по-настоящему важном, но в голове нудной пластинкой вертелось: змея там, в кустарнике рядом с бананом. А я здесь. Я всего лишь хотел есть, и теперь меня переваривает заживо... Дима вцепился в волосы, удерживая позыв к рвоте. Его охватил животный ужас. Глаза лезли из орбит.

— Подожди-ка, — вдруг нахмурилась Лера и прищелкнула пальцами. — Я что-то такое читала... Подожди. Что-то же читала такое...

Девушка сжала виски ладонями, прикрыла глаза. Потом вдруг холодно, оценивающе взглянула на Диму.

— Вообще, извини, что-то не похоже, чтобы ты умирал, — недовольно проговорила она.

В ее голосе чудилось возмущение, необъяснимая претензия, и, как ни странно, это заставило взять себя в руки. Дима печально рассмеялся.

— Ну, ты потерпи чуть-чуть, — кротко сказал он. — И да, я хочу, чтобы ты выиграла, так что...

Лезть левой рукой в правый карман было неудобно, но он боялся оторвать руку от раны и, весь перекосившись, никак не мог нащупать фигурку кальмара. Времени оставалось совсем мало, а ведь надо еще рассказать, объяснить, что к чему.

— Я тебе одну вещь дам, только... — бормотал он, изгибаясь и все промахиваясь мимо входа в карман. — Ты только выслушай внимательно, не думай, что я брежу, я пока еще что-то соображаю...

— Я вспомнила, — перебила Лера. Встала, сердито уперла руки в бока. — Ты, ипохондрик несчастный!

Дима покладисто кивнул. Отрицание — естественная стадия горя. Ей, конечно, особо горевать не о чем, но они все-таки живые люди, как бы Пленский ни добивался иного...

— Она тебя покусала, придурок! — крикнула Лера. Дима удивленно кивнул:

— Я понимаю.

У бедной девочки шок... Зря он так. Повел себя как эгоист. Надо было дать ей убежать за помощью и не заставлять смотреть, как он умирает.

— Покусала, как злая собака! — выкрикнула Лера и слегка топнула ногой. — Кобры не расходуют яд просто так, он им нужен для охоты! Для обороны... они просто кусаются. Кусаются, понимаешь, не жалят! Тебе йод и пластырь нужен, ты, кретин помирающий!

«Очень благородные звери, всегда предупреждают перед нападением», — прозвучал в голове спокойный, почти нежный

голос Николая. Дима, не веря, убрал руку с раны. Она все еще кровоточила, кожа вокруг слегка покраснела, но — никакой опухоли, никакого отека. Он прислушался к ощущениям. Укус болит, и довольно сильно. Как глубокий порез, например... Очень хочется есть. Еще больше — пить. Прилечь тоже хочется, мышцы мелко дрожат от усталости и нервного возбуждения — еще бы, напряженное вышло утро. А укус очень даже болит, но, помнится, когда Диму покусал соседский кот со сварливым характером, было намного больнее...

Дима посмотрел на Леру и глупо ухмыльнулся.

— Болван, — бросила девушка.

Она была в ярости. Она была настолько зла, что, казалось, вот-вот сама начнет кусаться. И за ее бешенством и злостью так легко угадывались обманутые ожидания, досада на напрасно потраченные силы и время.

— Извини, что разочаровал, — процедил Дима и встал. — Ну что, воду понесем или подождем, пока Кирилл загнется? Тебе же не принципиально, в какой очереди?

— Скотина, — едва выговорила Лера и залепила ему пощечину.

ГЛАВА 11

СЛИШКОМ ПРИСТАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Раскрасневшаяся от жара, Лера сидела над костром, придерживая несколько закипающих жестянок с темной, мутноватой водой. Рядом дожаривались на прутиках последние бананы. Отойдя от испуга, Дима сообразил, что срезанная гроздь отлетела к камням и ее можно забрать без риска для жизни: на русло пересохшей реки кобра не претендовала. На вкус мелкие зеленые плоды напоминали мыло, и от них страшно вязало во рту. Рыбалка не удалась, единственной добычей оказался крупный краб, которого зажарили и съели еще до того, как Дима с Лерой вернулись из похода за водой. Теперь его узорчатый панцирь медленно обугливался на краю кострища. Вова, правда, не собирался бросать попытки раздобыть съестное. Он нашел на скалах обрывки рыбацкой сети и теперь сооружал замысловатую ловушку, но на его лице было написано явное сомнение.

Еще в двух посудинах вскипела вода, и Лена палкой отодвинула их в сторону от огня. Кирилл жадно наблюдал за ней, подергиваясь от нетерпения. Не выждав и пары минут, он схватил ближайшую банку.

— Осторожно! — испуганно вскрикнула Лера.

Кирилл зашипел и выронил жестянку с кипятком.

— Не остыло же еще, — раздраженно сказал Антон, на которого попало несколько горячих брызг.

— Я заметил, — буркнул Кирилл и потянул к себе бутылку.

— Не надо, — попыталась сказать Лера и виновато осеклась: Кирилл одарил ее таким взглядом, что едва не испепелил на месте. Сырая стоялая вода громко забулькала, переливаясь в его пересохший рот.

— Да ладно, без разницы уже, — негромко сказал Вова. — Может, хватит дурака валять, а? — спросил он у Кирилла. Тот махнул рукой, не в силах оторваться от питья:

— Сейчас...

Напившись, Кирилл исподлобья, как-то смущенно уставился на рацию. Взгляд у него был странноватый, какой-то расфокусированный и в то же время ужасающе сосредоточенный. Черты здоровяка заострились, и сероватая кожа на некогда круглом лице обвисла глубокими складками.

— Ну что? — не выдержал Антон.

— Сейчас, — повторил Кирилл, тяжело поднялся и, едва переставляя ноги, побрел по уводящей в джунгли дорожке.

Диму охватили дурные предчувствия. Он вдруг понял, что Кирилл не позовет на помощь. Найдется тысяча причин, по которым он не сможет или не захочет спастись, и только Дима будет знать правду: Кох-Наг не отпускает свои жертвы.

Дима потрянул головой, отгоняя подступающее безумие. Нельзя сваливаться в мистику. Он должен быть холоден, логичен и расчетлив, иначе просто не выживет. Чтобы сориентироваться, зацепиться за ускользающую реальность, Дима покосился на Вову. Тот хмурился, полностью погрузившись в какие-то невеселые размышления. Возможно, они думали об одном и том же: Кирилл уже не может осознать опасность и позаботиться о себе. Кто-то должен выменять его жизнь на свою победу. Только вот найдется ли среди них тот, кто согласится? Или... Дима, сам не понимая, что делает, упрямо мотнул головой. Нет, до такого не

дойдет, конечно. Если никто из них не захочет, если они еще большие сволочи, чем кажутся, — что ж, он спасет несчастного дурака сам.

А пока надо было позаботиться о себе. Вернувшись в лагерь, он не сказал о змее ни слова. Никто и не спрашивал, но на всякий случай Дима мимоходом соврал что-то о торчащей на пути и незамеченной ветке. Почему промолчала Лера, он не понимал. Может быть, просто от равнодушия. Сам же Дима даже заикаться об этой истории не хотел. При одной мысли о том, как он распустился перед этой ледяной стервой, его начинало скручивать жгутом от стыда и гнева. Пока он распинался и хватался за ее руки, Лера спокойно, терпеливо дожидалась его смерти. И как же взбесилась, когда поняла, что не дождет-ся! А он ей чуть кальмара не отдал... Сны, в которых Дима являлся на экзамен голым, были лишь жалким подобием того, что он чувствовал сейчас. Да еще в глубине души ныло и зудело какое-то стыдное, трусливое сожаление: ничего не кончилось. Надо действовать дальше, снова мучительно напрягать мозг и душу, снова выбирать... Дима и не думал, что настолько устал.

Собравшись с духом и беззвучно подвывая, он смыл подсохшую кровь морской водой, а потом вылил на укус полпузырька перекиси. Щипало страшно, почти до слез. Раны, оставленные змеиными зубами, были глубокие и на вид довольно жуткие. Дима на секунду представил, что было бы, не пожалей кобра яда, и его охватила томительная слабость. Кое-как взяв себя в руки, он решительно прилепнул сверху пластырь. Ну вот и все, если повезет и обойдется без инфекции, то через пару недель от страшных кровавых дырок останутся лишь розоватые шрамы. Укушен королевской коброй — и остался не только жив, но и здоров. Да он счастливчик. И это неспроста. Все — неспроста. Кох-Наг напомнил ему, что не стоит размякать и думать

о людях лучше, чем они есть. Жестоко, но действенно. Ярость Леры, осознавшей, что яда не было, Дима не забудет.

— Кто здесь? — послышался глуховатый возглас Кирилла.

Дима удивленно осмотрелся: все на месте. Антон с усталым, раздраженным недоумением крутит головой. Лера, прикусив губу, склонилась над костром. А Вова как будто ожидал чего-то подобного — и теперь прислушивался внимательно, но спокойно.

— Кто здесь? — снова вскрикнул Кирилл. — Ну хватит меня разыгрывать, — хныкнул он.

Поддерживая спадающие шорты, Кирилл вывалился к костру. Его круглый живот сдулся и обвис, как проткнутый воздушный шарик. Остановившись поодаль, Кирилл обвел сидящих у костра людей глазами и беззвучно зашевелил губами — видимо, пересчитывал. Подсчеты его смутили, и парень испуганно обернулся на джунгли.

— А там кто ходит? — он ткнул большим пальцем через плечо, указывая на заросли.

— Мы ничего не слышали, — ответил Вова.

Кирилл недоверчиво покачал головой, нервно косясь на подступающую к лагерю стену деревьев.

— Кто-то ходит, — упрямо повторил он. — Я думал...

— Что? — спросил Антон, не дождавшись продолжения.

— Я думал, Ирка, — проямлил Кирилл.

Дима до хруста сжал челюсти. Им овладел свинцовый ужас — но в нем не нашлось ни намека на удивление. Он был готов к этому с тех пор, как потустороннее мстительное нечто вынудило его отравить Кирилла. Злые духи ждали своего. Им не терпелось.

— Ира умерла, — проговорил побледневший Антон.

— Так в том-то и дело! — живо откликнулся Кирилл. — Вот и я думал, что умерла. А потом смотрю: Ирка! Не до конца, наверное, умерла...

— Так, — подскочил Антон. — Ты сейчас берешь рацию, давишь на кнопку, говоришь пять циферок...

Он схватил передатчик и всунул его в широкие ладони Кирилла. Тот послушно взял рацию, повертел ее в руках и смущенно отложил в сторону.

— Ну, знаешь, — начал заводиться Антон, — если ты уже совсем ничего не соображаешь...

Кирилл поднял на него грустные, как у бездомного пса, глаза.

— Не помню я, — ответил он. — Не могу вспомнить, ясно?

Кирилл с безумной надеждой смотрел на Антона. Тот встал, присел к костру, бессмысленно поправляя тлеющий хворост. Кирилл молча следил за ним взглядом. Он снова неприятно напоминал бультерьера — безмозглую, преданную псину, свято уверенную в том, что хозяин знает, как надо, что хозяин сделает так, чтоб все было хорошо...

Под этим безмолвным давлением движения Антона становились все более порывистыми. Не выдержав молчания, он резко отодвинул жестянку с кипяченой водой, сердито заговорил:

— Ну что ты на меня палишься, у меня на лбу твой пароль написан? Вспоминай давай. Включай голову. Ассоциации используй, ну? Вспомни, как бумажка выглядела...

— Ты можешь, — мягко произнесла Лера. — Говори все, что в голову придет, устроим мозговой штурм. Давай. Желтоватый квадратик бумаги для заметок, сложенный вчетверо... в середине — ручкой написано пять цифр. Вспоминай. Оно округлое было? Прямое?

Кирилл зажмурился, замотал головой.

— Я еще тогда сказал, что мне больше воды надо, — плачуще выговорил он, — а вы не поверили, скандалить начали... Накинулись на меня всей своей бабьей компанией.

Лера брезгливо скривилась, но промолчала.

— Забудь про баб, Кирюха, мы тебе помочь хотим. Ну, вспомни, как листок выглядел?

— Да ну вас, — с внезапно прорезавшейся агрессией рявкнул Кирилл. — Говорю, не помню, что пристали? Лишнего глотка для меня пожалели, а теперь лезете...

Он вскочил, будто обретя прежние силы, и, сутулясь, почесал в заросли.

— Он же дурака валяет, правда? — обалдело спросил Антон, ни к кому конкретно не обращаясь. — Как он мог пять цифр забыть?

— Да так, — с досадой бросил Вова. — Обезвожен, мозги отказывают, уже вон параноить начал... А ты что думал, сказки?

— Ты о чем вообще? — не понял Антон.

— О том, что люди от морской воды с ума сходят. От обезвоживания мозги клинит, понимаешь? Даже от легкого. Еще немного — и у нас тоже крыши протекать начнут. Если уже не начали... А Кирилл готов. Мертвецов уже видит.

— Ну и ладно, — передернул плечами Антон. — Пусть только пароль вспомнит.

— А если не вспомнит?

Никто не решился на это ответить. В повисшей над лагерем вязкой тишине было слышно, как что-то шуршит в кустарнике.

— Что он там делает вообще? — нервно спросил Антон, нарушая тяжелое молчание.

— У него понос, — сухо напомнила Лера.

Антон с сомнением покачал головой, прислушиваясь к подозрительным звукам.

— Похоже, он там просто так по зарослям мечется, — неуверенно проговорил он. — Опять, что ли...

Его оборвал дикий, полный ярости и страха вопль, подбросивший всех с мест.

— Перестаньте смотреть на меня! — орал Кирилл. — Чего вылупились, гады? Уйдите от меня!

Лера в ужасе прижала ладонь ко рту. Не сговариваясь, парни бросились на тропу. Сумрачные заросли гудели и жужжали, как трансформатор, и Дима не сразу понял, что это кружатся в воздухе тучи и тучи мух. Преодолевая легкую дурноту, он остановился, пытаясь определить направление. Треск ломаемых веток доносился откуда-то слева; судя по звукам, Кирилл наконец-то нашел себе достойного противника.

— Оставьте меня в покое, не смотрите! — снова взревел он.

Снова треск, глухие удары. Волосы Димы встали дыбом — он вдруг понял, с кем дерется Кирилл. Позвоночник превратился в кусок льда, и Дима покачнулся, раздираемый желанием бежать, бежать прочь, часами, километрами, лишь бы оказаться подальше от того, что напало на Кирилла. Он всхлипнул от усилия, чувствуя, как рвутся в душе какие-то тайные жилы, но все-таки взял под контроль обезумевшее от животного страха тело. Дима понимал, что это ненадолго; если он не сообразит прямо сейчас, что происходит, — его захлестнет черной волной слепой паники, и он захлебнется в собственном страхе. Но ничего правдоподобного в голову не приходило.

— Ах ты ж урод! — внезапно воскликнул стоящий рядом Антон с неуместным восторгом. — Ну каков козел, а?

— Ты о чем? — хрипло спросил Вова.

— Да Пленский же! Какая скотина...

Дима сипло хихикнул от облегчения. Пленский! Он совсем про него забыл, а зря, совершенно зря. Нет, лично, конечно, Пленский сюда не потащился. Отправил на остров наблюдателей, чтобы те докладывали, как дела у закрытых в банке пауков. Дима представил, каково это: у тебя понос, а кто-то пялится из кустов... Трудно придумать что-нибудь унижительнее. Любой бы взбесился!

— Оля, я тебе ничего плохого не делал, — донесся ноющий голос Кирилла, — мне просто вода нужна была, понимаешь? Я же не виноват, я тебя не обижал... Не смотри... Не трогай меня!

— А хорошая была версия с Пленским, жаль только, что неправильная, — подвел итог Вова. — Пойдемте уже...

Приволочь дрожащего, вяло отбивающегося Кирилла в лагерь оказалось не так уж просто. Несмотря на страшную потерю воды, весил он все еще довольно много, а идти сам практически не мог: боялся повернуться спиной к наполненному галлюцинаторными призраками полумраку. В конце концов ему позволили пятиться, лишь слегка поправляя и придерживая, чтобы не терял направление. Добравшись до стоянки, Кирилл впал в апатию и только тихо поскуливал, раскачиваясь, как китайский болванчик. Иногда он принимался бормотать и пугливо оглядывался: видно, злые духи продолжали преследовать его.

Лагерь погрузился в угрюмое молчание. Вскоре Дима понял, что не может больше терпеть, и принялся судорожно выдумывать достойный подвод для того, чтобы сбежать. Уйти просто так казалось неправильным. Все равно что спрятать голову в песок. Вот если сначала объяснить себе и другим, что в песке прячутся совершенно необходимые всем червяки, — тогда нормально...

— Слышь, Тоха, — вдруг произнес Кирилл ясным, спокойным голосом, голосом совершенно вменяемого человека. — Ты лодку-то вызовешь?

Антон дернулся, как от пощечины.

— А ты что, так и не вспомнил? — спросил он, пряча бегающие глаза.

— Нет. И не вспомню уже, кроет меня, сам видишь. Так вызовешь лодку?

Антон не ответил. Его губы нервно подергивались, руки бессмысленно шарили вокруг — то теребили край штанины, то сколупывали корку с подсохшей царапины. На миг он рискнул поднять глаза, но, встретившись взглядом с Вовой, снова потупился и судорожно сглотнул.

— Ты не волнуйся, Кирюха, — пробормотал он. — Все нормально будет, мы тебе помереть не дадим.

— «Мы»? — тихо переспросил Кирилл.

— Ну да, мы все, — с противоестественной бодростью подтвердил Антон. — Не переживай.

— А лодку-то вызовешь?

— Все нормально будет, — повторил Антон. — Не волнуйся.

Кирилл снова обмяк и погрузился в подобие транса, лишь изредка приходя в движение, чтобы отхлебнуть еще пару глотков воды. Вова рассматривал Антона как отвратительное, но занятное насекомое. Враждебно покосившись на него, тот снял с прутика последний запеченный банан и принялся тщательнейшим образом очищать его от кожуры.

Из горла Кирилла вырвался сдавленный звук. Он судорожно захлопал ладонями по песку, будто пытаясь нащупать что-то вслепую, и кое-как поднялся на ноги.

— Извините...

— Погоди-ка, — Вова придержал его за локоть. — Ножик положи только — и иди, хорошо?

Кирилл попытался удержать нож, но сил у него больше не было, и Вова легко разжал холодные пальцы. Какое-то время казалось, что теперь Кирилл никуда не пойдет: побоится отходить от лагеря без оружия. «Они же смотрят», — потерянно пробормотал он, умоляюще протянул руку, но Вова с громким щелчком закрыл нож и убрал его в карман. «Ладно, обойдусь», — еле слышно проговорил Кирилл себе под нос.

— Димка... — тихо окликнула Лера, когда Кирилл скрылся из виду.

Дима вдруг понял, что все уставились на него, и ему стало не по себе. Он вопросительно приподнял брови, но все молчали, лишь смотрели пристально, будто ожидая чего-то. Как злые духи, глядящие на Кирилла из-за ветвей...

— Димка, — повторила Лера, и до него наконец дошло.

Он невольно отодвинулся назад, чувствуя себя загнанным в угол зверем. Все считают, что именно он должен выйти из игры, чтобы спасти этого несчастного. Ни тени сомнений, ни намека на лукавство: пустые, непроницаемые в своей уверенности лица. Им даже не пришлось сговариваться — все произошло само собой. Они все решили за него и ни на йоту не сомневаются, что он подчинится. Какое-то безумие, вязкий, невозможный кошмар, но проснуться никак не получается. Дима почувствовал, как его захлестывает бессильное бешенство.

— Может, мне еще вторую щеку подставить? — проговорил он. — Чувак три дня использовал меня как боксерскую грушу, а мне теперь милосердие проявлять? Вы совсем сдурели?

Все та же спокойная уверенность в ответ. Других вариантов для них просто не существует. Проснуться бы... да что ж это такое творится?!

— Ну, просто ты выглядел порядочным человеком, — сказала Лера, — вот мы и решили... — Она разочарованно пожала плечами.

Дима открыл рот. Закрыл, так ничего и не сказав, не находя слов.

— Давай, Димон, не тяни, — подтолкнул его Антон. — А то он помрет, пока ты выделяешься.

— А почему не ты? — хрипло спросил Дима, чувствуя, как от абсурдности происходящего начинает кружиться голова.

— А что я-то? — отшатнулся Антон.

— Ты же его друг!

— Ты что-то путаешь. Он сам ко мне прилип, как жвачка, я его не просил. Чего вы мне его навязываете, что я, отвечать за него должен? Я не обязан, понятно? Димон, говори уже пароль, а? Достал тут рассусоливать.

Дима хрипло рассмеялся.

— Тебе еще и смешно? — с отвращением выдавила Лера.

— Звони уже, чего ты его время зря тратишь, — подхватил Антон. — Совесть у тебя есть?

— Бред какой-то, — пробормотал Дима, ни к кому не обращаясь. — Полный бред.

— Хватит отмазываться, — брезгливо бросила Лера. — Ну, не тормози, кнопку нажал — и...

Ее прервал дикий рев. Никто не успел среагировать — свистнуло, рассекая воздух, лезвие, и Вова покатился по песку, прикрывая голову руками. Кирилл выскочил из джунглей со злобной, хитрой ухмылкой, крепко сжимая острогу, готовый прыгнуть на врага.

— Вот она! — выкрикнул он и нанес удар в пустоту. Растерянно хныкнул, потеряв равновесие, но тут же снова вскочил с колен. — Сзади, Тоха, осторожно! — завопил он.

Дима забился за бревно. Острога рассекала пространство хаотично и непредсказуемо, и он никак не мог выбрать момент, чтобы остановить безумца и при этом умудриться не попасть под удар. Кирилл снова захныкал, как обманутый ребенок. Дима рискнул выглянуть из укрытия — и едва успел нырнуть обратно, когда сверкающая сталь полетела ему прямо в переносицу.

— Говорю, не лезьте ко мне, — взвыл Кирилл, — отстаньте, отстаньте, ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!!!

Раздался громкий треск, и Кирилл с тяжелым вздохом осел на землю.

Лера отбросила увесистое полено, недовольно поморщилась, вытянула перед собой ладонь:

— Ну вот, занозу посадила. Как думаете, отпустит его, когда очнется, или снова кидаться станет?

— Черт знает, может, и притихнет. — Антон окинул лежащее перед ним тело задумчивым взглядом и дернул щекой. — Как бы с концами не притих, вот о чем волноваться надо. — Он выразительно покосился на Диму, и тот отвернулся.

— Народ, а у нас юристы остались? — внезапно спросил Вова.

— А что? — насторожился Антон.

— А то, что, кажется мне, это — статья...

Лера взглянула на него исподлобья, мрачно высасывая из пальца занозу, промычала что-то невразумительное.

— Извини, что? — не расслышал Вова.

— Какая статья... самооборона в чистом виде, — поморщился Антон. — Она ему в пупок дышит, никто и не подумает, что сама начала.

Лера шумно выплюнула извлеченную наконец из-под кожи щепку, холодно сообщила Вове:

— Я говорю — может, мне и тебя по голове стукнуть, чтобы чепухи не нес?

— Да я о другом, — махнул рукой Вова. — Он сам любитель кулаки почесать, тут и говорить не о чем. Только... вы же понимаете, что без помощи он не выживет?

— Так объясни Димону, он у нас, видно, тупой, не понимает.

— Бросай мутить, — брезгливо поморщился Вова. — Это называется — оставление в опасности, что-то в этом роде.

Антон с минуту пристально смотрел на него, нервно подергивая носом. Потом вдруг вскочил, схватил пустые бутылки.

— Слышь, Димон, — отрывисто окликнул он, — ты где воду брал, расскажи, а? Еще надо принести.

— Я тебе покажу, — немедленно вызвалась Лера.

Вова тяжело вздохнул.

— Вообще-то я другое имел в виду, — пробормотал он будто сам себе, а потом четко произнес: — Достаточно воды вы вдвоем не унесете, я помогу.

Дима ощутил мелкую, противную дрожь под ложечкой. Неохотно встал, нагнулся, поправляя повязку. Смутно обрадовался, ощутив ноющую боль в разбитой Кириллом губе. В ней было что-то утешительное.

— Бананы почти все съели, — твердо проговорил Дима. — Надо еще.

Вова медленно кивнул.

— Жестянки возьмите, воду черпать, — сказал Дима.

Он принялся выгребать остывшие консервные банки из кофра. Бросил одну Лере — та неуклюже вскинула руку, занятую бутылкой. Жестянка с гулким дребезжанием отлетела в сторону. Кирилл вздрогнул, будто напуганный резким звуком, жалобно застонал. Заворочался, хватаясь за затылок и пытаясь при-
встать.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Извини, мне пришлось, — бойко ответила Лера без тени сожаления. — Ты злых духов гонял, видишь ли.

— Что за чушь? — возмутился Кирилл. — Какие, к черту, злые духи... Кто-то ходил там в кустах, Ирка, кажется. — Он за-
тряс головой. — Да нет, чепуха. Не бывает никаких злых духов, что вы мне голову морочите.

— Вот именно, не бывает, — кивнул Антон. — Это у тебя во-
ображение разыгралось.

— Приглючилось что-то... — грустно протянул Кирилл. По-
том подобрался: — Но мы же все видели! Вы тоже видели! Тогда, в грозу... помните, Ирка вопила? А теперь сама из кустов смо-
трит... — Он вдруг всхлипнул.

Дима содрогнулся от ужаса и сочувствия. Те жуткие рожи во тьме... Он сам бы сейчас сходил с ума от мертвящего страха, если бы не знал правду. Удивительно еще, что остальные как-то держатся. То ли владеют собой так, как Диме и не снилось, то ли сумели вытеснить из памяти всякий намек на ту жуткую ночь... А Кирилл сходит с ума от обезвоживания, его умирающий мозг уже не может работать рационально и порождает все новые кошмары. Если бы он знал то, что знает Дима, то, может быть, не мучился бы так.

— Что-то сказать хочешь? — прищурился Вова.

Дима не выдержал.

— Кирилл, — негромко окликнул он, — послушай меня. Мы все видели... — Он умолк, раздираемый сомнениями. Его рациональная часть требовала придержать информацию. Кирилл смотрел на него с жадной надеждой. Если бы можно было рассказать ему одному — Дима не колебался бы не секунды. Но облегчать заодно жизнь и другим...

— Так что? — надавил Вова.

Дима вздохнул.

— Мы видели пакеты, Кирилл. Пустые пакеты, застрявшие в кустах. Помнишь, какой ветер был? Вот их и закинуло... А я на следующее утро нашел.

Он зашарил по карманам и вытащил аккуратно сложенный пакет, о котором успел намертво забыть, — как будто кусок дражного пластика мог что-то доказать. Как ни странно, Кирилла это успокоило.

— Пакеты? — переспросил он. — Вот это да... А мы чуть в штаны не наложили! Из-за пакетов, вот прикол, а? — Его изнуренное лицо осветила тусклая улыбка.

— Ну спасибо, что хотя бы сейчас рассказал, Димочка, — прошипела Лера, отводя глаза. — Какая же ты сволочь... я заснуть не могла...

Она сердито взмахнула жестянкой, все еще зажатой в руке, и Кирилл вдруг спохватился:

— Ребята, а вы куда? — тихо спросил он. Обвел их мутными, испуганными глазами.

— Кирюха, ты не волнуйся, лежи, пей, хорошо? — зачастил Антон, отводя глаза и суетливо облизывая губы. — Пей вволю, тебе надо. А мы еще принесем, понятно?

— Я с вами пойду, — в ужасе пробормотал Кирилл. — Я не хочу здесь один оставаться, я боюсь.

— Нечего бояться, — ласково, но строго ответила Лера. — Все будет хорошо, мы принесем воды, ты напьешься, полежишь... Все будет хорошо, не бойся.

— Да нет же. Я... — Кирилл смущенно замолчал, потом шепнул: — Я духов боюсь. Вы уйдете, они сразу полезут. Сами видели же, они меня убить хотят. Вас они боятся, а меня не слушают совсем... Смотрят отовсюду.

— Кирюх, ты же нормальный мужик, ну какие духи, что ты как баба? — укорил Антон. — Договорились вроде бы, что никаких духов нет. Успокойся, мы скоро придем, все нормально. Совсем скоро придем, заскучать не успеешь.

Кирилл посмотрел на него и отвел глаза. Это казалось невозможным, но его изрезанное глубокими складками, как у старика, лицо побледнело еще больше. Он все понял, догадался Дима. Он знает.

Серые губы Кирилла затряслись, кадык прокатился под обвисшей кожей. Он тяжело опустился на песок, свернулся клубком, выставив мокрую от пота спину.

— Ладно, — глухо проговорил он, не оглядываясь. — Только вы побыстрее, хорошо? Вы же быстро, правда?

— Конечно, — кивнул Вова.

— А я тут подожду...

Кирилл обхватил себя руками и затих.

— Сюда, — шепнула Лера и нырнула под древесный ствол, отделяющий от них западную часть острова.

Они успели отойти метров на пять, когда из-под дерева вдруг выглянул Кирилл.

— Нет, подождите, — сказал он, с трудом выбираясь на ближайший камень. — Подождите, слышите? Не могу так. Не могу...

Колени Кирилла подогнулись. Обдирая бок и ладони, он сполз в щель между камнями и тут же, стеная от напряжения, подтянулся, пытаясь выбраться наверх. Зарыдал сухо, без слез.

— Ребята, подождите, я с вами пойду! — выкрикнул он, срывая голос. — Не могу так. Не могу... Подождите, куда вы?

Они почти бежали, оскальзываясь и обдираясь о камни, а в спину им несло: «Ребята... Куда вы?.. Ребята...»

ГЛАВА 12

МОЛЧАНИЕ

Всю дорогу Лера украдкой поглядывала на Диму — искоса, испытующе. Иногда ее глаза останавливались на пластыре над его коленом, и тогда она кусала губы и хмурилась, будто никак не могла решиться на что-то. Пару раз Диме даже показалось, что девушка хочет заговорить с ним, попросить о чем-то, и тогда он нарочно отставал, чтобы дать ей возможность сделать это наедине. Но Лера только сердито встряхивала волосами и снова убегала вперед.

В общем-то, Дима прекрасно понимал, какие мысли вертятся в голове девушки, но от этой догадки ему было не по себе. Ту же гнусную идею обдумывал когда-то и он сам — совсем недолго, в те секунды, когда он уже видел змею, но еще надеялся, что сможет разойтись с ней без потерь. Но потом на него обрушилась дикая боль в ноге, а следом — смертный, тоскливый ужас, от которого не было спасения. Те пятнадцать минут изменили его, очистили. Он знал, что никто не заслуживает мучительного ожидания неминуемой смерти, которое пережил он.

«А как же Кирилл?» — шепнул с холодной иронией внутренний голос. На мгновение Дима зажмурился и тихо замычал, чувствуя, как жгутом скручивает внутренности. При чем здесь Кирилл, огрызнулся он. Что ж они должны были делать, сидеть на месте и маяться от голода и жажды, лишь бы не лишать

дурака компании? За водой идти необходимо, и лучше сейчас, пока не стемнело. Для него же стараются.

Лера снова приотсталала — и тут же, прикусив губу, ускорила шаг. Вот же корежит человека, подумал Дима. Нет, она не решится, нельзя на такое решиться. Это же практически убийство. Все равно что своими руками вогнать нож в сердце. Это тебе не безобидная гадюка, это — серьезно. Надо быть последней сволочью, чтобы допустить саму мысль о таком ходе. А она еще и размышляет, колеблется... Всерьез обдумывает, не убить ли одного из соперников. Стерва.

Чтобы избавить себя от Лериного кружения вокруг да около, Дима заторопился, догоняя парней. Они уже вступили в зеленый туннель, образованный речным руслом. Здесь было еще сумрачнее, чем с утра; мокрый, густой воздух гудел от микроскопической мошки. Игроки миновали первые лужи — пустые, вычерпанные Лерой в первый поход, высланные черной гнилой листвой, разложившейся до полужидкого месива. Надо было идти выше.

Антон приостановился, вытер струйками стекающий пот.

— Ну и духотища здесь. И пованивает, от воды, что ли. — Антон оттянул пальцем мокрый воротник футболки и с неодобрением заглянул в ближайшую яму. — Ну и гадость, это надо часа два кипятить, и то страшно пить будет. Как вы думаете, долго нам здесь придется зависать?

— Ты о чем? — угрюмо спросила Лера.

Антон с недоумением посмотрел на нее. Лера нахмурилась, нервно почесала пяткой лодыжку. Прямо под ногами над водой висело облачко мошки, но набирать воду девушка не торопилась. Проигнорировав удивленного Антона, она принялась с легким любопытством, будто на экскурсии, посматривать по сторонам, рассеянно помахивая бутылкой. Можно было подумать, что теперь джунгли ей нравятся.

— Как ты думаешь, — дружелюбно обратилась она к Воле, — может, стоит подняться повыше? Вдруг там сохранился источник.

Дима едва не фыркнул, с трудом сдержав себя: всего несколько часов назад Лера убеждала его, что далеко уходить нет никакого смысла, а источника не существует.

— Источник... — задумчиво протянул Вова. — Может, и сохранился, да.

— Просто, мне кажется, если такой воды много выпить, то даже от кипяченой можно заболеть. Я-то сама мало пью, но вы... — Лера робко улыбнулась, развела руками.

Антон злобно усмехнулся.

— Ой-ой-ой, посмотрите на эту светлую девочку, — закривлялся он. — Прямо святая простота, мать Тереза! Конечно, мы пойдем искать источник. А когда не найдем, можно будет остальной остров обшарить, вдруг где ручеек с родниковой водой найдется, и лучше бы стерильной, а то неприятно же пить горячее. А может... — Он сделал вид, что его внезапно осенило. — А может, пираты зарыли здесь цистерну нарзана? Да почти наверняка, они же всегда так делали! Идемте скорее искать!

Антон презрительно сплюнул.

— Ну что ты истеришь? — поморщился Вова. — Вода как вода. Хотя бы без глины, уже неплохо. А то замаялись бы фильтровать.

— Да плевал я на воду! — оскалился Антон. — Я спрашиваю, сколько нам здесь сидеть. Не хотелось бы ночевать, мне, знаешь ли, под ветерком в гамаке больше нравится. Ты у нас большой специалист, всезнайка! Сколько нужно ждать, чтобы он загнулся? До вечера? До утра?

— Ну ты и скотина... — потрясенно прошептала Лера.

— Скотина? — улыбнулся Антон. — Потому что говорю вслух то, о чем все только думают? Решил, если сделаешь вид,

что ничего не понимаешь, то будешь лучше меня? Чистенькой остаться хочешь, только не выйдет. Не придурайся, тут не перед кем. Дорогу она мне побежала показывать, как же...

— Ты первый побежал, — бросила Лера.

Антон зашипел, как ошпаренный. На камни снова полетел густой, тягучий плевок, и парень устремился вверх по ручью. Шлепки его босых ног по камням затихли и вдруг сменились потрескиванием веток.

— А вот и бананчики! — глуховато донесся из-за излучины радостный голос.

Дима ощутил на себе быстрый, тревожный взгляд Леры и отвернулся. Надоело. Пусть выбирает сама. А Дима поступит так, как она решит. Сколько можно мучиться самому...

Он неторопливо прошел вперед, присел на валун. Впереди мелькала Вовина спина — он, похоже, и правда решил отправиться вглубь острова. Антон шумно продирался сквозь подлесок, стремясь к вожаденному банановому кусту. Дима покосился на Леру: та стояла, напряженно подавшись вперед, приоткрыв рот. «Ну же! — мысленно подтолкнул Дима. — Окликни его. Предупреди. Или — не делай ничего, просто промолчи, и тогда у тебя будет одним конкурентом меньше, уж я постараюсь. А как ты будешь с этим жить — не мои проблемы. Только выбери уже что-то одно...»

Будто услышав Диму, Лера последний раз тревожно покосилась на него и вдруг расслабилась, почти обмякла. Поставила пустые бутылки на землю и, засунув руки в карманы, принялась высматривать что-то в лабиринте переплетенных над ручьем крон. По ее лицу блуждала легкая, безмятежная улыбка.

«Да как скажешь», — мысленно шепнул Дима и украдкой вынул кальмара. Еще раз посмотрел на Леру, но девушка этого не заметила: ее вдруг чрезвычайно заинтересовала куча хвороста у противоположного берега. У нее был настолько невинный

вид, что Диму охватило холодное бешенство. Первый раз в жизни ему захотелось ударить девушку. Но вместо этого он только насмешливо спросил:

— А если и с ним не повезет, как со мной? Обидно будет, да?

— Не понимаю, о чем ты, — холодно ответила Лера и вдруг жизнерадостно вскрикнула: — Ой, какая жабка!

Сложив ладони ковшиком, она бросилась за крупной узорчатой лягушкой. Погоня так увлекла девушку, что, когда со стороны бананового куста донесся полный ужаса вскрик, она даже не оглянулась.

— Да как скажешь, — угрюмо повторил Дима и крепко сжал гладкий, прохладный металл кальмара.

Перемещение, как и прежде, оказалось мгновенным, но не полным: Дима находился в теле Антона, но при этом продолжал слышать азартные возгласы Леры, чувствовать, как ноги упираются в прохладный шершавый камень. По спине Антона стекал ледяной пот, каждый волосок на теле стоял дыбом, вместо кишок — онемелый, тугой узел. Стальные мышцы окаменели, готовые разрядить убийственное напряжение в диком прыжке назад. Кобра смотрела ему прямо в глаза — и Дима снова подивился ее золотой, сверкающе-переливчатой радужке и круглому зрачку, похожему на бездонный колодец. Желтоватое ребристое подбрюшье вздымалось и опадало, расправленный капюшон слегка пульсировал. Крупные пятиугольные чешуйки на голове поблескивали, как лакированные. Кобра была прекрасна, удивительна в своем математическом, абсолютно функциональном совершенстве, и на какой-то безумный миг Дима задумался о том, что расположение ее чешуи можно описать единой формулой, воспроизвести с помощью короткой, изящной программы.

Змея распахнула пасть, обнажая клыки. Чужое тело дрогнуло, оно требовало отступить, оно хотело жить, — но Дима лишь

беззвучно, про себя, рассмеялся. Раньше надо было думать, мысленно сказал он Антону. Отвратительный манипулятор, унижающий других ради собственного удовольствия, да еще и трус к тому же. Правильно Лера решила...

Не раздумывая больше, Дима шагнул на змею, резко замахал руками. Кобра подалась назад, будто изумленная такой наглостью, и сделала выпад. Удар клыков пришелся на середину бедра — так и должно быть, ведь Антон чуть ниже, отстраненно подумал Дима. Черт, больно-то как и очень, очень страшно... но терпимо. «Благородная ты тварь, — мысленно обратился Дима к кобре, — просто хочешь, чтобы я ушел, не хочешь убивать. Я тоже хочу, чтобы он ушел. Мы с тобой друг друга понимаем. Мы всего лишь хотим, чтобы нас оставили в покое, не лезли на нашу территорию, правда? Я давал им возможность уйти. Я предупреждал их, но они не послушались, они проигнорировали меня... Мы с тобой никому не хотим причинять вреда и готовы тянуть до последнего, но знаем, что иногда других вариантов не остается, и приходится поступать жестко. Мы знаем, что некоторые просто напрашиваются».

Дима шагнул вперед, и кобра едва уловимо отступила, качнулась назад, продолжая громко, отрывисто шипеть. Жуткие звуки, рвущиеся из ее распахнутой пасти, больше походили на силый лай. Удивительная все-таки зверюга. И такая красивая, такая понимающая. Такая... своя. Дима совсем не хотел делать то, что собирался, но тянуть больше было нельзя. В любой момент кто-то мог отвлечь его, прервать контакт, и когда еще выпадет такой случай? Ничего, она крупная и сильная, Дима не сумеет, не успеет ей навредить. И главное — она поймет. Она сама поступила бы точно так же. «Извини», — виновато шепнул Дима кобре и, прицелившись, опустил ногу Антона ей на хвост.

Он с размаху прикусил кулак, давя рвущийся из глотки крик, потерял равновесие и скатился с камня. Под банановым кустом

дико заорал Антон; вопль перешел в нечеловеческий вой. Понеслось треск ломающегося кустарника — очнувшийся Антон отступал, не глядя под ноги, бежал сломя голову, подгоняемый болью и паникой. Дима вдруг понял, что перестал дышать, и всхлипнул, усилием воли проталкивая воздух в легкие. Сердце трепыхалось где-то в горле, норовя выпрыгнуть. Теперь он знал, что бывает, когда королевская кобра пускает в ход главное оружие. Не так уж много людей живет с этим знанием. Как же больно...

Дима вдруг понял, что Антону давным-давно пора бы показаться на камнях, но его по-прежнему скрывали заросли. Вопли перешли в тихие, жалобные стоны. Краем глаза Дима заметил, как бежит, ловко прыгая по камням, Вова, как выбирается с другой стороны Лера — из кулака у нее торчит голова обалдевшей лягушки, господи, ну и бред, театр абсурда...

К проломленной сквозь подлесок тропинке, ведущей к банановому кусту, Дима подбежал одновременно с Вовой.

— Что случилось? — спросил тот, тяжело дыша.

Дима открыл было рот, чтобы рассказать о кобре, но вовремя спохватился: он не должен ничего знать. Дима молча пожал плечами. Он надеялся, что выглядит достаточно ошарашенно и испуганно. Нога все еще ныла от воспоминаний о том, как вонзились в нее, вливая яд, змеиные клыки. Пусть это было чужое тело — мозг, запутанный перемещениями, не мог справиться с этими ощущениями сразу. Сейчас это стало только на руку Диме: пусть все видят, что он испуган и растерян. Он услышал страшный крик и не имеет ни малейшего понятия о том, что произошло.

Вова тихо выругался. Дима проследил за его взглядом: из кустарника торчала грязная, потрескавшаяся ступня. Он содрогнулся от ужаса — на какой-то миг показалось, что она отделена от тела, — но, проморгавшись, сумел разглядеть и остальное.

Антон лежал на спине, как будто, поспешно спускаясь к реке, поскользнулся, упал, да так и не сумел почему-то подняться. И Дима догадывался почему.

— Помогите, — еле слышно простонал Антон.

Вова окинул заросли вокруг него подозрительным, настороженным взглядом, но все-таки рискнул подняться на берег и зайти с головы парня. Дима, не спрашивая, ухватил Антона за лодыжки; вдвоем они спустили его в русло и осторожно уложили на ровную, чистую базальтовую плиту.

— Что случилось? — снова спросил Вова. — Ты упал, что ли? Спиной ударился?

Антон покачал головой — видно было, что это простое движение далось ему с трудом. Он опустил глаза, показывая вниз. Только теперь Вова увидел кровь на ноге. Он с шумом втянул воздух, рассматривая рваную рану на бедре и еще одну — выше, у самого паха, в лохмотьях прорванной клыками ткани.

— Я пошевелиться не могу, — прошептал Антон. По его заросшим нечистой щетиной щекам покатались слезы. — Вообще не могу, даже пальцем.

Вова гулко сглотнул.

— Змея? — спросил он.

— Кобра...

За спиной тоненько, прерывисто вздохнула Лера; влажно плюхнуло о камень — и освобожденная лягушка неторопливо запрыгала прочь. Вова решительно поднялся с колен.

— Так, я погнал за сывороткой, — сказал он и недовольно передернул плечами. — А вы...

Он замолчал, глядя на окровавленные шорты Антона. Дима понимал, о чем тот думает: до лагеря не меньше получаса пути и столько же обратно. Вова не успеет, как бы ни старался. А еще ему очень не хочется встречаться с Кириллом, мелькнула циничная догадка. Вдруг тот еще в сознании, неловко выйдет.

Диму разобрал истерический смех, и он заткнул себе рот кулаком, прикусил костяшки с такой силой, что ощутил вкус крови. Боль привела его в себя, и он сумел вернуть контроль над мимикой и мыслями.

Вова не успеет, даже если будет бежать. Яд сразу попал в крупные сосуды, и сердце тут же разогнало его по всем органам. Мышцы парализовало меньше чем за минуту. На очереди — дыхательная мускулатура и сердце. Антона... переваривало. Еще живой, на деле он уже труп. Еда, подготовленная нужным образом для нежного змеиноного желудка. Дима сглотнул, пытаясь подавить тошноту.

— Вы зафиксируйте ему ногу... — все-таки продолжил Вова.

— Как? — пискнула Лера.

— Шиной! — рявкнул Вова. — Зафиксируйте и тащите. И, если что... искусственное дыхание кто-нибудь делать умеет? — Он безнадежно пожал плечами и вдруг, осененный новой мыслью, с неприятным вниманием посмотрел на Диму. — А ты, я смотрю, счастливчик. Дорогие вышли бананы...

Дима не успел придумать ответ: Антон вдруг судорожно, с усилием вздохнул, и его лицо исказилось от ненависти.

— Ты... знал, — прохрипел он Диме. — Ты меня убил, козел! Ты...

Антон замолчал, каждый вдох давался ему с огромным трудом, но глаза, полные бессильной ярости, продолжали следить за Димой. «Пятнадцать минут, — вяло подумал Дима. — Даже меньше. Это можно вытерпеть. Не убегать же снова... Он едва не ухмыльнулся: будет изображать спасение жизни из вежливости, на публику — нынешнюю и будущую. Делала же Лера вид, что они здесь исключительно ради воды. Лицемерная тварь... надо же — плачет! Убила его своими руками — и теперь плачет. Ей в театральное училище надо было идти, была бы звездой.

— Ты. Меня. Убил, — выговорил Антон.

Его глаза закрылись, дыхание становилось все реже и слабее. Вова уже никуда не рвался — видимо, понял, что не успеет, а имитировать бурную деятельность не считал нужным. Внезапно Дима почувствовал себя оскорбленным. Выходит, он настолько презирает и его, и Леру, что даже не пытается соблюсти перед ними приличия. Самодовольный гад. Мог бы хотя бы изобразить, что ему не все равно, что о нем подумают...

Дыхание Антона замерло. Лера всхлипнула; Дима с отращением почувствовал в руке ее липкие, горячие пальцы. «Все...» — прошептала она, но тут ребра Антона судорожно приподнялись, из горла вырвался хрип, и девушка, взвизгнув от неожиданности, шарахнулась в сторону. Антон медленно открыл глаза. На его неподвижном лице проступило страшное, невозможное напряжение, и взгляд снова сфокусировался на Диме.

— Приду к тебе, — отчетливо произнес Антон.

Уши Димы словно набили ватой, и он едва смог услышать, как застонала от ужаса Лера.

Вова большими шагами неся впереди, и до Димы, словно шлейф, долетал непрерывный поток затейливого мата, из которого едва можно было вычленить смысл. «В гробу видал... хотя бы этого вытащить... еще позавчера надо было». Лера держалась рядом, вровень с его плечом, несмотря на то что для этого ей приходилось почти бежать. Ругань ее не смущала — наоборот, она смотрела на Вову с восторгом, почти влюбленно.

Чтобы не видеть этого, Дима уткнулся под ноги, с ненужной тщательностью выбирая дорогу. Какая же она дрянь. Лицемерная, фальшивая насквозь дрянь. Перед глазами встал задыхающийся, посиневший Антон, и Дима торопливо отогнал непрошеное видение. Он не станет об этом вспоминать, он может контролировать свои мысли. Он не будет...

— ...не донесем, — жестко сказал Вова.

— Здесь похоронить... — выдавила Лера, и из ее горла вырвалось новое рыдание.

— Не сможем, — отрезал Вова и с пугающей откровенностью добавил: — Только зря силы потратим.

Тело Антона лежало на базальтовой плите, как на постаменте, и до Димы вдруг дошло, что оно останется здесь навсегда. Они не смогут протащить его по камням. Вова прав: все трое ослаблены голодом и жаждой, у них просто не хватит сил. И здесь зарыть не смогут, почва в джунглях пронизана корнями, как арматурой, и даже с нормальными инструментами выкопать в ней могилу было бы непросто. Антон так и будет лежать на камне, торжественный в своей неподвижности, насекомые и черви объедят его до костей, и, может быть, кобра... Дима не знал, способны ли змеи обгладывать трупы или умеют только заглатывать добычу целиком. От этих размышлений его снова начало подташнивать. Рано или поздно наступит сезон дождей, и воскресшая река смоем полуразрушенный скелет в Сиамский залив. Не останется и следа, и кошмар забудется.

— Это всего лишь тело, — проговорил Вова, невольно повторяя давние Димины слова, и тот непроизвольно кивнул. Всего лишь мертвое, не способное передвигаться тело. И незачем помнить последние слова. — И вообще я не понимаю, почему вы оба так переживаете. — Вова с сомнением хмыкнул. — Я бы поверил, что вы не знали... Но, Дима, у тебя отпечатки зубов на ноге. Вряд ли здесь по змее на каждый угол, два нападения за три дня — это уже слишком много.

«Откуда два?» — хотел спросить Дима и осекся, вспомнив об Оле. Стыд и радость обрушились на него одновременно: как он мог забыть?! Как хорошо, что он может забыть...

— Так змеиный же остров, — тихо сказал он. — Николай предупреждал...

— Хочешь, чтоб я поверил в еще одну кобру где-то рядом? И заодно в то, что эта — не напала на тебя, когда ты срезал бананы? Вообще странно. — Он подозрительно покосился на тело Антона. — Странно, что змея успела укусить дважды, он должен был сбежать, как только увидел ее в боевой стойке. И уж точно удрал бы после холостого укуса... В голове у него помутилось, что ли. Что-то часто здесь у людей в голове мутится...

— Ты же сам говорил, от обезвоживания крыша едет, — ответил Дима, тщательно следя за тем, чтобы в голосе звучало только легкое удивление.

— Наверное, — пожал плечами Вова. — Хотя он выглядел довольно адекватным, а лезть в драку с коброй — это уже настоящее безумие. Но в конечном итоге вы получили, что хотели, разве нет?

— Нет! — выкрикнула Лера, мгновенно срываясь в истерику. — Я не хотела! Я... я забыла! Это все ты, — повернулась она к Диме. — Почему ты промолчал, как ты мог промолчать?!

Дима дернул щекой и отвернулся. Вступать в спор он не собирался, но Вове ответил:

— Тебе это тоже на руку.

— ТАК я не хотел, — ответил Вова, окидывая их полным мрачного удивления взглядом. — Не думал, что вы готовы так далеко зайти...

— Никуда я не заходила, — ответила Лера неестественно высоким голосом. — Я тут вообще ни при чем.

— Конечно-конечно, — с готовностью закивал Вова, будто не желая спорить с сумасшедшей, и безнадежно махнул рукой: — Ладно... давайте по-быстрому воды наберем и обратно. Хватит уже. С меня так точно хватит.

И они набрали воды. И из лужи в двух метрах от тела Антона — тоже, потому что не так уж много их было, этих луж...

...не надо об этом думать, сказал себе Дима, перепрыгивая через расщелину между валунами и балансируя канистрой. Впереди уже рдела крона миндаля. Не надо вспоминать. Лучше сосредоточиться на том, что происходит вокруг прямо сейчас. Лера смешно перебирает ногами-палочками, отставив руку с бутылкой далеко в сторону. Вова идет размашисто, легко, и когда он делает шаг, видны трещины на задубелых, пересохших пятках. Камни горячие. С бровей капает пот. Пластиковая ручка бутылки глубоко врезается в пальцы — надо поменять руку, и кто вообще додумался делать их такими узкими? Конечно, никому и в голову не приходит делать пластиковые бутылки удобными — подумаешь, выбросил и забыл, мир завален мусором, Кох-Наг завален мусором, притащенным штормом с материка, даже тряпье какое-то валяется между камнями, и пованивает, как из канализации. Что за люди... Когда Дима станет заместителем Пленского, он позаботится о том, чтобы хотя бы его предприятия не заваливали землю тоннами всякой дряни. Никаких лишних упаковок, а те, что необходимы, из чего-нибудь разлагаемого, а не вечной пластиковой гадости. Разлагаемого до полного растворения в среде, как тело укушенного коброй человека.

Налетел легкий ветер, в ноздри снова прокрался гадкий запах, но, к счастью, ненадолго. Лера впереди нагнулась, ныряя под ствол — до чего ж она худая, даже задница костлявая. Жрать охота, а за бананами лезть они не рискнули. Не задеть бы головой дерево — кора шершавая, сыпучая, на ней полно муравьев, а он и так уже весь обглодан...

— А где Кирилл? — нервно спросила Лера.

По спине Димы пробежал холодок. На секунду он почувствовал на себе тяжелый, хитрый взгляд безумца. Он невольно представил Кирилла, застывшего за деревом, с острой наготове выжидающего удобный момент. Дима опасно потрогал

разбитую губу. При манере Кирилла решать конфликты — вполне логичное предположение. Вполне мог обидеться и захотеть отомстить — он же так и не сумел понять, что за водой они ушли в том числе и для него.

Лера, похоже, рассуждала примерно так же: она испуганно жалась к Вове, тревожно поглядывая на заросли. Дима искал глазами остроги и облегченно выдохнул: обе на месте. Правда, оставалось еще два ножа. Один Вова забрал у Антона («не думай об этом», — напомнил себе Дима), а вот где второй, неизвестно. Но это, конечно, не так опасно, как острога, им хотя бы издали не ударить. Ощущение ненавидящего взгляда немного ослабло, и Дима, слегка расслабившись, принялся разводить костер. Пить хотелось страшно, а воду еще кипятить и кипятить...

Вова тем временем продолжал хмуро озираться по сторонам; потом устался под ноги, внимательно рассматривая истоптанный песок вокруг кострища.

— Не нравится мне это, — пробормотал он.

В руке он сжимал рацию. «Неужели решил сдаться? — удивился Дима. — Но почему сейчас?»

— Ты думаешь, он настолько опасен? — спросил Дима. — Может напасть?

Вова бросил на него полный отвращения взгляд.

— Давай-ка водички попей, — сказал он, — вон там немного кипяченой осталось. Попей, не стесняйся, а то уже бредить начинаешь. Ты вообще помнишь, что мы его подыхать бросили? Только не надо такое возмущенное лицо делать. Бросили и сбегали, как последние сволочи. Да, и я тоже. Только с меня хватит, я больше сходить с ума вместе с вами не собираюсь. Антон, конечно, козлом изрядным был, но вы с Леркой его сознательно угробили...

— Нет! — перебила его Лера. Она пригнулась, как перед прыжком, в глазах появился нездоровый блеск.

— Не ори, голова болит, — покривился Вова. — Ладно, вы пушистые зайки и оттаскивали его от змеи за шкурку, а он, дурачок такой, вас не послушал. Пусть будет так, примем такую гипотезу, мне все равно. Разбирайтесь друг с другом. Я собирался вызвать помощь, чтоб хотя бы Кирилла успели откачать...

— Так вызывай, — буркнул Дима и поставил на огонь пару жестянок. — Пусть приезжают, ловят его по кустам.

— Я бы вызвал, — ответил Вова. — Да боюсь, ловить уже некого.

— Кто его так?! — взвизгнула Лера.

— Мы, — спокойно сообщил Вова.

Он засунул дрожащие руки глубоко в карманы, качнулся на пятках, слегка ссутулился. Дима вдруг вспомнил, как в точно такой же позе Вова стоял на корме бирюзовой с красной полосой лодки, готовый прыгнуть в манящую, кристальную воду и плыть к сияющему острову. Как давно это было...

Теперь вместо синей стеклянной бездны перед ними было то, что они приняли за груды выкинутого штормом тряпья. То, что когда-то было Кириллом. Вокруг головы растеклась лужа крови, успевшая почернеть на солнце, и в волосах отвратительно копошились мелкие крабы, пытаясь добраться до содержимого расколотого черепа.

— Он упал, — просипел Дима. — Поскользнулся и упал...

— Ага, — холодно согласился Вова. — И так три раза.

Дима не хотел видеть то, о чем он говорил: следы трех ударов по голове, лишь один из которых оказался смертельным.

— Ты чушь несешь, — визгливо заговорила Лера, — он не мог сам. И это не мы, мы все четверо друг у друга на глазах были... Все трое... Здесь еще кто-то есть!

Она загнанно огляделась, будто ожидая, что прямо сейчас из-за камней выскочит убийца.

— Нет здесь никого, кроме нас, — тихо ответил Вова.

— Но кто-то убил его! Какой-то маньяк его убил! — Она вдруг вся подобралась, осененная догадкой. — Может, и остальных тоже он. Нам сказали, что остров необитаемый, мы и поверили, идиоты...

Девушку начала бить крупная дрожь, и она охватила себя руками; лицо перекошило от ужаса.

— Лера, следы остались бы, — устало, но терпеливо возразил Вова, как будто надоедливому, но испуганному ребенку. — Видишь, песок ровный? И вон там кровь на камнях. Никто не смог бы извернуться и убить его, но не оставить следов.

С ужасающей отчетливостью Дима вообразил, как нечто, лишь слегка напоминающее человека, с белым, как пластик, лицом неторопливо подходит к Кириллу сзади, хватая за волосы и бьет головой об камень — один раз, и другой, и третий... а потом уходит — так же неспешно, и песок за ним остается ровным, нетронутым, гладким. Чтобы никто не догадался. Чтобы все думали, что Кох-Наг необитаем...

Лера сухо рыдала, уродливо гримасничая, — видно было, что она хочет зажмуриться, но боится, боится, что, когда откроет глаза, вместо двух малосимпатичных, но хорошо знакомых парней перед ней возникнет кошмарное нечто. Дима тихо застонал, пытаясь взять себя в руки. Это бред, бред... Спокойно. Вова же спокоен. Дима должен, обязан держаться лучше него.

— И что, по-твоему, случилось? — хрипло спросил он.

— Самоубийство, — ответил Вова. — Видимо, он решил разбить себе голову, но не сумел с первого раза... — Голос Вовы впервые дрогнул, и он ссутулился еще сильнее. — Формально это самоубийство, с теми, кто опился морской воды, такое происходит часто.

— В каком смысле — «формально»? — нахмурился Дима.

Вова не удостоил его ответом.

ГЛАВА 13

ВСЕ РАССЧИТАНО

Расходиться по гамакам они не стали — не сговариваясь, побросали их на песок вокруг костра вместо ковриков и без сил повалились спать. Дима настолько вымотался, что был уверен: стоит только принять горизонтальное положение, и он сразу отключится. Однако заснуть оказалось не так уж просто. Полночи Дима слушал сквозь хлипкую дрему, как слабо вскрикивает и мечется Лера, измученная дурными снами. Иногда дремота Димы становилась чуть крепче, и тогда его тоже начинали одолевать кошмары.

Сотни пиратов гнались за ним с острогами наперевес, загоняя все глубже в мангровое болото, он проваливался в густую грязь по колено, потом по пояс; он понимал, что бежать не удастся, и оборачивался, готовый принять вынужденный бой. Кобра шептала ему на ухо, что он победит, ободряюще гладила по плечам скользким, слизистым хвостом, усеянным почему-то розовыми присосками. Дима, воодушевленный ее поддержкой, храбро шагал навстречу врагам, но, когда уже заносил нож, готовый вонзить его в живот первого же нападающего, вдруг с ужасом понимал, что у каждого из пиратов — его лицо. Тысячи Диминых копий наваливались на него с гнусным хохотом. От них пахло падалью и стоялой водой, Дима понимал, что задыхается, но не мог сопротивляться и лишь бессильно стонал,

когда близнецы обматывали его отвратительными скользкими щупальцами кальмара. А где-то за спиной терпеливо дожидалось, пристально наблюдая за ним, нечто...

Потом Лера всхлипывала особенно громко, и Дима просыпался с раскалывающейся головой, облитый потом, трясущийся, как в жесточайшем похмелье. Какое-то время лежал, всматриваясь во тьму сухими, зудящими глазами. Все было спокойно. Тихо похрапывал Вова, Лера то замирала, то снова начинала вертеться в своей неудобной постели. Дима задремывал, и все начиналось заново...

Под утро девушка наконец затихла, и он тоже смог заснуть по-настоящему. Очнулся только поздним утром, когда солнце, добравшееся почти до зенита, обрушивало на пляж потоки жара. Вова, помятый, с опухшей физиономией, возился с наполненными водой жестянками. Лера вяло плескалась у берега — видимо, тоже только что встала.

— Вон в той банке остыло уже, — негромко сказал Вова.

Дима подозрительно понюхал воду: с чего бы конкуренту быть таким добрым? Они ведь по-прежнему соперники, несмотря на то что остались вдвоем. Но пить хотелось так сильно, что никакие рассуждения не казались убедительными. Дима залпом выпил теплую, припахивающую прелью и затхлостью воду. Желудок громко заурчал в ответ, и некоторое время Дима испуганно прислушивался к ощущениям.

— Параноик, — беззлобно бросил Вова, заметив его настороженность. — Не беспокойся, я тебя травить не собираюсь. Пожрать бы... я в мусоре крючок с леской нашел, только поймать ничего не смог. Капризная тут рыба, на червя не идет.

Вова ловко прихватил краем футболки закипевшую банку, отставил в сторону.

— Слушай, а где ты, собственно, служил? — неожиданно для самого себя спросил Дима.

— Да не важно, — отмахнулся Вова.

Дима внимательно смотрел на него, сопоставляя факты. Слишком спокойный. Слишком информированный. И замашки явно командирские... Дима прикусил губу от злости. Так просто нечестно — впихивать в группу студентов какого-то диверсанта. У него же явное преимущество... Дима осторожно спросил:

— А Пленский знает?

— Нет, — довольно ухмыльнулся Вова.

Врет, решил Дима. Не мог Пленский не знать, наверняка он изучил прошлое каждого претендента. А может, Вова — вообще не игрок? Может, Пленский отправил его следить за остальными? Тогда понятно, почему он так спокоен. И почему ничего не делал для того, чтобы выбить конкурентов из игры. Удобно избражать, что ты весь в белом, когда у тебя изначально другое положение...

— Ну, понеслось, — заметил Вова, все это время наблюдавший за Димой. — Ты и правда параноик. Я не работаю на Пленского, ясно? И служил в обычной части в Подмоскowie, а не в тропиках секретным агентом.

— А откуда тогда...

— Нервы, видимо, покрепче, — пожал плечами Вова. — Ну и так, люблю в походы ходить, да и по Азии поездил, нахватался всякого...

— Не верю, — нахмурился Дима.

— Воображение у тебя не по разуму, — безмятежно откликнулся Вова. — Но это уже не важно. Я поговорить хотел...

Он протянул банку с водой вернувшейся Лере, и та сразу, не колеблясь, отпила несколько глотков. Это не доверчивость, понял Дима. Просто девушка настолько вымотана, что действует автоматически; на то, чтобы подумать, у нее не осталось сил.

Вова смотрел, как с каждым глотком взгляд Леры становится все более осмысленным; наконец он, видимо, решил, что девушка готова к разговору, и приглашающее похлопал по бревну.

— Ну что еще? — раздраженно спросила Лера. Она уже оправилась настолько, что на лице вновь проступила заученная, годами вырабатываемая гримаса: я — королева, а вы — пыль у меня под ногами.

— Давайте поговорим, — сказал Вова. — Мы же здесь умные люди, хватит гопоту из себя изображать. Сядь, и давайте просто поговорим.

— О чем? — хмуро спросил Дима. — О твоей подготовке, которой ты нагло пользуешься? Или о том, какое задание дал тебе Пленский?

— Что?! — вскрикнула Лера.

Вова утомленно вздохнул:

— Фантазия у Димы разыгралась, не обращай внимания.

Больше Лера расспрашивать не стала, но и словам Вовы явно не поверила. Ее лицо закаменело. Девушка готова была слушать — но вот договариваться явно не собиралась.

Вова помолчал, собираясь с мыслями.

— Дураки, неудачники, слишком самоуверенные погибли, — заговорил наконец он.

«Оля не была дурой», — хотел сказать Дима, но промолчал.

— Мы трое одинаково умны и осторожны, — продолжал Вова. — Одинаково упорны. Я, конечно, сильнее вас, но не могу этим воспользоваться... Нет, Дима, я не весь в белом, просто не забываю об уголовном кодексе. Так что шансы у нас одинаковые. Кто из нас победит — зависит теперь только от удачи. Но невезение на этом острове какое-то... слишком уж радикальное. Вы, конечно, оба — отморозки полные, да и я не лучше. Но я не хочу, чтобы кто-то из вас умер из-за очередной нелепой случайности. И сам здесь подыхать не хочу.

— Тогда сдавайся, — хмыкнула Лера.

— Этого я тоже делать не собираюсь.

— А как насчет твоей работы?

Вова тихо зарычал, но тут же овладел собой. Из его горла вырвался нервный смешок.

— Параноики... Вы хотя бы дослушайте.

— Ну, слушаю. — Лера сложила руки на груди. — Пока ничего нового. К чему вообще этот разговор?

— К тому, что если теперь все зависит только от того, кто из нас более удачлив, то зачем нам ждать, чтобы это выяснить?

Ему ответили растерянным молчанием. Дима судорожно соображал, чего именно добивается Вова. Не может же он на самом деле положиться на волю случая. Здесь есть какой-то расчет.

— Удача... ты что, спички предлагаешь тянуть? — изумленно спросила Лера.

— Вот именно, — весело ответил Вова.

Может, он в дополнение ко всем своим способностям еще и фокусник, предположил Дима. Тогда его абсурдное предложение совершенно логично: небольшая ловкость рук — и Вова выходит победителем. Быстро и без потерь.

— Можешь устроить любую проверку, — раздраженно сказал Вова, снова отвечая на невысказанные мысли. — Не дергайся, у тебя все на лбу написано. Можешь сам отобрать спички, я вообще отойду и прикасаться к ним не буду.

— А почему вдруг он? — тут же напряглась Лера.

— Ладно, ты... Не важно, придумаем, как исключить обман. Мы же умные, — желчно усмехнулся Вова. — Это все детали. Вы на сам способ решения согласны?

— Пожалуй, это справедливо, — задумчиво проговорила Лера. — Нет, мне не очень нравится, идея дурацкая. Но лучше

ничего нет, а я ужасно устала. Если можно закончить все побыстрее... Да, я согласна. Дима?

Дима молчал.

— Дима, пожалуйста, — умоляюще проговорила Лера, стиснула руки, переплетая пальцы с такой силой, что побелели костяшки. — Пожалуйста...

Просто сказать «да» — и все мучения закончатся. И, может быть, даже закончатся победой. Тридцать три процента — очень неплохая вероятность. Дима открыл рот и вдруг почувствовал сквозь тонкую ткань подкладки металлический холодок. Глупо полагаться на один шанс из трех, когда выигрыш гарантирован. А что, если короткую спичку вытянет Лера? Страшно представить, что она натворит, попади ей в руки власть. Да и Вова тоже хорош. Не хотелось бы, чтоб такой кроил мир по своему вкусу. Дима единственный из них троих достоин выигрыша, единственный сможет распорядиться им разумно. И кальмар ему поможет. Дима заставит убраться двух оставшихся в живых конкурентов с острова.

Но какой огромный соблазн. Он так устал. Сказать «да» — и через пару часов он будет попивать холодную колу на палубе лодки, идущей в Сиануквилль, и забудет этот жуткий остров, как страшный сон. И, главное, ему не придется решать, что делать с этими двумя. Он может просто отпустить их — и пусть сами разбираются со своей совестью. Кальмар может все. С такой волшебной вещью в кармане Диме даже не обязательно становиться помощником богатого психопата. Он сам добьется всего, чего захочет. Может быть, чуть медленнее, но добьется...

— Нет, — сказал Дима.

Лера тихо ахнула, прижала ладони к щекам, с ужасом глядя ему в глаза. Вова в бешенстве пнул консервную банку, и она с дребезгом отлетела прочь, разбрызгивая коричневатую воду.

— Псих, — с досадой бросил он.

— Может быть, — улыбнулся Дима. — А как насчет тебя? Если ты готов проиграть — то почему бы тебе просто не уйти? Две трети или единица — разница не так уж велика.

— Потому что если мы продолжим игру, то у меня уж точно побольше шансов, чем у тебя, математик ты хренов, — прорычал Вова.

— Вот тут ты ошибаешься, — не удержался Дима и растянул губы в ужасающей ухмылке.

Дима свернулся калачиком в своем любимом укрытии неподалеку от стоянки, там, где провел свою первую ночь на Кох-Наге. Плотная низкая крона давала почти прохладную тень и даже создавала ощущение уюта. Он в домике, он может присматривать за лагерем, а люди у костра его не видят. В зарослях, конечно, полно наблюдателей, но это другое. Это неприятно, но не страшно. Они Диме больше не соперники, Пленский никогда не возьмет таких неудачников на работу, так что пусть себе смотрят. Он не сумасшедший, как Кирилл, и не станет за ними гоняться. Просто не будет вынимать кальмара, пока не улучит момент, когда они все отвернутся. Ему не надо неотрывно смотреть на завораживающий серебристый блеск удивительного предмета, он вполне может думать и без этого.

Дима сунул руку в карман, нащупал гладкий металл; пальцы нежно оглаживали каждое щупальце, каждую грань фигурки. Голова болит... но он найдет решение, придумает, как применить кальмара эффективно и в то же время изящно.

Что-то важное мелькнуло в мыслях, когда он вспоминал о Кирилле. Что-то посущественнее мертвецов, которые подглядывают из зарослей и шепчут, подталкивая к опрометчивым поступкам. Картинка, яркая и резкая, как на навязчивой рекламе. Потное брюхо, обтянутое футболкой. Мерзкое, но восхитительно беззащитное перед нацеленным на него лезвием ножа. Один

сядет, другой... другая — ляжет в песок. Однажды Дима уже додумался до этого решения, но струсил, пожалел глупого бугая. Тогда он еще не знал, что есть вещи, которые просто приходится делать, и мямлил, как выпускник детсада для слабонервных. Кох-Нагу пришлось послать к нему кобру, чтобы объяснить, что к чему.

Лера ляжет в песок, Вова — сядет. Отличный план, но, как и любую старую идею, его можно улучшить. С Пленского станется отмазать своего любимчика от тюрьмы, так что о наказании за убийство несчастной девушки Диме тоже придется позаботиться самому. Ничего страшного. Известно же: хочешь, чтоб было сделано хорошо, — делай сам.

Солнце приближалось к поверхности воды, и над пляжем зашелестел едва уловимый ветерок. Он принес от костра журчание воды, переливаемой в бутылку, — пластик работал, как резонатор, и звук получался гулким и сильным. Дима с трудом разлепил склеившийся рот: язык как будто присох к небу. Идти к людям не хотелось, но Дима опасался, что жажда и головная боль не дадут ему сосредоточиться.

— Явился, математик, — раздраженно бросил Вова.

Он лежал на боку, опираясь на локоть, и уныло чертил на песке чудовищно примитивные, кривые узоры. Вид у него был усталый и сварливый, как у замученной жизнью тетки, которую в час пик придавили в вагоне метро. Не отвечая на глупый выпад, Дима аккуратно обошел его, добрал до костра и принялся мелкими глотками пить горячую, вонючую жижу, которая заменяла им воду.

— Не передумал? — со смешной надеждой спросила Лера.

Дима хотел сказать ей что-нибудь едкое, пройтись насчет ее резко снизившегося интеллекта и детской наивности, но только криво улыбнулся и покачал головой. Какой смысл говорить с мертвецами? Он даже пожалел эту девушку, не

подозревающую, что она обречена. Некоторое время Дима размышлял, нельзя ли как-то выкрутиться и оставить ее в живых. Если поменять их ролями... Нет, не выйдет: выкрутится, спишет все на самооборону. Может быть, даже сумеет обольстить Пленского — и конец игре, все Димины усилия пойдут насмарку. Печально, но выбора у Димы нет.

Лера напряженно присела на краешек бревна, нервно обдирая ногтями корочки с многочисленных расчесов и царапин. Глаза ее суетливо бегали, то и дело останавливаясь на широкой спине лежащего Вовы. Всякий раз, когда это случалось, Лера нервно облизывала губы — и снова начинала озираться, как загнанный остромордый зверек, судорожно ищущий выход из ловушки. Бедная, с сочувствием подумал Дима, мучается, из последних силенок выдумывает план и не знает, что все зря, что даром напрягает свой невеликий умишко...

Дима потянулся за кальмаром и вдруг остановился. Лера и Вова ни о чем не подозревали, но они были в его власти. Странное, непривычное, будоражащее ощущение. Диме захотелось продлить его. Это возбуждало. Это заставляло быстрее течь загустевшую в жилах кровь. Стоит Диме напрячь ум — и они сделают все что угодно... Потрясающе. До сих пор он не понимал, как это восхитительно.

— И чему ты, интересно, радуешься? — хмуро спросил Вова. — До чего еще додумался?

— Да так, — улыбнулся Дима. — Фантазирую. Вот если бы ты мог заставить любого человека сделать все что угодно, не важно, хочет он того или нет, — как бы ты поступил?

— Погнал бы его за двухкилограммовым стейком и ведром кока-колы со льдом, — буркнул Вова и снова уткнулся в свои узорчики.

Дима тихо, довольно рассмеялся. Как правильно, что кальмар попал именно в его руки! Вова с его убогим воображением

даже не догадался бы, какое сокровище ему досталось. Гордится своей уравновешенностью, потому что больше гордиться нечем: мозгов не хватает выйти за рамки обыденного...

— А почему ты спрашиваешь? — спохватился Вова.

— Да так, в голову пришло. — Дима не смог удержать хитрой улыбки.

Вова резко сел, собранный, почти испуганный. Взгляд слегка расплылся, когда парень погрузился в воспоминания. Вова беззвучно пошевелил губами, слегка побледнел.

— И как ты это делаешь? — медленно спросил он.

— Что? — довольно натурально удивился Дима. Он знал, что ведет игру на грани, но привкус опасности делал наслаждение еще острее. Тайная власть становилась еще приятнее, когда окружающие начинали о ней догадываться. Как многого Дима еще не знает...

— А если я сейчас... — задумчиво начал Вова, — если я...

— Не успеешь, — почти весело перебил Дима.

— Так, — выговорил Вова. Его взгляд стал сосредоточенным, обращенным внутрь. — И что ты теперь...

Договорить он не успел: Лера, о которой они успели забыть, увлеченные беседой, сделала свой ход. Вову резко толкнуло вперед; его лицо стало мягким и удивленным, как у ребенка. Он прижал ладонь ко рту и тихо, даже интеллигентно кашлянул. Дима с ужасом увидел, как между неплотно сомкнутыми пальцами медленно сочится темная, почти черная жидкость; он не сразу понял, что это кровь.

Лера длинным, плавным движением вытащила острогу из спины парня, и Вова мягко повалился набок.

— Как ты думаешь, не промахнулась? — озабоченно спросила Лера.

— Да уж вряд ли, — едва смог вымолвить Дима.

Обломанные, грязные ногти Вовы заскребли по песку. Он снова тихо кашлянул, и кровь хлынула изо рта густым потоком. Дернулась босая нога, перевернув неплотно закрытую бутылку, и Дима, не успев осознать, что делает, подхватил ее, бережно привернув крышку. Вова хрипло, с бульканьем вздохнул — будто всасывалась в раковину грязная вода — и затих.

— Вот и все, — буднично прокомментировала Лера.

— Ты сошла с ума... — Дима в ужасе смотрел на человека, который только что говорил с ним, пытался бороться, а теперь был безнадежно мертв. — Ты рехнулась.

— Нет, — бодро откликнулась Лера и качнула острогой. На конце лезвия медленно набухла темная капля, нехотя оторвалась от стали и канула в песок. — Это ты сошел с ума, впал в буйство и напал на него, но он успел оказать сопротивление, и ты скончался от полученных ран. Бедная, рыдающая от ужаса девушка, шокированная кошмарным зрелищем, вызывает помощь. Она не может рассказать в подробностях, что произошло, ведь большую часть времени, пока вы дрались, она, визжа от страха, пряталась за бревном. Ведь любой из вас мог накинуться и на нее тоже! Впрочем, к ней не особо пристают с распросами, всем и так понятно, что произошло. Бедняжку отпаивают валерьянкой и ледяным чаем, и — вот утешительная весть! — она оказывается последней из приглашенных на отбор студентов. Через пару недель отпуска в хорошем спа, поправив потрясенные нервы, а заодно и слегка потерявшую блеск внешность, она приступает к обязанностям заместительницы Пленского...

Дима не находил слов. Лера сияла, гордая, как первоклашка, получившая первую в жизни пятерку. На дне ее глаз плескалось безумие.

— И ты думаешь, что я дам себя убить? — выдавил Дима.

— Ну, рано или поздно ты зевнешь. А первым ты меня убить не можешь, никто не поверит, что я на тебя напала, — резонно

заметила Лера. — Такая милая, хрупка девушка, меня же ветром качает, ты что!

— Ты так говоришь, как будто уже проделывала что-то в этом роде...

— Нет, — Лера качнула головой, и в ее тоне проскользнули пугающие нотки сожаления. — Но мечтала часто.

Взгляд девушки затуманился, будто она заново пересматривала избранные фрагменты своих фантазий. Смотреть на Леру было жутко, и, чтобы вернуть ее в реальность, Дима глупо спросил:

— А почему ты начала с него?

Лера вздрогнула, ее глаза слегка прояснились.

— Потому что он ближе сидел? — неуверенно предположила она. — Да ладно тебе злиться. Он же не понимал ничего. «А-а-а, я тут единственный нормальный челове-е-ек!» Зануда. Без него лучше, правда? — Лера кокетливо отбросила повисшие сосульками волосы.

— И чего он не понимал? — спросил Дима.

— Да брось ты. — Лера недоверчиво подняла брови. — Ты же их видел. Все видели. Они все время здесь, шепчут всякое...

— Кто — они? — спросил Дима севшим голосом.

— Злые духи, конечно, — пояснила Лера. — Из-за них ведь все. И из-за Пленского, конечно.

Она оценивающе прищурилась, примерилась, легко покачивая острой.

— Я не Пленский, — напомнил Дима, отступая на шаг.

Лера прикинула расстояние между ними и подступила чуть поближе.

— Да ты такой же, — равнодушно сказала она.

Ее пальцы слегка сдвинулись, ловчее перехватывая рукоять. Дима все еще не верил в происходящее, не мог допустить, что Лера готова напасть на него, отказывался сознавать, что это

всерьез. Но рука уже помимо воли потянулась к карману. Он провел по влажной ткани, но пальцы скользнули, не сумев нащупать прорезь, и снова, и опять... Он уже начал паниковать — но тут наконец попал трясущейся рукой в карман.

— Все вы одинаковые, — пробормотала Лера и отвела руку, замахиваясь.

Дима успел уклониться. Лера ловко, как кошка, развернулась, метя ему под ребра. Живот вдруг стал ужасно твердым и горячим, но Дима уже коснулся драгоценной фигурки.

Вломившись своим разумом в Лерино тело, он тут же дернул острогу вверх и в сторону, но мышцы Леры были намного слабее, чем он привык, и усилия оказалось недостаточно, чтобы полностью преодолеть инерцию. Лезвие разорвало футболку, и Дима увидел Лериными глазами, как на его груди вспухает, наливается кровью глубокий порез, и в то же время почувствовал резкую боль вспоротой кожи. От толчка он потерял равновесие и упал, жестко ударившись о бревно — локоть словно пронзило электрическим током. Не понимая, где он, а где Лера, где его руки и ноги, а где Лерины, Дима оглушенно замер. Пары секунд хватило, чтобы слегка опомниться. Он заворочался, сполз с бревна на песок, хватаясь за ушибленный локоть. Голова кружилась от двойного набора ощущений, и Дима, потеряв ориентацию, никак не мог сообразить, куда делся кальмар. Его охватило смятение, грозящее превратиться в панику.

— Надо же, промахнулась, — удивилась Лера, вставая на ноги. Нагнулась, не спуская глаз с Димы, подобрала острогу. В ее глазах остались лишь звериная настороженность и тупое упрямство.

Дима наконец одолел растерянность. Тут же обнаружилось, что кальмар по-прежнему зажат в онемевшей от удара по локтю руке. Не дожидаясь, когда Лера замахнется вновь, он сосредоточился и крепче сжал фигурку.

В этот раз все было намного спокойнее. Вот он сам задумчивый, сидит на земле, привалившись к бревну, ноги неловко разбросаны. Босая пятка почти въехала в лужу крови, натекашей из легких Вовы, и на мизинце виднеется красный мазок. Диме мучительно захотелось отодвинуть ногу, убрать ее как можно дальше, стереть жуткое кровавое пятно, но он побоялся ослабить контроль над Лерой. Сжав волю в кулак, он отвернулся. Эмоции подождут. Сначала надо...

Дима вдруг понял, что совершенно не представляет, что делать дальше. Его план разрушили, и теперь требовалось время, чтобы придумать новый. Но размышлять, оставаясь в Лерином теле, Дима не смог: внезапно оказалось, что ему неловко и стыдно, как будто он оказался вынужден разделить с незнакомцем душевую кабинку. Чужое тело казалось непрошеным свидетелем. Молчаливым и равнодушным свидетелем, но отнюдь не слепым, и от этого было как-то не по себе.

Внутренне ерзая от иррационального смущения, Дима все-таки сумел сосредоточиться. Леру нужно было как-то нейтрализовать — тогда у него появится возможность нормально подумать. Дима перебрал несколько способов вырубить девушку, но все они слабо поддавались контролю и потому не годились: он не хотел, чтобы Лера очнулась в самый неподходящий момент или, наоборот, повредилась больше, чем ему надо.

Простейший вариант пришел в голову далеко не сразу, и Дима даже рассмеялся от облегчения, но тут же умолк: слышать женское хихиканье вместо своего, привычного, было пугающе странно. Не медля больше, Дима побрел вдоль пляжа, тщательно осматривая кучи мусора. Веревки встречались редко, и все — короткие, растрепанные, хлипкие. Зато пластиковых пакетов попадалось множество. Набрав целую кучу, Дима приволок их в лагерь и принялся методично разрезать на полосы.

Любопытно, что сделает Лера, когда опомнится связанная по рукам и ногам, раздумывал Дима, мерно орудуя ножом. И ужасно интересно — а что сделает он сам?

Стройка на Кох-де-Коле была в самом разгаре, и казалось, что сам остров гремит и брякает, как ящик с инструментами. Николай отошел от перил веранды, поставил на столик бутылку холодной, покрытой каплями воды колы. С довольным вздохом погрузился в плетеное кресло, вытянул длинные ноги.

— Химию всякую пьешь, — неодобрительно заметил Пленский. Николай беспечно пожал плечами.

— Хорошо здесь, — весело сказал он. — В Пномпене жарища, даже мне дышать нечем, все три дня под кондиционером отсиживался. Я на пять минут заскочил, со строителями парой слов перекинуться. Утром только вернулся, дел полно. Как там ваши студенты, на пляже пиво пьют? Кто выиграл-то?

Пленский отвел глаза.

— Никто пока не выиграл, — буркнул он.

— Сильны, — уважительно кивнул Николай. — И много их там осталось?

Пленский промолчал, явно не желая поддерживать разговор, и Николай насторожился. Что-то, видимо, пошло не так, но Пленский, конечно, в этом не признается. Даже если ему нужна помощь — не признается.

— Так сколько? — переспросил Николай.

— Все, — неохотно выговорил Пленский.

— Рация исправна? — быстро спросил герпетолог.

— Рация неубиваемая, ее хоть топи, хоть под грузовик кидай. — Пленский нахмурился еще больше. Он медленно багровел, готовый вот-вот разрядиться вспышкой гнева. — Не так все должно было быть! — рявкнул он и грохнул кулаком.

Хлипкий столик подскочил, сбрасывая с себя предметы, как норовистый конь — всадника. Тугая бутылка колы ударилась о цемент и взорвалась веером брызг и пены. Пленский вскочил, спасая светлые брюки, брезгливо стряхнул несколько долетевших капель.

— Я не знаю, что за идиотов мне подогнали, уволю всех кадровиков к чертовой матери. Всё не так сделали! У меня же четко было рассчитано: сначала засыплется ботан, потом — девки, потом этот, здоровый такой, тупой... Я не виноват, что они все сделали неправильно! Не знаю, может, они там действительно рацию сломали, этим дуракам ничего сложнее молотка в руки давать нельзя.

— Сколько у них было воды? — спросил Николай, тревожно хмурясь.

Пленский помедлил.

— Достаточно, — отрывисто выговорил он. — Если не форсить, можно растянуть на неделю. Я все рассчитал.

— А еще по вашим расчетам они уже три дня как должны были вернуться, — тихо вздохнул Николай.

— Однако не вернулись, кретины, — проворчал Пленский. — Ничего людям доверить нельзя, все приходится самому...

Он щелчком сшиб со штанины соблазнившегося на сладкое пятно муравья и нехотя, через силу выдал:

— Завтра с утра собираюсь проверить, что они там учудили. Мне, может... свидетель понадобится.

Николай кивнул. Он знал, что Пленскому проще удавиться, чем попросить по-человечески, но сейчас не собирался изводить его.

— А еще лучше сегодня, — предложил он. — Мой катер заправлен, так что...

— Нет, — насупился Пленский. — Завтра. Потерпят, не облезут. С ментом я договорился на всякий случай.

— С которым?

— С этим, который травой торгует. Не будет шум поднимать, если что не так. Не с чего, конечно, там все нормально должно быть, но мало ли. Пусть присмотрит. Да нет, все нормально будет. А если быковать начнет, можно напомнить, чем он сам занимается...

Николай с сомнением покачал головой, но спорить не стал. Взглянул на часы.

— Воды там действительно на неделю? — уточнил он.

— Если эти идиоты не додумались душ устраивать, то хватит. Нет, они могли, конечно, привыкли, что им по первому щелчку все тридцать три удовольствия подают. Но тогда бы мы уже знали.

Николай покусал кожицу на губе, снова взглянул на часы.

— Ладно, — бросил он, вставая. — Завтра увидимся.

ГЛАВА 14

СДЕЛАТЬ МИР ЛУЧШЕ

— Мне, между прочим, жарко, — угрюмо сказала Лера. — Обязательно было меня так обматывать?

Дима пожал плечами, поправил полено в костре. Не так уж жарко, ночь принесла с собой прохладу, и лунный свет, заливающий пляж, казался холодным, как синие пакеты с техническим льдом. Но Лера и правда походила на игрушечную мумию китайского производства: преувеличенно глазастое лицо невнятного, землистого цвета, белая обмотка и неряшливо торчащие отовсюду пластиковые ленты, зловеще белесые в свете луны. Наверное, и правда жарко, тело совсем не дышит. Как бы не загнулась раньше времени от перегрева, испугался Дима.

— Ладно, — буркнул он и раскрыл нож, — и правда увлекся что-то.

Смущаясь под негодующим взглядом Леры, он принялся вспарывать пластик. Увлечшись, он освободил девушку почти от всех пут, оставив только жгуты на запястьях и лодыжках.

— Так лучше? — спросил он.

Лера сердито кивнула.

— Только я не понимаю, что ты дальше собираешься делать, — она резко тряхнула головой, откидывая волосы со лба.

— Да я сам не понимаю, — с неожиданной для самого себя искренностью ответил Дима. — Так и не смог придумать. Но не ждать же, пока ты меня убьешь?

Лера криво улыбнулась, подула себе на лоб, выпячивая нижнюю губу.

— Да помоги же! — раздраженно крикнула она. Дима топорливо склонился над ней, убрал мешающие волосы за ухо. — Джентльмен... — с иронией бросила Лера.

Дима промолчал, глядя в пламя костра. Все шло как-то неправильно. Ни единой идеи... и никакого удовольствия от того, что именно он должен решить судьбу этой девушки.

— Так за что ты Вову? — спросил он, лишь бы нарушить молчание.

— Самооборона, — безмятежно улыбнулась Лера. — Защищалась, ты же видел... Да ладно тебе! Серьезный, как пень. Надо было с тебя начинать, с Вовой веселее было бы.

— Ты ж сама говорила, что он зануда.

— Ага, говорила, — легко согласилась Лера. — Не люблю людей, которые притворяются слепыми. А ты боишься? — с жадным интересом спросила она.

— Чего? — спросил Дима, только чтобы потянуть время. Он боялся. И совершенно не хотелшний раз вспоминать об искаженных злобой чертах тех, кто подсматривал за ним по ночам. Он и сейчас чувствовал их спиной, видел краем глаза, как копошатся их тени в глубине джунглей. Они подсматривали. Они ждали. Он чуял их запах, похожий на запах соленой гнилой воды и перепелых водорослей, слышал, как они потрескивают, постукивают обнажившимися костями. Волоски на позвоночнике Димы приподнялись, словно задул вдруг ледяной ветер, затылок напрягся. Их всего двое живых на этом острове, населенном мертвецами.

— Что Антон к тебе придет, конечно, — шепотом сказала Лера и нервно оглянулась. — Да и Оля... она же из-за тебя ночью от костра потащилась.

Конечно, они придут. Но если допустить это знание в разум, признать его вслух, то безумие захлестнет с головой. Дима не мог себе этого позволить. Он делано поморщился:

— Извини, я не верю в призраков.

— Ты еще байку про пакеты на кустах расскажи, — тоскливо проговорила Лера. — Трус. Все вы жалкие трусы. Одинаковые. Жаль, я тебя не успела прирезать.

— «Вы» — это люди? — уточнил Дима.

— Люди... мужчины. Слабаки и трусы, воображаете, что мир вертится вокруг вас, а если вдруг замечаете, что это не так, — делаете вид, что почудилось, и отправляете в игнор. Лишь бы все было правильно, объяснимо, так, как вам надо, да? А кто не в вашем вкусе — того можно топтать... — Лера судорожно вздохнула, и Дима вдруг понял, что она плачет. — Как вы мне все надоели. Как мне надоело для вас стараться. Если бы ты знал, как я устала...

— Так кто ж тебя заставляет, — удивился Дима, и Лера посмотрела на него как на идиота:

— А кому я тогда буду нужна? Разве что таким ботаникам, как ты.

— Зря ты так, — упрекнул Дима как можно мягче. — Я тебе ничего плохого не делал. Это ты старалась...

— Ага, не делал. — Лера саркастично потрясла связанными руками. — Я вообще не понимаю, как ты протянул так долго. Ты же... Ты даже не умереть должен был, как другие, нормальные, а сбежать в первый же день, поджав хвост. С криками «Я не такой, я хороший!».

Лера сухо, зло рассмеялась, и Дима различил призрачные голоса, вторящие ей. На мгновение он прикрыл ладонями уши,

чтобы не слышать их. Это помогло — когда он убрал руки, в ветвях снова шелестел один только ветер. Только ветер и всякая живность, и никаких мертвецов, никаких злых духов. Дима перевел сбившееся дыхание.

— По-моему, сбежать намного нормальнее, чем погибнуть ради какой-то чепухи, — сказал он. — Это всего лишь работа, а все вдруг так уперлись, как будто...

Он хотел сказать «проигрывают корову», но осекся: прилипшая к нему в незапамятные времена фразочка теперь слишком живо напоминала набережную в Пномпене, взволнованное, розовое Олино лицо, ярко горящие в закатных лучах волосы.

— Ты тоже уперся, — бросила Лера. — Вот я и удивляюсь: с чего вдруг. Сам говоришь, всего лишь работа...

Дима привычно промолчал, стараясь сдержать хитрую ухмылку, но Лера продолжала смотреть на него испытующе и недоуменно, и он вдруг почувствовал, как слова рвутся из него, словно гной из лопнувшего нарыва. Потребность рассказать обо всем хотя бы одному-единственному человеку была так велика, что Дима даже не пытался с ней бороться. В конце концов, Лера все равно не жилец, мелькнула ледяная мысль. Так почему бы не облегчить душу? Девушка не успеет выдать его тайну.

Дима прикусил губу и вытащил фигурку кальмара. Поднес поближе к костру, чтобы Лера смогла рассмотреть предмет получше. На гранях щупальцев заиграло оранжевыми переливами пламя.

— Эту штуковину я нашел в первый же день, — сказал Дима. — Помнишь, ты хотела договориться со мной о совместной игре, а потом вдруг резко передумала? Так вот...

Дима говорил долго, не упуская ни единой подробности, упорно глядя на игру живого, неумоимого огня, — лишь бы не видеть, как на Лерином лице проступают ужас и отвращение. Девушка молчала, ни разу не перебив его. Дима даже не

был уверен, что она не заснула, но продолжал говорить, то стискивая кулаки от внутренней муки, то нервно посмеиваясь. Он знал, что нечто, живущее на острове, тоже слушает его и оно недовольно тем, что тайна кальмара раскрыта. В какой-то момент он хотел остановиться, не рассказывать всего, чтобы дать Лере шанс — ведь если она не узнает все секреты Кох-Нага, то, возможно, ей позволят уйти. Снова выбирать, как же надоело... Нечто ждало, и в его давящем взгляде чудилась насмешка над его нерешительностью. Дима вздохнул и принялся рассказывать дальше.

Наконец он опустошенно замолк. В голове звенело, и тело казалось бессильным, будто резиновым. Молчание становилось все гуще, все тяжелее, и Дима, не выдержав, все-таки рискнул посмотреть на свою слушательницу.

Увиденное поразило его. Во взгляде Леры не было ничего человеческого — лишь бесконечное отвращение, перемешанное с бесконечным же ужасом, которые, казалось, затопили ее мозг, не оставив места для способности мыслить разумно. Она смотрела на него как на разложившийся труп. Как на гигантского, осклизлого паука. Как на копошащихся в ране червей. Казалось, девушка сейчас пронзительно завизжит, зажмурясь и взмахивая руками, но когда Лера заговорила, он едва смог расслышать ее.

— Какая гадость, — прошептала она. — Какая мерзость... зачем ты мне это рассказал? И ты... во мне... — Она всхлипнула. — И ты кайфовал все эти дни, зная, что в любой момент можешь... Какой кошмар. И — именно ты, это самое худшее, ты, ботаник несчастный...

Лера все всхлипывала, то и дело переходя на мат, и Дима, пытаясь оправдаться, жалко забормотал:

— Слушай, ну я же не нарочно. А что ты хотела, чтобы я вам про эту штуковину сразу доложил и отдал, кому скажете? Ты бы на моем месте как поступила, да?

— Я бы на твоём месте... — Лера замолчала, сосредоточенно сдвинув брови. — Нет, — сказала она сама себе.

— Сделала бы все то же самое.

— Нет! — пронзительно выкрикнула Лера голосом человека, который уже понимает, что самое страшное случилось, но еще не может принять это.

— Я тоже так думал, — сказал Дима. — Я был уверен, что справлюсь. Вот увидишь. Ты получишь выигрыш и кальмара... и увидишь сама.

Они помолчали. Лера мерно качала головой, и от этой гипнотической размеренности Диме становилось все страшнее — как будто это может никогда не кончиться, вечно будет ночь, и костер, и связанная Лера до конца времен будет качать головой, шепча: «Нет, нет, нет...»

— Я не могу придумать, что с тобой делать, — в отчаянии проговорил Дима. — Что со всем этим делать...

— Развяжи меня, — внезапно потребовала Лера абсолютно спокойным, ледяным голосом. Дима опешил, и она тут же сослезлась на визг: — Развяжи меня, ты, урод!

Ничего не соображая, Дима подступил к ней с ножом и, как во сне, послушно вспорол путы. Лера вскочила, разминая запястья, и тут же согнулась пополам, отвернувшись от костра. Дима услышал мучительный стон, громкий, отвратительно густой плеск. В нос ударил запах кислятины.

— Хватит с меня, — сухо сказала Лера, выпрямившись, и вытерла ладонью рот. — Хватит. Мне здесь не нравится.

— Рация...

— Да засунь свою рацию знаешь куда? — заорала Лера. — Какая, к черту, рация, если по миру ходят такие уроды, как ты? Мне здесь не нравится. — Она нервно оглянулась. — Твари эти подсматривающие. И ты еще с ними заодно... к черту. И Кирилл...

Дима гулко сглотнул.

— И что ты собираешься делать? — быстро спросил он, лишь бы не дать ей заговорить о Кирилле. — Ну хочешь, давай я отсюда свалю, а ты выиграешь. Так честнее будет.

— Да пошел ты, — треснувшим голосом проговорила Лера. Ее лицо свело судорогой, будто девушку снова одолевали рвотные спазмы. — Ничего я больше не хочу, понимаешь?

Глаза у нее стали пустыми, как окна заброшенного дома. Она присела на корточки рядом с воняющей гнилыми водорослями кучей жгутов и обрывков веревок и теперь, зажав в зубах фонарик, яростно рылась в этом хламе, брезгливо отбрасывая ненужное. Глядя на ее истерические, разболтанные, как у марионетки, движения, Дима спохватился:

— Лера, а ты пила давно? Извини, но ты не в себе, по-моему.

Девушка равнодушно качнула головой и продолжила поиски.

— Нет, правда...

— Ты тусил в моем теле черт знает сколько, а потом связал, — ровно проговорила Лера. Замерла на мгновение. — Зачем теперь спрашиваешь?

— Извини...

— К черту. Не хочу я пить, понятно? Я все понимаю, в здравом уме и трезвой памяти, не надо корчить из себя покровителя. Просто не хочу больше.

Она застыла, всматриваясь в заросли. Дима проследил за ее взглядом, и ему снова почудились бледные лица, пристально наблюдающие за ними.

— Невозможно так, — со смертной тоской в голосе проговорила Лера. — Ты бы знал, если бы не был таким... таким...

— Уродом? — вздохнул Дима.

Лера равнодушно кивнула, не слушая его. Она разбросала мусор по всей стоянке и теперь вертела, мяла, связывала дикими, причудливыми петлями пластиковый жгут — Дима

по привычке все делать тщательно нарезал пакетов с запасом. Лера затеребила узлы, которые сама же и затянула, попыталась распутать их зубами, сломала ноготь и резко опустила руки. Ее лицо снова опустело, уголки рта безвольно обвисли, как будто кончилась вдруг батарейка.

— И что, ты ни одной веревки не нашел? — мертвым голосом спросила она. — Не могу же я с этим... Оно тянется и скользить не будет.

Она брезгливо отбросила нарезанный из пакетов жгут и содрогнулась.

— Нет, тут есть немножко, — смущенно ответил Дима.

Он не понимал, чего хочет Лера, но спорить с ней не хотел. Ее вспышки ярости, так быстро сменяющиеся апатией, пугали. Чтобы не раздражать девушку лишний раз, он зарылся в кучу мусора. Вытащил обрывок толстого, покрытого зеленой слизью каната.

— О, сойдет, — кивнула Лера.

— Погоди...

Только теперь Дима понял, что она задумала, и его охватил ужас. Ничего не понимая, осознавая только, что вот-вот случится непоправимое, он смотрел, как ловко двигаются ее тонкие пальцы, вывязывая узел. Он никак не мог придумать, что сказать. Молчать было невыносимо. Слишком долго он молчал...

— Лера, — окликнул он наконец. — Не надо, а? Лучше ты...

Лера тоскливо усмехнулась, подошла поближе к дереву, пробуя ветки.

— Говорю же тебе, надоело. Устала. А здесь хотя бы компания хорошая, ребята нормальные подобрались...

— Да конечно, — желчно согласился Дима. — Прямо ангелочки.

— Если бы Пленский не выдумал эту гадость с помощью, мы бы подружились, — возразила Лера. — Из-за него вся эта дрянь полезла. Да еще эта мерзость твоя головоногая... Не уговаривай.

— Перестань. Не могу же я смотреть, как ты... — забормотал Дима, оборвал себя: — Это ты должна была победить! Я вообще для работы на Пленского не гожусь, какой смысл мне выигрывать, сама подумай? Лучше ты...

Он продолжал говорить, холодно отмечая краем сознания, как то и дело дает петуха, как фальшиво, неубедительно звучит его голос, и все просил мысленно: ну уговори меня. Решись уже... Лера внимательно смотрела на него, почти не слушая, и в светлых глазах девушки он видел тень колебания.

— Отвернись, — попросила вдруг Лера.

Дима с поспешной готовностью повернулся к ней спиной, прикрыл уши ладонями. Зажмурил на всякий случай глаза. Идеальная поза для того, чтобы разбить ему голову или воткнуть под лопатку нож. Интересно, Лера это видит? Наверняка. Скорее всего, именно на это и рассчитывала, когда разыгрывала свой спектакль. Блестяще задуманная и выполненная манипуляция. Осталось одно движение — и она победила. Подло, конечно, но кого это будет волновать? Точно не саму девушку.

Кончики пальцев заныли, требуя прикоснуться к холодной металлической фигурке. Дима еще может успеть, может придумать что-то, чтобы выжить. Но тогда... Тогда ему придется ждать, пока придет Антон. Стоило подумать об Антоне, и волосы Димы встали дыбом, тело похолодело в предсмертной тоске. Мертвый выйдет из джунглей, скажет: «Давай, не тяни, ботан», и за его спиной будет маячить Кирилл, обиженный, как ребенок, и на его голове будут копошиться мелкие крабы...

Нет. Лучше уж живая Лерка, чем ходячий мертвец. Дима сам говорил, что хочет ее победы. Он всю игру поступал нечестно и заслужил все, что она сейчас сделает. Наверное, мир станет лучше, если убрать из него такого урода, как он... Что она выберет, нож или камень? Камень или нож? Или веревку? Веревка разумнее всего, будет похоже на самоубийство. Но Дима надеялся,

что Лера не будет так жестоко рациональна и выберет что-нибудь другое. Веревка — это еще и медленно...

Сквозь сжатые пальцы донесся какой-то смутный звук, похожий на тоскливый шепот, и Дима плотнее прижал ладони к ушам, чтобы наверняка ничего не услышать, чтобы его глупые инстинкты не помешали Лере поступить так, как надо. Он непроизвольно напряг спину, ожидая удара, сведенные судорогой мышцы пронзило болью, но Дима так и не пошевелился. Не захотел.

Скрип. Скрип. Мерно и так тоскливо. Спина болела просто дико, и Дима наконец рискнул выпрямиться. Осторожно пошевелил лопатками, разминая затекшие мышцы. Скрип. Дима встали медленно, очень медленно обернулся.

Лера тоже повернулась к нему спиной: видимо, не хотела, чтобы он увидел ее изуродованное гримасой лицо. Зря: в густую тень под деревом не проникал лунный свет, и Дима видел только светлый силуэт. Но Лера всегда так заботилась о том, чтобы хорошо выглядеть. Даже теперь она походила на эфемерного, иссушенного эльфа, который забился осенью между рамами, долго лежал там, вытянувшись во всю длину, и в конце концов превратился в невесомую мумию. Дима смотрел в спину девушки долго, очень долго, загипнотизированный мерным скрипом. Но когда скрутившаяся веревка начала разворачиваться, вращая тело, и в поле зрения появилось маленькое, прикрытое пельной прядью тонких волос ухо, Дима поспешно отвел глаза. Лера не хотела бы. Он не станет смотреть.

Чтобы не нарушить собственный запрет, Дима слепо побрел прочь, по-стариковски шаркая по песку. Каждый шаг оставлял на песке новый отпечаток, но Дима подозревал, что скоро это закончится. Все они превратились в злых духов Кох-Нага, и только он почему-то задержался. Но ненадолго. Совсем ненадолго.

Боль в ушибленном пальце ноги привела его в себя. Ночь посерела; к Кох-Нагу подкрадывался рассвет. Несколько секунд Дима бессмысленно пялился на плоский черный камень, выступающий из песка. Камень выглядел как-то неправильно, чего-то на нем не хватало. Наконец Дима вспомнил, что когда-то, сотни лет назад, на нем шелковисто поблескивали сизые ячейки и тонкие провода извивались, соединяя их с матово-черной, ободряюще потрескивающей, подмигивающей экраном рацией.

Дима шумно вдохнул. Только теперь до его сознания начало доходить, что он остался один. Последний из группы игроков. Остальные выбыли. Он единственный смог решить все проблемы, как и требовал Пленский. Он победил. Выиграл. Осталось только связаться с дежурным на Кох-де-Коле, назвать свой пароль — и работа мечты, лучшая работа в мире будет его. Никто больше не посмеет смеяться над ним и называть ботаником. Дима всех обошел. Он оказался самым решительным, самым хладнокровным, стрессоустойчивым, что там еще говорил менеджер по персоналу в странной, холодной, почти забытой Димой Москве... А, не важно. Главное — он оказался самым умным, как и рассчитывал.

Дима заметался по стоянке, высматривая рацию. Когда батареи промокли во время шторма, их куда-то убрали, а рация еще несколько дней бестолково ходила по рукам, и потрескивание статического электричества, иногда раздающееся в динамиках, доносилось из самых неожиданных мест. Дима приостановился, склонив голову набок, но ничего не услышал. Это, конечно, ничего не значило. Просто надо искать дальше.

Наконец он радостно вскрикнул: невзрачный прямоугольник передатчика все время лежал практически у него на глазах, аккуратно уложенный кем-то в выемку у комля бревна. Дима торжествующе схватил его. Глубоко вздохнул, оттягивая

момент триумфа, наслаждаясь мгновением. И со счастливой, ликующей улыбкой нажал кнопку вызова.

Рация не издала ни звука. «Прием», — неуверенно пробормотал Дима, уже понимая, что произошло нечто страшное, и тупо уставился на безжизненный серый экранчик. Ничего не соображая, потыкал в кнопки, ожидая, что от его прикосновений они оживут и заиграют радостными, обнадеживающими огоньками подсветки. Прорезиненные клавиши равнодушно пружинили под пальцами. Дима подул зачем-то в микрофон, постучал ногтем. Открутил и прикрутил обратно короткую толстенькую антенну. Рация не оживала. Она была мертва — точно так же, как все на этом острове.

— С голоду сдохла, — прокомментировал Дима вслух и глупо хихикнул.

Он перевернул рацию и вытащил бессмысленно тяжелый брусок аккумулятора. Аккумулятора, полностью, в ноль разряженного за трое суток работы без подзарядки... Дико заорав, Дима швырнул батарею, метя в камень. Аккумулятор с треском ударился об базальт, отскочил в воду. Жадно булькнуло, и Дима тут же спохватился, запричитал, бросился вылавливать такую нужно, но совершенно теперь бесполезную батарею из воды. Нельзя распускаться. Он победитель, он должен уметь держать себя в руках...

И с чего он, собственно, закатил истерику? Ну разрядился аккумулятор, бывает. Свойство у них у всех такое — разряжаться. Можно подумать, без рации Дима пропадет. Не бросят же его здесь. Возможно, именно сейчас Пленский лично мчит к Кох-Нагу на белом скоростном катере.

Растянувшись на песке, Дима предался мечтам. Вот Пленский жмет ему руку, губа оттопырена, как у несговорчивого верблюда, но деваться некуда: все условия выполнены. Вот Дима за столом в огромном кабинете, небрежно покачивая ногой

в кеде, подписывает важнейшие бумаги... стоп, отставить. Он топ-менеджер, а не какой-то сисадмин. Начищенные дорогие ботинки и к ним костюм. Неудобно, но ничего, он привыкнет. Заодно и на столе надо бы прибраться: поверхность темного полированного ореха завалена винтами, плашками оперативки, вон пара кулеров завалилась, и из-под всей этой безобразной груды торчит край материнской платы...

От ужаса Дима громко втянул в себя воздух и вскочил, панически озираясь по сторонам. Разгромленный лагерь походил на помойку. Хорош Дима будет, когда Пленский приедет и увидит весь этот бардак! К костру не подойти, все завалено всякой дребеденью. И, главное, люди! Как он собирается работать заместителем Пленского, если его подчиненные предаются анархии? Разбрелись по всему острову, ни дисциплины, ни аккуратности.

Дима сжал челюсти и решительно встал. Бардак, конечно, страшный, и работа предстоит адова, но к моменту, когда Пленский приедет подписывать контракт, все будет в порядке. Дима не даст боссу оснований сомневаться в своем выборе.

Удивительно, на что способен человек, который твердо решил сделать все правильно. Дима чувствовал, как в нем бурлит и кипит мощная энергия. Именно таким он должен быть, бодрым и целеустремленным, иначе с работой на Пленского не справиться. Поразмыслив, Дима решил начать с самого сложного и времязатратного. Не объяснять же потом боссу, почему один из сотрудников до сих пор болтается в русле пересохшего ручья! От Антона неприятно пахло, но Дима не стал к нему придирается. Не до того было: мышцы гудели от напряжения, под черепом гулко толкалась кровь, и Диме не хватало дыхания на то, чтобы вести беседы. Он волок Антона, подхватив под мышки, и пот, капавший с его лба, смешивался с неприятной прохладной влагой, проступившей на коже мертвеца. На камнях за

ними оставались какие-то ошметки, на которые тут же сбегались крабы, но Дима не обращал на них внимания. Это мелочи, потом приберет, если успеет.

Он не знал, сколько ушло времени на то, чтобы доволочь Антона до пляжа. Тащить тело по песку было проще, но запах все усиливался, и Диме то и дело приходилось прерываться, чтобы переждать позывы к рвоте. Солнце близилось к зениту, когда Дима добрался наконец до пяточка пляжа на границе мангрового болота. Он неодобрительно оглядел два песчаных холмика, под которыми лежали Оля и Ира: неаккуратные, кривые какие-то, сразу видно, что к работе отнеслись небрежно. Надо будет серьезно поговорить с Пленским: зачем им такие сотрудники?

Кирилл был тяжелее, но зато лежал ближе, и Дима управился бы с ним почти шутя, если бы не запах. Надо будет потребовать, чтобы рядом с кабинетом организовали душ, невозможно же работать в таких условиях. В какой-то момент Дима просто потерял сознание, но, к счастью, ненадолго. Он очнулся от того, что рак-отшельник аккуратно пощипывал его запястье, и задохнулся от ужаса: так бездарно потратить время! Несколько минут он прислушивался до звона в ушах, пытаясь уловить шум лодочного мотора, но Сиамский залив по-прежнему был пуст, и Дима выдохнул с облегчением: у него еще столько дел. Аккуратно обобрав отшельников и крабов с тела Кирилла, он дотащил парня до места сбора и только там позволил себе небольшой перерыв.

Поясница глухо ныла, и Дима, порывшись в аптечке, проглотил сразу несколько таблеток аспирина. Запил водой — ее вкус показался почти приятным, сладковатым, она пахла дымом, а в послевкусии чувствовалась изысканная горчинка прелых листьев. Не удержавшись, Дима отпил еще немного, посмаковал, разглядывая мосластое тело Вовы и прикидывая, как бы

поудобнее за него взяться. Боль в спине отступила, и Дима снова готов был к работе.

Леру Дима доставил к месту сбора последней. Девушку он волоочь по песку не стал — принес на руках, бережно, как хрупкий, невесомый цветок. Уложив ее на место, он оценивающе взглянул на два параллельных холмика и продолжающие их ряд четыре тела. Не идеально, конечно, но временно, как черновой вариант пойдет. Теперь надо было вернуться в лагерь и навести там порядок. А потом снова сюда — и копать, копать, копать. Обрывков веревок хватит, чтобы связать из обломков затопленного пиратами корабля шесть крестов. Все должно быть правильно и аккуратно. Пленский сразу поймет, какой ценный сотрудник ему достался.

Напевая, Дима вернулся в лагерь и принялся за уборку. Он чувствовал себя отлично, энергия по-прежнему переполняла его, и призраки больше не беспокоили. Дима точно знал, что никаких злых духов не существует — есть лишь глупые кхмерские суеверия и иллюзии измученных стрессом и обезвоживанием людей. Никто не наблюдал за ним из зарослей. Дима не нуждался в присмотре, чтобы трудиться на совесть.

Когда солнце коснулось поверхности Сиамского залива, работа была уже сделана, и сделана хорошо.

ГЛАВА 15

НАГРАДА

— Ты умерла, — безнадежно проговорил Дима.

В джунглях за спиной постукивали, потрескивали раки-отшельники, идущие к морю, и этот бесконечный звук сводил с ума, не давал сосредоточиться, найти путь к спасению. Они объели лицо Оли почти до неузнаваемости, но Дима по-прежнему мог различить ее черты. Она пришла сказать, что он убил ее. Пришла отомстить. Болото воняло соленой гнилью, и корни мангровых деревьев походили на склизкие, почерневшие пальцы мертвецов, впившиеся в землю в поисках воды. Только вода вся соленая, и ею никак не напиться...

За спиной Оли уже маячил Кирилл — нелепо-огромный, с почерневшей от свернувшейся крови щекой. В трещине на его черепе копошились крабы. А волосы Иры обвисли мокрыми прядями, и по ним стекала вода, будто девушку только что вытащили из моря, и Дима не видел, но знал, что на плече у нее — маленький, чуть припухший след укула. Они все были здесь. От них несло сладковатой вонью гнилого мяса. Они пришли за ним.

— Вы умерли, — просипел Дима и вцепился ногтями в свои щеки, оставляя кровавые полосы. — Вас не существует.

Лера качнула опухшей, посиневшей головой, прикоснулась к черному рубцу от веревки на шее.

Дима со стоном замотал головой. Он понимал, что не сможет бежать от них, но глаза все еще метались сами собой, высматривая путь для отступления.

— Зачем вы пришли? — пробормотал он, не смея поднять глаза, чтобы не увидеть новые кошмарные подробности. — Я победил, все кончено!

Это не я, я не виноват, хотел закричать он, но горло сдавило невидимой скользкой рукой. Дима захрипел, отчаянно мотая головой.

— Неправда, — вытолкнул он. Слова раздирали пересохшее, потрескавшееся горло. — Неправда. Это не я. Что вам от меня надо, что? — Он скорчился на песке, не понимая, что делает, не слыша собственного жалкого хныканья.

Дима заскулил и боком, как краб, дернулся в сторону. Каждое действие давалось с трудом, как будто он двигался в толще воды. В неизмеримой бездне, где вечная тьма и холод, где под чудовищным давлением выживают только самые сильные, самые хищные глубоководные твари...

Дима сунул руку в карман.

— Вы ничего не можете мне сделать, — сказал он и растянул треснувшие губы в безжизненной улыбке. — Ничего вы мне не сделаете.

Мертвецы зафыркали, издавая кошмарные булькающие звуки, и Дима понял, что просчитался, что кальмар больше не поможет ему, и злые духи Кох-Нага знают об этом.

Они смотрели на него, злобно ухмыляясь, и Дима был уверен, что протяни он в приступе безумной храбрости руку — и ощутит прикосновение к холодной, отвратительно влажной плоти. Проверять он не собирался. Он знал, как это будет.

— Что вам от меня надо? — снова взвизгнул он.

У него не было ответа. Он задыхался от мертвечины. Он пытался бежать, он бежал, разрывая легкие, на пределе сил, лишь

бы избавиться от этого запаха, не видеть эти изуродованные смертью лица, но раз за разом приходил в себя на границе мангровых болот. Ил чмокал и булькал под ногами, испуская пузыри воняющего солью и гнилой растительностью газа, корни деревьев жадно хватали Диму за ноги, и он, поскуливая от тоскливого ужаса, с готовыми лопнуть глазами выбирался на песок. Шесть аккуратнейших могил серебрились в лунном свете, и шестеро мертвецов терпеливо дожидались Диму, не спуская с него глумливых глаз. Им некуда было спешить. «Ты убил нас. Ты убил нас. Убил», — шептали их голосами мангровые деревья и протягивали ненасытные черные пальцы.

— Хватит! — дико заорал Дима, раздирая лицо. Его волосы стояли дыбом, как наэлектризованные, а тело скользким от ледяного, как фигурка кальмара, пота. — Хватит!

Стало слышно, как тихо плещет о берег вода.

— Да, это я, — сказал Дима почти спокойно. — И что теперь?

Стоя совершенно один и глядя в пустоту Дима пожал плечами.

— Я... вы поймите, я же не... я не говорю, что не надо. — Дима прижал руки к груди. — Но сами подумайте, как выйдет: вы все здесь, а я где-то в стороне болтаюсь. Это же... некрасиво будет. Неправильно.

Дима упал на песок и затих. Мертвецы не торопили его. Они понимали, что иногда человеку нужно просто набраться сил, чтобы сделать необходимое. Время у них было. У них было много, очень много времени. Все еще поскуливая и вздрагивая, Дима подложил под щеку кулак с зажатой в нем бесполезной фигуркой и провалился в мягкую, теплую трясику беспамятства.

Солнце успело подняться довольно высоко, когда Дима очнулся. Мертвецы терпеливо ждали: Дима не видел их, но слышал, как они с хлюпаньем прогуливаются в мангровом болоте,

как перешептываются, обсуждая, сможет ли он сделать то, что нужно. И, конечно, он чувствовал их взгляды. Они не спускали с него глаз. Они не собирались отворачиваться до самого конца.

Обрывок каната, на котором повесилась Лера, лежал рядом, свернутый безупречными кольцами: Дима сразу понял, что о нем позаботился кто-то из девушек. Подхватив веревку, он нога за ногу потащился к ближайшему дереву. Идти было трудно, но Дима знал, что скоро все кончится, и был почти счастлив этому. Распухшие, ободранные пальцы слушались плохо, но он все-таки сумел завязать петлю. Оставалось совсем немного.

Дима снова прислушался, надеясь понять, о чем говорят мертвецы. Довольны ли они? Не истощилось ли их терпение? Но они умолкли. Лишь шелестел легчайший прибой, да на самом краю сознания зудел, звенел, как навязчивое насекомое, какой-то страшно знакомый, совершенно невозможный звук.

Дима вскрикнул и выронил канат. Обожженные, пересохшие глаза пронзила боль, когда он попытался взглянуть на горизонт, но Дима успел заметить далекое белое пятно на стальной поверхности моря.

Скоростной катер прошуршал брюхом по песку и замер напротив лагеря. Николай выскочил на берег. Следом выбрался Пленский, а за ним, неловко задирая ноги, чтобы не промочить идеально отглаженные брюки, полицейский, удивительно неуместный, почти нелепый в своей нарядной светлой форме.

— И где они шатаются? — спросил Пленский, недовольно озираясь. — Они что, думают, за ними кто-то бегать станет?

— Как бы не пришлось, — тихо ответил Николай.

Он уже стоял у самого кострища, мрачно озирая стоянку, и на его лице явно читалась тревога. Пленский, раздраженно выпятив челюсть, подошел поближе; из его горла вырвался невнятный возглас, и он стремительно сунул руку за пазуху.

— Эт-то еще зачем?! — воскликнул Николай, когда подрагивающий ствол пистолета взглянул прямо ему в лицо. Пленский, поморщившись, направил дуло в заросли за лагерем и медленно, осторожно двинулся вокруг костра.

— Затем, что я не знаю, кто это сделал, но этот человек мне не нравится, — проговорил он, не оборачиваясь.

Николай сочувственно вздохнул. Территория стоянки выглядела совершенно дико. На песке идеальными, будто вымеренными линейкой, рядами располагалось все, что осталось от снаряжения. Скатанные в одинаковые валики гамаки. Четыре ножа и четыре фонарика. Солнечные батареи, вспучившиеся от попавшей внутрь воды, с заржавевшими до красноты разъемами, и рядом — разбитая рация. Несколько отколовшихся от передатчика кусочков черного пластика выложены в ровный прямоугольник, как элементы пазла. Десять бутылок из-под воды, этикетками строго в одну сторону. Ряд пустых, слегка обгорелых консервных банок, педантично отсортированных по размеру. Какие-то клочки грязной ткани. Несколько десятков аккуратнейших разноцветных квадратиков — подобрав один, Николай обнаружил, что это старый пластиковый пакет, сложенный с нечеловеческой тщательностью.

Томимый дурными предчувствиями, Николай подобрал ветку и ткнул одну из кучек, расположенных так же тщательно, но полностью скрывшихся под мелкими муравьями. Под засуетившимися насекомыми мелькнуло что-то бурое, что-то синевато-белое, и Николаю стало совсем нехорошо: уж больно эти ошметки походили на куски человеческой, выдранной с мясом кожи. Не может быть, оборвал он сам себя, скорее всего, шкурка от рыбы... Но предчувствие беды стало еще острее.

Николай обернулся на Пленского.

— Виктор Михайлович, уберите пистолет, ради бога, — просил он. — Здесь никого нет.

Пленский лишь упрямо качнул головой и уставился на полицейского, который успел осмотреть часть пляжа.

Даже без перевода было понятно, о чем говорит кхмер: уж больно тревожно и настойчиво тот махал рукой на восток. Держа оружие наготове, Пленский первым двинулся вдоль борозд, оставленных проташенными по песку телами.

Пляж просматривался во всю длину и был абсолютно пуст, но чем ближе они подходили к его восточной оконечности, ограниченной гигантскими валунами базальта, тем сильнее становилось ощущение тяжелого, давящего взгляда. Добравшись до камней, они в неуверенности остановились: следы здесь обрывались, но было трудно поверить, что кто-то мог проташить тяжелое тело через этот каменный лабиринт. Внезапно полицейский вскрикнул и быстро заговорил.

— Плохо дело, — пробормотал Николай.

Присмотревшись, Пленский тоже увидел кровавые ошметки на покрытых ракушками камнях.

— Совсем они сдурели, что ли? — буркнул он.

Николай только пожал плечами: после того, что он увидел в лагере, сомнений, что кто-то здесь сошел с ума, не оставалось. Ощущение, что за ними наблюдают, никак не проходило, и Николай был уверен, что тот, кто навел на стоянке такой безупречный в своем безумии порядок, и тот, кто подсматривает за ними сейчас, — один и тот же человек. Однако надо было найти остальных. Страшные следы на пляже заставляли торопиться: вдруг кому-то еще можно помочь? Стараясь не задевать кровавые полосы, едва заметные под кишевшими на них насекомыми и морской мелочью, он забрался на первый валун и, ловко балансируя, двинулся дальше.

— Стой! — крикнул вдруг Пленский. Нервно облизнув губы, он прошептал: — Я что-то видел. Какое-то животное, что ли. Вот там за камнями мелькнуло.

— Крупное? — насторожился Николай.

— Крупное, — подтвердил Пленский. Пистолет дрожал в его руке. — Чуть ли не с человека ростом. Облезлое такое. Вроде как лысое.

Дима, посмеиваясь, смотрел из-за камней, как испуганно озирается Пленский. Ярость больше не застилала ему глаза, и теперь Дима был абсолютно спокоен. Голова работала четко и ясно, как никогда раньше. Можно придумать что-нибудь поумнее, чем с воем вцепляться зубами в жирную глотку босса. Первый порыв — всегда глупость, но Дима оказался достаточно умен и хладнокровен, чтобы не поддаться ему, и теперь Пленский был полностью в его власти. Дима мог сделать с ним все, что угодно, и вовсе незачем спешить. Пусть помучается. Пусть осознает, что натворил. Дима даже не чувствовал ненависти — только желание восстановить справедливость. Пленский не мог не знать, во что выльется игра, и теперь должен был за это ответить.

Мертвецы толпились у Димы за спиной, и он чувствовал их одобрительные улыбки.

Трое приезжих уже стояли у могил, и Дима почувствовал короткий укол гордости: они не могут не оценить аккуратность работы. Кресты связаны виток к витку. Холмики выровнены и идеально симметричны. Ни намек на небрежность.

— Хорошо, а где седьмой? — спросил Пленский.

Дима тихо хихикнул. Седьмой — это он. Победитель. У него — право решить, как наказать Пленского.

— Все должны узнать, какой он на самом деле, — тихо пробормотал Дима. — Никаких несчастных случаев, все должны узнать, что это он виноват. Он во всем виноват, он, не я. Это... всё свалят на нас, скажут, мы сами. Скажут, мы могли выбирать. Его оправдают. Всё свалят на меня, а я не виноват, это все он, вы знаете, что это всё он, не мы! Не я...

Дима схватился за голову и замер, будто провалившись в небытие.

— Дима...

— Ну что еще? — заорал он, задыхаясь от гнева, но, подняв глаза, осекся.

Перед ним стоял Николай, и в его добрых глазах Дима увидел тревогу. Тревогу и заботу.

Николай с ужасом смотрел, как парень, который выглядел самым разумным и сдержанным во всей группе, скорчился среди скал. Его одежда превратилась в грязные, пропахшие падалью лохмотья. Безобразно грязный и заросший, он двигался, ссутулившись, едва ли не на четвереньках, как примитивное животное. Он то и дело пускался в бурный диалог с пустотой, о чем спорил, что-то доказывал невидимым собеседникам, иступленно размахивая руками. Его умное, чуть замкнутое лицо превратилось в отвратительную физиономию дегенерата, и в глазах, прежде добродушных и слегка рассеянных, светилась хитрая, злобная радость.

— Дима, — снова окликнул Николай, и взгляд безумца наконец сфокусировался на нем. — Дима, ты узнаешь меня?

— Вы Николай, герпетолог, — хрипло ответил тот. — Вы... вы крутой, — и он залился сиплым, визгливым смехом.

— Где остальные? — вмешался Пленский.

— Так здесь же. — Дима испуганно оглянулся через плечо, и мелькнувшая было тревога исчезла из глаз. Он с облегчением улыбнулся. — Вот же они все, — он широко повел рукой. — Мертвые, но все здесь. Я проследил, чтоб все было нормально. Я понимаю, что отвечаю за подчиненных, вы не думайте, все на месте, хоть и мертвые. Я все сделал. Я придумал, что делать.

— Поздравляю вас с новым сотрудником, Виктор Михайлович, — не выдержав, желчно произнес Николай. — Отличный

заместитель у вас будет, сообразительный, энергичный, а главное — совершенно здоровый психически...

Николай перевел слова Димы полицейскому, и тот вдруг разразился взволнованной тирадой. Его темные глаза вдруг забегали, рука нервно потянулась к кобуре.

— Чего он там лопочет? — подозрительно спросил Пленский.

— Говорит, это дело злых духов, — неохотно перевел Николай.

— Он что, тоже псих? — взорвался Пленский. — Нам что, одного мало?

Николай молча пожал плечами и повернулся к сумасшедшему.

— Дима, мы сейчас поедem на материк. Ты попьешь, поешь, повидаешься с врачом. Все будет хорошо. Пойдем с нами к катеру.

— Нет уж, — внезапно уперся Пленский. — Я хочу знать, что здесь произошло.

Дима растянул губы в улыбке. Именно так, именно здесь, чтобы остальные тоже могли посмотреть, чем все закончится. Не удержавшись, он оглянулся на мертвецов и весело, хитро подмигнул.

Второй раз за последние два дня он принялся рассказывать о том, что на самом деле случилось на Кох-Наге, — но теперь намного спокойнее и с небольшими, совсем крошечными поправками. Какое-то время Дима опасался, что Лера, не до конца поняв, в чем его план, вмешается и выдаст тайну кальмара, но девушка вовремя сообразила, что к чему, и не вмешивалась. Она стояла за Диминым плечом, строго глядя на Пленского, и прикрывала ладонью рубец на шее. Подожди, мысленно шепнул ей Дима, скоро он получит свое, вот увидишь.

И Дима продолжал говорить, с удовольствием наблюдая, как багровеет, наливается дурной кровью физиономия Пленского, как на ней проступают отвращение и гнев. Притворяясь, что его захлестывают эмоции, Дима жестикулировал и переминался

с ноги на ногу, постепенно смещаясь ближе к болоту. Об это нужно было помнить: что бы ни случилось, Пленский не должен знать о кальмаре. «И тогда я заставил Леру воткнуть острогу ему в спину», — монотонно говорил Дима. Не важно как. Пусть думают, что он гениальный манипулятор, способный уговорить людей на что угодно. Или не думают вообще, ему все равно. Он делал все новые и новые крошечные шажки. Кальмар должен вернуться туда, откуда взялся. Все должно быть аккуратно, все — на своем месте. Еще шагок. Дима все брал на себя: и свои грехи, и чужие, и общие, это было не важно. Главное, чтобы Пленский не усомнился в его уродстве. Чтобы сказал об этом вслух. Дима не был уверен, что сможет произнести нужные слова за него. Еще шагок. Он на месте, можно заканчивать рассказ. Упомянуть мертвецов Дима не собирался — сами видят, зачем упоминать очевидное.

— ...а сам пошел прибраться, а потом приехали вы, — закончил он. И старательно улыбнулся Пленскому, который стал уже пурпурным.

— Ты... — просипел босс, — ты...

Он разразился длиннейшей матерной тирадой. Дима продолжал улыбаться, тщательно следя за положением губ.

— Погодите-ка, — перебил Николай, — вы же видите, бедняга не в себе. Это же явный бред.

На секунду Дима испугался: вдруг Пленский согласится с тем, что он — несчастная жертва, и испортит ему всю игру. Но босс не подвел. Давясь руганью, он только отмахнулся от Николая. Пистолет плясал в руке, и дуло целило Диме то в голову, то в живот. Это хорошо. Пусть свидетели — полицейский и уважаемый, знающий язык и обычаи, глубоко вросший в местную жизнь иностранец — слушают повнимательней.

— Он урод, — просипел Пленский, брызгая слюной. — Даже если он все это выдумал, это ж надо вообще до такого додуматься,

это каким надо козлом быть... Я с самого начала знал, что он извращенец, но такое... Убивать таких надо, я б таких...

О такой удаче Дима даже не мечтал. Чтобы у свидетелей не осталось сомнений, он произнесет еще пару слов голосом босса, его злым языком, но основное Пленский сказал за него сам. Мертвецы за спиной оживленно подались вперед. Дима слышал их шепот, но не нуждался в нем. Он сам знал, что настал нужный момент. Снова расплывшись в улыбке, со стороны больше похожей на безрадостный оскал, он крепко сжал фигурку кальмара и вошел в Пленского.

Николай давно понял, что пора вмешаться, убрать несчастного сумасшедшего с глаз, чтобы Пленский хоть немного остыл, но тот размахивал пистолетом так, что страшно было сунуться: как бы не угодить под пулю. Пленский был вне себя от ярости. Николай уже начал подумывать, как бы незаметно дать сигнал полицейскому, чтобы вдвоем утихомирить взбесившегося бизнесмена, но тут Пленский резко успокоился. Он уже не размахивал стволом, его руки не дрожали, и Николай не сразу понял, что дуло смотрело точно в лоб парня. Лицо Димы вдруг стало сонным, расслабленным, он как будто даже слегка осел, и только правый кулак был сжат так, что побелели ободранные костяшки пальцев.

— Мне такие сотрудники не нужны, — размеренно произнес Пленский. Голос его слегка плыл, будто его звук вызывал у него удивление. — Таких уродов не награждать, таких уродов убивать надо.

Николай осознал, что происходит, долей секунды позднее, чем было нужно. Он прыгнул, оглушенный выстрелом, задыхаясь от резкой пороховой гари, видя краем глаза, как медленно валится в болото Дима. Что-то серебристое выпало из его разжавшегося кулака и с громким бульканьем ушло в ил.

Николай вышиб пистолет из руки Пленского ровно в тот момент, когда Дима с громким, отвратительным чавканьем рухнул в болото, почти заглушив удар оружия о камень.

— Это злые духи, — проговорил в тишине шокированный полицейский, побледневший так, что его смуглое лицо пошло серыми пятнами. — Это они.

Пленский моргнул.

— ...таких козлов надо в отдельных заведениях держать, чтоб... — по инерции проорал он и осекся, глядя на медленно погружающееся в ил тело. Во лбу Димы неспешно набухла черной влагой крошечная дырочка и вот — расплылась, пролилась густой, извилистой темно-красной струйкой.

— Да, мы поняли, что вы им очень недовольны, — проговорил Николай, поднимаясь с песка и отряхивая колени. — Вы совсем не понимаете, что вам — не все позволено? Убийство этих ребят, — он кивнул на могилы, — еще можно списать на несчастный случай, но...

— Это ж надо, до чего довел, урод, — пробормотал Пленский, нервно кривясь и с отвращением поглядывая на уходящий в болото труп. — Это каким козлом надо быть, чтоб довести нормального человека до стрельбы. Это ж никакие нервы не выдержат...

— При чем здесь нервы, — брезгливо поморщился Николай. — Никакие нервы такое не оправдывают.

Пленский завороченно посмотрел на кровавую дырку во лбу, сплюнул и отвернулся.

— И что, никого не осталось? — тупо спросил он, явно не понимая, что несет.

— Вряд ли эти могилы пустые, — сквозь зубы ответил Николай. — Отличные вы правила придумали, Виктор Михайлович. Это ж нарочно не додумаешься, а тут — семерых одним махом. Доигрались.

Пленский неопределенно повел плечом, нахмурился, явно думая о чем-то своем.

— Не знаешь, та девчонка, которую я в первый же день, еще на Гвозде вытурил, еще не уехала? — спросил вдруг он.

— Не интересовался как-то, — бросил Николай, удивленный такой резкой переменой, — а что?

— Везучая девка, будто в рубашке родилась, — ответил Пленский. — Такую можно и нанять.

Николай коротко, нервно хохотнул.

— Все еще надеетесь кого-то нанимать? — с иронией спросил он.

— Вот не надо этого, — напрягся Пленский. — Сам покажешь, что я в аффекте был.

— Какой аффект? — сухо возразил Николай. — И не рассчитывайте, что я стану вас покрывать. Вы — опасный психопат. Жаль, что я не понял этого раньше.

— Но я не помню, как... — начал заводиться Пленский, но Николай холодно оборвал его:

— В суде расскажете, я переведу.

Он посторонился, пропуская к Пленскому маленького, наспуленного полицейского. Тот уже оправился от шока; если он и думал сейчас о злых духах — то делиться своими соображениями явно не собирался. На ходу снимая с пояса наручники, полицейский быстро заговорил, поворачиваясь то к Пленскому, то к Николаю, и тот, вздохнув, принялся переводить:

— Вы имеет право хранить молчание...

Дима медленно погружался в болото, и на его спокойном, умиротворенном лице, уже наполовину скрывшемся в воде, играла легкая, искренняя улыбка. Улыбка победителя.

КАРИНА ШАИНЯН

Родилась 14 сентября 1976 года в городе Грозном. Биография автора укладывается в треугольник, подминающий под себя практически всю страну — вся жизнь Карины прошла между городами Грозный, Оха (Сахалин) и Москва. Представительница славной династии: родители — геологи, дед — геолог, бабушка — инженер-нефтяник, папина сестра и мамин брат — геологи. Положение, как говорится, обязывает, поэтому геологом пыталась стать неоднократно, три года подряд поступая в Губкинскую академию нефти и газа, на геофак МГУ и еще раз геофак МГУ. В итоге закончила психфак МГУ. Работала школьным психологом, но сбежала после того, как одна девочка начала ловить агентов Скалли и Малдера у нее в кабинете. В данный момент учится на сценарном факультете ВГИКа.

Помимо учебы играла на скрипке, рисовала, отработала сезон с геологической партией на полуострове Шмидта (самый север Сахалина), — по ее словам, «на должности «за козленка», она же «мальчик за все». Была вокалисткой панк-рок группы, немного поработала в журналистике. С детства увлекается лошадьми, каждое лето проводит на Алтае — водит инструктором туристов в конные походы. Профессионально занимается изготовлением дизайнерских украшений. Еще одна страсть — поездки в экзотические страны. Путешествовала по Эквадору, Индонезии и Малайзии, поднималась на Килиманджаро, основательно изучила нетуристические места Камбоджи и Тайланда.

Писать начала в 2001 году, активно публикуется с 2002 года. Считается одним из самых перспективных авторов нового поколения российских фантастов. В 2010 году вышел дебютный роман Карины Шаинян «Долгий путь на Бимини». Карина — лауреат премий им. В. Савченко «Открытие себя», «Мраморный фавн», «Золотой Кадуцей», «Бронзовый РосКон» и «Золотой РосКон».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ	11
ГЛАВА 2. НЕМНОГО О ЗМЕЯХ	26
ГЛАВА 3. ПРЫГАЙ И ПЛЫВИ	43
ГЛАВА 4. ПЕРВАЯ КРОВЬ	61
ГЛАВА 5. ОКОЛЬНЫЕ ТРОПЫ	72
ГЛАВА 6. ОТШЕЛЬНИКИ	88
ГЛАВА 7. ВСЕ НОРМАЛЬНО	101
ГЛАВА 8. ЗЛЫЕ ДУХИ КОХ-НАГА	116
ГЛАВА 9. УЖ ЛУЧШЕ ГОЛОДАЙ... ..	135
ГЛАВА 10. В ОЖИДАНИИ	154
ГЛАВА 11. СЛИШКОМ ПРИСТАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ	173
ГЛАВА 12. МОЛЧАНИЕ	189
ГЛАВА 13. ВСЕ РАССЧИТАНО	205
ГЛАВА 14. СДЕЛАТЬ МИР ЛУЧШЕ	222
ГЛАВА 15. НАГРАДА	237

Многопользовательская онлайн
стратегия по мотивам литературного
сериала «Этногенез»

www.voina.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Карина Шаинян

ИГРА

Книга первая

Змеиный остров

Руководитель проекта Константин Рыков

Редактор Полина Волошина

Корректор Наталья Витько

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Правовое сопровождение: Юлия Полянцева,

Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательство «Этногенез»

Россия, 127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 4

тел. / факс: +7 (495) 660 04 67

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 07.10.13 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11,7 pt

Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32